ISSN 2311-5998 (Print)
ISSN 2782-6163 (Online)

№ 10 (134)
2025

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

Jus est ars
boni et aequi

В номере

Выпуск
ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

20 *Плужник И. Л.*
Полипарадигмальность иноязычного образования в эпоху исскусственного интеллекта: новации и вызовы

ВЕКТОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

31 *Викулина М. А., Моисеенко Л. В.*
Формирование фиктивного юридического дискурса в рамках дискурса урока

39 *Калиновская В. В.*
Вариативность в деловой фразеологии (на материале английского языка)

48 *Королькова А. В.*
Проблемы лингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности

111 *Бирюкова М. А.*
Социокультурный компонент и культурно-исторические реалии в процессе обучения профессиональному иностранному языку для учащихся юридического вуза (на примерах немецкого языка)

182 *Стукалова О. В.*
Развитие социальной ответственности студентов юридических специальностей: опыт социального партнерства с НКО

№ 10 (134)
2025

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — директор Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025

КОМАРОВА Валентина Викторовна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

БУДЕННАЯ Светлана Юрьевна — доцент кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат педагогических наук

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 21.11.2025 Объем 21,84 усл. печ. л. (12,76 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор *Л. А. Мункуева* | **Корректор** *В. А. Целищева* | **Компьютерная верстка** *Е. Г. Булычев*

№ 10 (134)
2025

COURIER OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

Edition
FOREIGN LANGUAGES

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure, Advocacy and Notary of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Director of the Law Institute of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Vice-Rector, Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (RUAN), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Duflot & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeyevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPA University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2025

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Lebedev Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editors-in-Chief of the Issue:

BUDENNAYA Svetlana Yurievna — Associate Professor of the Department of the English Language of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Pedagogy)

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologyw and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1, Presnensky intra-urb. ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	21.11.2025 Volume: 21,84 conventional printer's sheets (12,76 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Editor *L. A. Munkueva* | **Proof-reader** *V. A. Tselishcheva* | **Computer layout** *E. G. Bulychev*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ 8

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА 9

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Плужник И. Л.
Полипарадигмальность иноязычного образования в эпоху искусственного интеллекта: новации и вызовы 20

ВЕКТОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Вопросы языка и права

Викулина М. А., Моисеенко Л. В.
Формирование фиктивного юридического дискурса в рамках дискурса урока 31

Калиновская В. В.
Вариативность в деловой фразеологии (на материале английского языка) 39

Королькова А. В.
Проблемы лингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности 48

Мартыненко И. А., Карандашева Н. Н.
Особенности ассимиляции термина anti-suit injunction в русскоязычном юридическом дискурсе: лингвоправовой нализ 56

Митрущенкова А. Н.
Переводческая деятельность в эпоху цифровизации 67

Низовец Т. И.
Культура сокрытия в английском праве: репрезентация в СМИ 75

Родионов В. А.
Лингвистическая нормативность: от фиксации к законодательно-нормативному регулированию 83

Рядчикова Е. Н., Кадилина О. А.
Логико-речевые ошибки текстов судебных постановлений и решений 89

Чернова Н. И., Давтян А. Г., Еремкина Н. И.
Структурные особенности однокомпонентных терминов международного гуманитарного права в английском и русском языках 100

Вопросы теории и практики обучения иностранному языку права

Бирюкова М. А.
Социокультурный компонент и культурно-исторические реалии в процессе обучения профессиональному иностранному языку для учащихся юридического вуза (на примерах немецкого языка) 111

Габуния О. И., Ежова Н. Ф.
Использование искусственного интеллекта: методические риски при обучении иностранному языку студентов юридического вуза 120

Гальцов П. И.
Эффективность формирования языковой компетенции у будущих юристов с использованием технологий интернет-бота 131

Кискина М. В., Ткачева Е. П.
Эффективные методы обучения и способы освоения правовой лексики студентами юридических вузов 139

Мишурова О. И., Гузеева С. В.
Использование QR-кодов в процессе обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку в контексте диалога культур 147

Полюдова Е. Н.
Искусственный интеллект в развитии лингвистического опыта студентов неязыковых вузов (на примере преподавания английского языка в юридическом вузе) 159

Попова Ж. Г.
Коммуникативный тренинг на разных этапах овладения иностранным языком в вузе 167

Терехова Э. Б.
Способы повышения мотивации к изучению иностранного языка в юридическом вузе 175

Образовательная среда

Стукалова О. В.
Развитие социальной ответственности студентов юридических специальностей: опыт социального партнерства с НКО 182

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Вожегова М. В.
Стратегии и механизмы повышения учебно-познавательной активности у студентов-юристов системы среднего профессионального образования при изучении иностранного языка 193

Кашарина Т. С.
Роль религиозных стереотипов в конституировании лингвистического признака возбуждения вражды в мультимодальном юмористическом тексте 203

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ 212

ПОЗНАВАТЕЛЬНО О РАЗНОМ

Савкна А. Р.
Архаизмы в юридическом английском языке 213

Аль-Афанди А. А.
Латинские жаргонизмы в английском юридическом дискурсе 217

ПОСТСКРИПТУМ

Сафронова И. Н.
История одного слова: откуда взялось слово «лодырь»? 221

CONTENTS

NOTE TO THE READERS 8

UNIVERSITY CHRONICLE 9

AUTHORITATIVE OPINION

Pluzhnik I. L.
Multi-paradigmatic Approach to Foreign Language Education in the Era of Artificial Intelligence: Innovations and Challenges 20

VECTOR OF LEGAL SCIENCE

Language and Legal Issues

Vikulina M. A., Moiseenko L. V.
The Formation of Fictious Legal Discourse within the Discourse of a Lesson 31

Kalinovskaya V. V.
Variation or Variability in Business Phraseology (Based on the Material of the English Language) 39

Korolkova A. V.
Problems of Linguistic Expertise of Texts of Extremist Orientation 48

Martynenko I. A., Karandasheva N. N.
Assimilation of the Term Anti-Suit Injunction in Russian-Language Legal Discourse: Linguistic and Legal Analysis 56

Mitruschenkova A. N.
Translation in the Digital Age 67

Nizovets T. I.
A Culture of Cover-up in English Law: Representation in the Media 75

Rodionov V. A.
Integration of Loanwords into the Russian Wordstock: from Registration to Normative Regulation 83

Ryadchikova E. N., Kadilina O. A.
Logical and Speech Errors in Judicial Texts Resolutions and Decisions 89

Chernova N. I., Davtyan A. G., Eremkina N. I.
Structural Features of Single-Component Terms of International Humanitarian Law in English and Russian 100

Theory and Practice of Teaching Foreign Languages of Law

Birjukova M. A.
Sociocultural Component and Cultural-Historical Realities in the Process of Teaching a Professional Foreign Language to Students of a Law School (Based on the Examples of the German Language) 111

Gabunija O. I., Ezhova N. F.
The Use of Artificial Intelligence: Methodology Risks in Foreign Language Teaching to Law University Students 120

Galtsov P. I.
Effectiveness of the Formation of Language Competence in future Lawyers Using Internet-bot Technologies 131

Kiskina M. V., Tkacheva E. P.
Effective Teaching Methods and Ways of Mastering Legal vocabulary by Students of Universities of Law 139

Mishurova O. I., Guzeeva S. V.
Applying QR Codes in the Process of Teaching Law Students a Professionally Oriented Foreign Language in the Context of Dialogue of Cultures 147

Polyudova E. N.
Artificial Intelligence in the Development of Linguistic Experience of Non-Linguistic University Students (on the Example of Teaching English at a Law University) 159

Popova Zh. G.
Communicative Training at Various Stages of Foreign Language Acquisition at the University Level 167

Terekhova E. B.
The Ways of Rising Motivation for Learning a Foreign Language in a Legal University 175

Educational Environment

Stukalova O. V.
Development of Social Responsibility of Law Students: Experience of Social Partnership with Charitable Foundations 182

YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE

Vozhegova M. V.
Strategies and Mechanisms for Increasing Learning Activity of Law Students in Secondary Professional Education when Studying a Foreign Language 193

Kasharina T. S.
The Role of Religious Stereotypes in Constituting Linguistic Indicators of Hostility in a Multimodal Humorous Text 203

BOOKSHELF OF THE DEPARTMENT 212

EDUCATIONAL ABOUT VARIOUS TOPICS

Savkina A. R.
Archaisms in Legal English 213

Al-Afandi A. A.
Latin Slang in English Legal Discourse 217

POSTSCRIPT

Safronova I. N.
The History of One Word: Where does the Word «Lodir» Come From? ... 221

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемые читатели!

Предлагаем Вашему вниманию выпуск «Иностранные языки» журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», представляющий собой сборник актуальных исследований профессионалов в области филологии, лингвистики и педагогики.

На фоне меняющихся политических, экономических и технологических реалий трансформациям подвергается и педагогическая сфера, что ставит перед специалистами новые задачи по поиску эффективных решений в ответ на современные вызовы.

В частности, стремительное развитие искусственного интеллекта открывает перспективы разработки инновационных методик обучения для решения широкого круга задач. Внедрение генеративного AI обещает облегчить образовательный процесс для всех его участников. Однако наряду с очевидными преимуществами новых технологий возникают вопросы этического и правового характера их применения в различных сферах деятельности человека.

Еще одним немаловажным фактором современных преобразований становится так называемый «поворот на Восток», в рамках которого все больше уделяется внимания сотрудничеству с коллегами из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Развитие совместных образовательных программ российских и азиатских вузов несет с собой новые возможности в обучении иностранному языку специальности.

Разумеется, язык как зеркало всего происходящего в мире адаптируется к меняющимся условиям, отражая многообразие происходящих трансформаций. Так, появление новой терминологии требует от переводчиков дополнительных усилий для корректной передачи значения терминов. В области юриспруденции проблема толкования терминологии, помимо этого, неразрывно связана и с социокультурными отличиями в профессиональном иноязычном дискурсе.

Надеемся, что содержание выпуска «Иностранные языки» внесет свой вклад в непрерывный процесс поиска эффективных научных и практических решений по совершенствованию современной методики обучения специальным иностранным языкам и переводоведения.

С. Ю. Буденная,
доцент кафедры английского языка
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат педагогических наук

Октябрь 2025[1]

Университет в общественной и научной жизни страны

Совещание по вопросам нормативно-правового сопровождения проекта по внедрению производственной аспирантуры

1 октября 2025 г. в Министерстве науки и высшего образования РФ состоялось рабочее совещание по вопросам нормативно-правового сопровождения проекта по внедрению производственной аспирантуры. Встреча прошла под руководством министра науки и высшего образования РФ Валерия Фалькова при участии управляющего директора по кооперации науки и бизнеса государственной корпорации «Ростех» Елены Дружининой.

В рамках совещания ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), руководитель подгруппы «Нормативное правовое регулирование» Рабочей группы по реализации проекта по внедрению производственной аспирантуры Виктор Блажеев представил результаты анализа законодательной базы и разработанные в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) проекты нормативных правовых актов, способствующих повышению эффективности реализации проекта по внедрению производственной аспирантуры.

Пилотный проект по внедрению производственной аспирантуры был запущен Минобрнауки России и госкорпорацией «Ростех» с целью подготовки высококвалифицированных специалистов для реального сектора экономики.

[1] URL: https://msal.ru/news/.

Совместное заседание Президиума, Правления и Совета высшей юридической премии «Юрист года»

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сопредседатель Ассоциации юристов России Виктор Блажеев принял участие в совместном заседании Президиума, Правления и Совета высшей юридической премии «Юрист года».

Заседание прошло на площадке Минюста России под председательством председателя Ассоциации юристов России Сергея Степашина. Участие во встрече также приняли председатель Комитета Государственной Думы по госстроительству и законодательству Павел Крашенинников, сопредседатель Ассоциации юристов России Владимир Плигин, председатель Правления Ассоциации юристов России Владимир Груздев, министр юстиции РФ Константин Чуйченко, уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова, директор ИГП РАН Александр Савенков, заместитель председателя Совета директоров АО «Просвещение» Наталья Третьяк и другие члены Бюро Президиума, Президиума и Правления Ассоциации юристов России.

На заседании были утверждены составы организационных комитетов для предстоящих мероприятий ко Дню юриста, а также рассмотрены планы деятельности Ассоциации юристов России на 2026 г. Кроме того, в рамках встречи обсуждались развитие региональных отделений Ассоциации юристов России и отчет о деятельности организации в 2025 г.

Общее собрание Московского отделения Российского военно-исторического общества

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев вошел в состав Совета Московского отделения Российского военно-исторического общества.

Решение было принято коллегиально на общем собрании Московского отделения Российского военно-исторического общества, которое состоялось в Музее военной формы.

На сегодняшний день членами Московского отделения Российского военно-исторического общества являются 1 671 человек.

Развитие Университета

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей заключили соглашение о сотрудничестве

24 октября 2025 г. Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей заключили соглашение о сотрудничестве. Документ подписали первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова и директор Музея предпринимателей, меценатов и благотворителей Надежда Смирнова.

Соглашение направлено на взаимодействие сторон в сферах молодежной политики, развития предпринимательства и продвижения музейного дела. Стороны также договорились об организации совместных просветительских проектов, проведении конференций, форумов, круглых столов, выставок и других мероприятий.

«Созданный в 1991 г. при активном участии потомков предпринимателей дореволюционной России, сегодня Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей представляет собой исследовательский, учебный и просветительский центр для предпринимателей, школьников, студентов и широких слоев населения. Музей рассказывает о мировоззрении, образе жизни, качествах, стратегиях дореволюционных предпринимателей, их огромном вкладе в развитие России. Уверена, что благородная миссия музея — сохранять наследие выдающихся предпринимателей России и вдохновлять на развитие культуры созидательного предпринимательства — найдет отклик в сердцах студентов и преподавателей Университета, а реализация предусмотренных соглашением проектов будет воспитывать позитивное отношение к предпринимательству и способствовать формированию предпринимательской этики», — отметила Инна Ершова.

Конференции, круглые столы, семинары

IV Казанский международный юридический форум

С 3 по 4 октября 2025 г. в столице Республики Татарстан прошел IV Казанский международный юридический форум. В рамках деловой программы мероприятия ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев

и заведующий кафедрой адвокатуры Светлана Володина приняли участие в дискуссии, посвященной профессионализации юридического сообщества. Ректор также выступил модератором сессии «Право как инструмент повышения качества управления спортом».

В мероприятиях также приняли участие преподаватели Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА): директор Высшей школы права Эльвин Теймуров, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Алексей Минбалеев, доцент кафедры конституционного и муниципального права, председатель Московской городской Думы Алексей Шапошников, заведующий кафедрой теории государства и права Аркадий Корнев, профессор кафедры международного частного права и кафедры интеллектуальных прав Бениамин Шахназаров, профессор кафедры конституционного и муниципального права Сергей Кабышев, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Сергей Михайлов и др.

Форум «Биопром» в Геленджике

6 октября 2025 г. на форуме «Биопром» в Геленджике состоялась сессия «Генетические технологии без границ: вызовы для права и общества», объединившая ведущих специалистов в области права, науки, генетики и биотехнологий.

Модераторами сессии выступили проректор по стратегическому и международному развитию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина и заведующий кафедрой медицинского права, директор НОЦ правового обеспечения биоэкономики и генетических технологий Университета Олег Гринь.

В условиях стремительного развития генетических технологий и реализации ключевых государственных программ вопросы правового регулирования и биоэтики выходят на передний план. Участники сессии обсудили не только текущие законодательные инициативы, но и подходы к созданию устойчивой правовой среды, способствующей технологическому лидерству России.

Отдельное внимание было уделено подготовке нормативной базы в рамках нового национального проекта «Технологическое обеспечение биоэкономики», а также трансформации законодательства в части оборота генетической информации, генной инженерии и геномной регистрации.

IV Кутафинский бизнес-форум

В Университете прошел IV Кутафинский бизнес-форум — масштабная образовательная площадка, где студенты погружаются в мир предпринимательства и осваивают ключевые навыки проектной деятельности. Мероприятие проводилось в рамках программы «Приоритет-2030».

«Традиционно осенью мы собираемся, чтобы поговорить о предпринимательстве по существу: о его принципах, вызовах, с которыми сталкиваются практики, и о реальной поддержке со стороны государства. Главная задача форума — погрузить вас в атмосферу реального бизнеса. Мы поговорим о том, как начать и протестировать свое дело, и какие течения ждут вас в этом океане возможностей. Наши эксперты поделятся бесценным опытом, а вы сможете задать им любые вопросы. Помните: предпринимательство — это творчество. И вы будете творить здесь и сейчас, работая в командах над рождением идей и их претворением в жизнь. Университет активно поддерживает молодежное предпринимательство, и о наших проектах вы узнаете в ближайшее время. Вперед к новым свершениям!» — с таким приветственным словом обратилась к собравшимся первый проректор Инна Ершова.

XVII Международной круглый стол «Преступления в сфере экономики: российский и зарубежный опыт»

24 октября 2025 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась работа XVII Международного круглого стола «Преступления в сфере экономики: российский и зарубежный опыт». В мероприятии приняли участие эксперты МГЮА, представители ведущих российских вузов, государственных органов и практикующие специалисты.

С приветственным словом к участникам дискуссии обратилась первый проректор Университета Инна Ершова: *«Цифра 17 в названии форума символизирует традицию — на протяжении многих лет мы собираемся здесь, чтобы обсуждать одну из самых сложных проблем современности — преступления в экономической сфере. Экономика — это основа процветания государства, но одновременно и зона повышенного риска, где совершается множество преступлений, особенно с использованием цифровых технологий. Новые технологические вызовы, международная напряженность и трансформация экономических отношений меняют ландшафт преступности, требуя от юридического сообщества не только анализа происходящего, но и разработки научно обоснованных решений для предупреждения и минимизации новых угроз. Проведение такого форума, с учетом как российского, так и зарубежного опыта, особенно важно — только*

объединяя усилия юристов, адвокатов, судей и следователей, мы сможем выработать практикоориентированные и при этом научно обоснованные подходы к борьбе с экономической преступностью».

В рамках двух сессий — «Уголовно-правовое противодействие современным экономическим преступлениям» и «Стадии совершения преступлений и множественность в экономическом уголовном праве» — участники обсудили широкий круг актуальных вопросов.

IV Международная школа «Интернет-БЕЗопасности молодежи»

В Мастерской управления «Сенеж» президентской платформы «Россия — страна возможностей» прошла IV Международная школа «Интернет-БЕЗопасности молодежи» — масштабный образовательной проект, направленный на развитие культуры безопасного поведения в Сети.

В этом году тема школы — «Человек и технологии» — была посвящена вопросам взаимодействия человека и современных технологий, с акцентом на информационной безопасности, защите персональных данных и этических аспектах использования искусственного интеллекта в повседневной жизни.

Мероприятие проводилось Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» командой Молодежного цифрового омбудсмена при поддержке президентской платформы «Россия — страна возможностей» и Ассоциацией электронных коммуникаций (РАЭК).

В рамках Школы проректор по научно-исследовательской деятельности Университета Владимир Синюков рассказал участникам, как новые технологии формируют исследовательскую повестку будущего для юристов. *«Сегодня перед правоведением, в том числе и фундаментальной юридической наукой, открываются новые возможности. Какие именно вопросы становятся актуальными? Это вопросы прав человека, взаимоотношений между государством и обществом, политической системы. Эти сферы все сильнее ощущают влияние информационных технологий»,* — отметил Владимир Синюков.

В день закрытия школы проректор по стратегическому и международному развитию Университета Мария Мажорина обратилась к участникам: *«Интернет можно использовать по-разному: он может забрать ваше время, а может наполнить его смыслом. Каждое слово, сказанное в сети — пост, лайк или комментарий — способно как разрушить, так и поддержать. Школа помогает участникам занять субъектную позицию — здесь вы становитесь архитекторами своего цифрового мира. От вас зависит, каким он будет, и я верю, что благодаря вам он будет безопасным и добрым».*

Мероприятия ректората

Встреча с заместителем председателя Центральной избирательной комиссии РФ Николаем Булаевым

В Университете состоялась церемония вручения диплома о присвоении звания «Почетный профессор» заместителю председателя Центральной избирательной комиссии РФ Николаю Булаеву. Нагрудный знак, диплом и мантию почетного профессора в торжественной обстановке вручил ректор Университета Виктор Блажеев.

Кроме того, Николай Булаев провел для обучающихся лекцию об избирательной системе в Российской Федерации. Мероприятие прошло в рамках проекта «Открытая трибуна».

Николай Булаев рассказал студентам о стандартах и этапах проведения выборов, системе избирательных комиссий в Российской Федерации, избирательных правах граждан и законодательстве в этой сфере. Кроме того, внимание было уделено дистанционному и электронному голосованию. В конце мероприятия студенты смогли задать эксперту все интересующие вопросы.

День карьеры

С 21 по 22 октября 2025 г. в Университете прошел День карьеры в формате ярмарки вакансий. В рамках мероприятия 30 востребованных работодателей

презентовали свои компании и рассказали об актуальных вариантах трудоустройства и стажировок.

Представители крупных юридических и консалтинговых фирм, банковских организаций, адвокатских организаций, органов государственной власти, судов и правоохранительных органов предложили студентам пройти экспресс-собеседования и оставить резюме, а также ответили на все интересующие вопросы о вакансиях, требованиях и условиях работы. Самые активные обучающиеся получили брендированную продукцию, а также приобрели деловые связи с работодателями.

Ежегодный концерт для первокурсников «Посвящение в студенты»

24 октября 2025 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся ежегодный концерт для первокурсников «Посвящение в студенты». На протяжении месяца вновь прибывшие студенты вместе с кураторами своих институтов подготавливали танцевально-вокальные и театральные выступления. Каждая постановка отражала особенности институтов, яркие аспекты студенческой жизни в МГЮА, истории начинающих активистов.

Торжественный концерт открылся традиционной клятвой первокурсников и исполнением гимна МГЮА. Кутафинский зал наполнился овациями в поддержку наших творческих ребят, готовых покорять просторы правовой науки, реализовывать молодежные проекты и развивать культурно-творческую деятельность.

Верим в вашу энергию, инициативность и огонь в глазах, дорогие первокурсники. Пусть предстоящие годы студенчества станут лучшими в вашей жизни!

Заседание Ученого совета

27 октября 2025 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось очередное заседание Ученого совета. В ходе встречи были рассмотрены текущие кадровые вопросы, а также вопросы, связанные с деятельностью структурных подразделений.

Заседание Ученого совета началось с вручения наград и чествования достижений работников и обучающихся Университета. В торжественной обстановке ректор Университета Виктор Блажеев поздравил с присвоением звания «Ветеран МГЮА» старшего специалиста по кадрам Отдела по работе с профессорско-преподавательским составом Управления кадров Бируте Ганичевой, вручил заведующему кафедрой криминалистики Елене Галяшиной знак отличия Федеральной палаты адвокатов РФ «Лучший наставник», преподавателю кафедры конституционного и муниципального права Арине Громовой — диплом

кандидата юридических наук. Также были подведены итоги II Студенческого турнира Familia Negotium и награждены лучшие команды.

Заместитель начальника Учебно-методического управления Ирина Дворядкина представила результаты плановой проверки кафедры банковского права. По итогам выступления были даны рекомендации по совершенствованию организационно-управленческой, образовательной, научной, внеучебной и воспитательной работы кафедры.

Далее научный руководитель Научно-исследовательского института Наталья Соколова напомнила коллективу о грядущей совместной XXVI Международной научно-практической конференции Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и XXVII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Сила права и право силы: современный контекст». Мероприятие пройдет с 25 ноября по 28 ноября 2025 г. в рамках XV Московской юридической недели.

Затем проректор по научно-исследовательской деятельности Владимир Синюков доложил об утверждении тем научных диссертаций. Об утверждении тем магистерских диссертаций по итогам рассмотрения на Методическом совете Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доложила первый проректор Инна Ершова.

Начальник Учебно-методического управления Ирина Комерова доложила об изменениях, внесенных в локальные нормативные акты в сфере образовательной деятельности.

В завершение заседания Ученого совета ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев поблагодарил всех за работу и поздравил с наступающим Днем народного единства.

Премии, награждения

Вручение юридической премии «Фемида»

17 октября 2025 г. в Историческом зале Государственного универсального магазина (ГУМ) состоялась 29-я церемония вручения юридической премии «Фемида», которая является общественным знаком отличия, присуждаемым российским и зарубежным юристам, государственным и общественным деятелям.

В номинации «Законотворчество» лауреатом юридической премии «Фемида» стал председатель Московской городской Думы, доцент кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Алексей Шапошников.

Награду лауреату вручил ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сопредседатель Ассоциации юристов России Виктор Блажеев: *«Для меня честь и большое удовольствие вручить премию Алексею Валерьевичу, поскольку он — выпускник и гордость нашего Университета. Это абсолютно заслуженная награда, Алексей Валерьевич проделал долгий профессиональный путь. Искренне поздравляю!».*

В ответном слове Алексей Шапошников выразил благодарность Университету за знания и полученный опыт и посвятил награду своему отцу — юристу Валерию Шапошникову.

На соискание ученой степени

Успешная защита двух докторских диссертаций состоялась в Университете в октябре 2025 г.

Докторант кафедры теории государства и права Илья Чечельницкий защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Теоретико-правовые основы государственной правозащитной деятельности в Российской Федерации».

Докторант кафедры уголовного права Дмитрий Пархоменко защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему:

«Уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление». Научным консультантом выступил профессор кафедры уголовного права Анатолий Наумов.

Поздравляем докторантов с успешной защитой и желаем новых научных достижений!

Полипарадигмальность иноязычного образования в эпоху искусственного интеллекта: новации и вызовы

Ирина Ленаровна ПЛУЖНИК,
профессор Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор
i.l.pluzhnik@utmn.ru
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

Аннотация. *Современный этап развития методики преподавания иностранных языков в вузе характеризуется направленностью на внедрение технологий искусственного интеллекта, что делает необходимым переосмысление и трансформацию подходов к обучению и преподаванию в этой области для повышения их эффективности на основе полипарадигмальности — взаимодействия различных методических систем — парадигм. Автор уточняет содержание и структуру постклассической новационной парадигмы и выявляет ее ключевые компоненты, содержащие иммерсивные методы виртуальной реальности (VR), цифровые методы и методы цифровой геймификации.*
В статье предлагается модель формирования иноязычных компетенций посредством гибридного использования элементов традиционных и классических коммуникативных методов в новационной парадигме, основанной на технологиях искусственного интеллекта (AI) и цифровых (digital) технологиях. Доказано, что модель взаимодействия новационной парадигмы с элементами традиционной и классической коммуниктивной парадигм является не их заменой, а полипарадигмальной синергией, приводящей к наиболее эффективным результатам обучения.
Подчеркивается, что для достижения синергетического результата необходимы организация непрерывного профессионального развития преподавателей, ликвидация их цифрового неравенства, соблюдение этических норм в оценке контента используемых тематических и текстовых материалов, овладение инновационной парадигмой, представленной широким спектром индивидуализированных, адаптивных, интерактивных, иммерсивных цифровых гейминговых технологий.
Ключевые слова: *полипарадигмальность, новационная постклассическая парадигма, классическая коммуникативная парадигма, традиционная парадигма, технологии искусственного интеллекта, синергетический эффект, цифровая геймификация*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.020-030

© Плужник И. Л., 2025

Irina L. PLUZHNIK,
Professor, Academic Department
of School of Law and Governance,
University of Tyumen,
Dr. Sci. (Pedagogical), Professor
i.l.pluzhnik@utmn.ru
6, ul. Volodarskogo, Tyumen, Russia, 625003

Multi-paradigmatic Approach to Foreign Language Education in the Era of Artificial Intelligence: Innovations and Challenges

Abstract. *The current stage of developing foreign language teaching methodologies in higher education is characterized by a focus on the integration of artificial intelligence technologies. This necessitates a rethinking and transformation of teaching and learning approaches in this field to enhance its effectiveness based on multi-paradigmalit y— the interaction of various methodological systems or paradigms for learning and teaching enhancement. The author clarifies the content and structure of the post-classical innovative paradigm and identifies its key components, which incorporate immersive methods of virtual reality (VR), digital methods and digital gamification methods.*

The article proposes a model for developing foreign language competencies through the hybrid use of elements from traditional and classical communicative methods within an innovative paradigm based on artificial intelligence (AI) and digital technologies. It is proven that the model of interaction between the innovative paradigm and elements of the traditional and classical communicative paradigms does not replace but reconsiders them and creates a multi-paradigmatic synergy, resulting in a highly effective learning outcomes. It is emphasized that achieving this synergistic outcome requires overcoming several challenges: organizing continuous professional development for teachers, eliminating their digital divide, adhering to ethical standards in evaluating the content of used thematic and textual materials, and mastering the innovative paradigm, which encompasses a wide range of personalized, adaptive, interactive, immersive and digital gaming technologies.

Keywords: *multi-paradigmality, innovative post-classical paradigm, classical communicative paradigm, traditional paradigm, artificial intelligence technologies, synergistic effect, digital gamification*

В образовательном пуле обучения иностранным языкам существует целый ряд методических парадигм, которые с разной степенью интенсивности используются в настоящий период, что свидетельствует о полипарадигмальности в системе языковой подготовки в зависимости от целевых установок обучения. В частности, В. А. Тестов отмечает: «Методологической основой новой парадигмы должна стать постнеклассическая методология, базирующаяся на синергетическом мировидении и идеях мягкого моделирования»[1].

Полипарадигмальность понимается как интеграция различных методических систем обучения — методов, принципов, технологий приемов, форматов для моделирования их взаимодействия и достижения эффективного результата обучения. Приоритетность применения той или иной парадигмы детерминировалась потребностями общества, его технологичностью и целями обучения в определенный период его развития. Именно поэтому не существует универсальных методов на все времена.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении возможностей использования модели формирования иноязычных компетенций для реального общения на основе модели гибридного, синергетического использования элементов традиционных и классических коммуникативных парадигм во взаимодействии с постклассической новационной парадигмой, основанной на технологиях искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых методах.

Для понимания идеи взаимодействия парадигм в условиях полипарадигмальности проведем краткий критический обзор доминирующих характеристик парадигм, наиболее широко используемых в иноязычном образовании в течение длительного времени, и рассмотрим новационную парадигму в преподавании иностранных языков.

Обобщая работы в области методологии преподавания иностранных языков[2], можно констатировать, что к традиционной парадигме, широко используемой в России, можно отнести: ***грамматико-переводной*** метод, фокусирующийся на чтении, переводе и конструировании фраз на основе правил[3]; ***сравнительно-сопоставительный*** метод, направленный на сознательное усвоение иноязычного материала, его сопоставление с родным языком и делающий упор на формировании грамматических навыков[4]; ***сознательно-практический*** метод, нацеленный на осознание изучаемого иноязычного материала, формирование

---

1 *Тестов В. А.* Переход к новой образовательной парадигме в условиях сетевого пространства // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2012. № 4—1. С. 50—56.

2 Традиции и новации в методике обучения иностранным языкам : обзор основных направлений методической мысли в России / под ред. Л. В. Московкина. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008 ; *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб. : Златоуст, 1999 ; Scott Thornbury. Scott Thornbury's 30 Language Teaching Methods. Cambridge Handbooks for Language Teachers : Scott Thornbury. Cambridge University Press, 2017.

3 Актуальные вопросы обучения иностранным языкам в средней школе : сборник / под ред. А. Д. Климентенко и А. А. Миролюбова. М. : Педагогика, 1973.

4 *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков : учебное пособие. 3-е изд. М. : Физматлит, 2005.

навыков на основе многократного повторения (дрилла) речевых структур и установку на его практическое применение в типичных речевых ситуациях[5].

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. наступила эра классической коммуникативной парадигмы, которая активно внедряется в настоящее время. Коммуникативный метод обучения иностранным языкам[6] как основа этой парадигмы направлен на формирование у обучающихся навыков и умений иноязычной коммуникации, обучение общению на иностранном языке.

Языковые явления, навыки и умения отрабатываются в ситуациях, моделирующих реальное общение, где основным является принцип «учись общаться общаясь». В 1980-х гг. в Канаде, в Университете МакГил (McGill), группой экспертов был разработан узкопрагматический коммуникативный метод content-based instruction (CBI); его цель — подготовить студентов к овладению языком через контент конкретного профильного предмета, содержание которого мотивирует обучение.

В 1990-х гг. появились коммуникативные методы, имеющие социально значимую прагматическую направленность. В частности, проблемный метод TBL (task-based learning) основан на коммуникации, при которой учащиеся используют язык для решения реальных задач, таких как планирование событий или обсуждение определенного проекта[7]. Этот метод повышает мотивацию, способствует естественному усвоению лексико-грамматических явлений, развивает навыки критического мышления и уверенности в общении. Метод PBL (project-based learning) предполагает активное вовлечение учащихся в реальные и значимые для них проекты, что способствует развитию коммуникативных навыков и умений, а также критического мышления, самостоятельности[8]. Коммуникативную парадигму в преподавании иностранных языков можно назвать классической, поскольку, начиная с 70-х гг. прошлого века она бессменно используется в преподавании иноязычного общения.

В XXI в. появились цифровые технологии и технологии искусственного интеллекта, которые совершили революцию во всех областях знания и резко трансформировали академическую среду и вузовскую методологию, включая преподавание иностранных языков, что создало основу для развития новационной парадигмы. Проведенный нами анализ структуры и содержания новационной парадигмы, основанной на технологиях ИИ, позволил выявить, что они включают в себя иммерсивные методы (VR), предполагающие полное погружение в виртуальную или дополненную реальность — искусственно смоделированную среду для активного и интерактивного освоения знаний и динамичного формирования

[5] *Беляев Б. В.* К вопросу о сознательном обучении иностранным языкам // Вопросы психологии и методики обучения иностранным языкам : сборник статей под ред. В. А. Артемова, И. В. Карпова, И. В. Рахманова. М. : Учпедгиз, 1947. С. 89—92.

[6] *Пассов Е. И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. М. : Просвещение, 1991.

[7] *Prabhu N. S.* Second Language Pedagogy. Oxford University Press, 1987.

[8] *Kilpatrick W. H.* The Project Method: The Use of the Purposeful Act in the Educative Process. New York City : Teachers College, Columbia University, 1929.

языковых и речевых компетенций посредством плотности, частоты и повторяемости речевых действий, с использованием технологии ИИ.

Применение метода VR создает эффект присутствия и полного погружения в изучаемую среду за счет имитации реальных или воображаемых, смоделированных ситуаций и предполагает эффект максимальной приближенности к реальным условиям. Интерактивные виртуальные среды и игровые технологии, использование виртуальной и дополненной реальности, а также игровых технологий на базе ИИ создает иммерсивную среду для иноязычной практики. Студенты могут взаимодействовать с виртуальными персонажами, участвовать в симуляциях реальных ситуаций, что способствует развитию широких коммуникативных компетенций.

Интерактивные методы, основанные на ИИ и цифровых технологиях, реализуются посредством применения чат-ботов, мобильных приложений, видеоподкастов онлайн-платформ, VK Video, Rutube. Метод цифровой геймификации (gamified Apps) также относится к интерактивным методам игровой симуляции, позволяет выявлять уровни прогресса в обучении при участии в соревнованиях, получении баллов/очков за достижения, которые отражаются на лидербордах, где указываются студенты, продемонстрировавшие высокий уровень иноязычных компетенций.

Новационная парадигма содержит большое количество плюсов: повышает активность, поскольку учащиеся активно взаимодействуют с виртуальным миром, выполняя действия и принимая решения; снимает отвлекающие факторы; минимизирует в виртуальной среде внешние раздражители, позволяя ученикам максимально сконцентрироваться на материале; повышает мотивацию за счет погружения в интересную смоделированную среду; способствует лучшему запоминанию информации, развивает речевые и поведенческие компетенции; создает условия для индивидуализации обучения, используя иммерсивные платформы, позволяет учиться в своем темпе и получать персонализированный образовательный опыт; развивает различные типы мышления и требует от обучающегося активной мыслительной работы.

Как справедливо отмечается в отчете Института Томсона Ройтерса (Thomson Reuters Institute), «в течение полугода после возникновения генеративного ИИ и ChatGPT их будут использовать все учреждения. Предлагаем модель синергетического взаимодействия рассмотренных выше традиционной и коммуникативной парадигм с новационной парадигмой, основанных на технологиях искусственного интеллекта. Полипарадигмальная модель является ***гибридной моделью***, где сильные стороны каждого подхода усиливают друг друга, делая изучение языка более эффективным, персонализированным и доступным»[9].

Структура и содержание полипарадигмальности и взаимодействие разных методических систем (их пересечение) отражены на рисунке на с. 25.

[9] ChatGPT and Generative AI within Law Firms. Thomson Reuters Institute, 2023.

Полипарадигмальность методических систем

Приведем примеры полипарадигмального формирования грамматических навыков:

- *традиционная парадигма*: классическое объяснение преподавателем закономерностей употребления элементов системы языка, выполнение упражнений на подстановку, трансформацию и т.д. (drill exercises);
- *новационная парадигма с ИИ*: использование адаптивных тренажеров, которые анализируют ошибки обучающегося и подбирают ему персональные упражнения по проблемным темам; генерация большого количества примеров и заданий посредством ИИ;
- *взаимодействие парадигм (синергия):* преподаватель объясняет закономерности образования и использования системы грамматических времен английского языка. ИИ-платформа (например, Langtery или ELSA) берет на себя рутинную часть — отработку и закрепление грамматических навыков в персонализированных упражнениях.

В результате преподаватель освобождается от проверки большого количества однотипных заданий и может уделить время тем, кто испытывает затруднения. Студент получает мгновенную обратную связь и практику до полного усвоения материала.

Практика говорения и произношения предусматривает:

— *при классической коммуникативной парадигме* — практику диалогической речи на занятиях, аудирование и имитацию речевых образцов. Основная проблема — недостаток времени на персональную практику студентов;

— *при методе новационной парадигмы с ИИ* — разговорные чат-боты (как в Duolingo), голосовые помощники (типа Amazon Alexa), приложения для отработки произношения, которые анализируют речь и дают корректирующую обратную связь (ELSA Speak, Speak);

— *при взаимодействии (синергии)* ИИ выступает как тренажер, позволяющий преодолеть коммуникативный барьер, и партнер для речевой практики.

Чтение и аудирование включают:

— *в классической коммуникативной парадигме* — работу с профессионально направленными текстами и аудиоматериалами;

— *в новационной парадигме с ИИ* адаптивные системы могут подбирать материалы в соответствии с интересами и текущим иноязычным уровнем подготовки ученика. Например, онлайн-платформа может предложить упрощенную или усложненную версию статьи для критического чтения в различном стилевом регистре. ИИ переводит и объясняет слова и выражения в тексте, выстраивает вопросы, генерирует тесты для проверки понимания;

— *при взаимодействии (синергии)* ИИ предоставляет персонализированный контент для отработки навыков и умений критического чтения с учетом интересов студента. Преподаватель ведет дискуссии по прочитанному тексту, учит выявлять подтекст, культурные особенности — то, что пока не может сделать ИИ.

Обратная связь и оценка состоят в следующем:

— *классический коммуникативный метод* предусматривает проверку домашних заданий, например эссе, что занимает очень много времени;

— *метод с ИИ* включает мгновенную проверку эссе (может оценивать структуру и аргументацию); аналитическая система ИИ отслеживает прогресс по каждому иноязычному умению;

— при *взаимодействии (синергии)* ИИ становится ассистентом преподавателя, снимая с него рутинную работу и предоставляя детальную оценочную аналитику по каждому студенту («Студент N хорошо строит высказывание, но его словарный запас необходимо расширять»). Преподаватель, имея оценочную характеристику речи студента, сделанную ИИ, может предлагать студенту персональные задания, точечно помогать с проблемными зонами и фокусироваться на творческой и мотивационной составляющей обучения.

Общая модель взаимодействия — «перевернутый класс». Она предусматривает:

1. Задание студентам на дом (с ИИ). Студент с помощью ИИ-платформ активизирует новый лексико-грамматический материал и получает первичную речевую практику с чат-ботом.

2. На занятиях (с преподавателем) преподаватель, зная из аналитики ИИ общие и персональные иноязычные трудности студентов, организует деятельность,

где важен человеческий фактор — живое общение, дискуссии, проблемные задания, ролевые игры, проектная работа.

Следует отметить, что для формирования речевых компетенций на основе ИИ и цифровых методов необходимы задания, вызывающие у студентов различную мыслительную активность (например, сравнение, обобщение, анализ, выдвижение идей, прогнозирование), поскольку в отсутствие мыслительного напряжения «мозг теряет способность детализировано формулировать собственные идеи»[10].

В области профессионально ориентированного языка эффективной является отработка синонимичных лексических значений на основе целостного текста. Приведем примеры заданий на материале юридического английского языка:

Промт, заданный преподавателем: *«Подготовь пример контракта на одну страницу с двусмысленными терминами».*

Ответ Chat-bot AI «Perplexity»:

This contract is entered into on [Date] by and between [Client Name] and [Service Provider Name].

1. Scope of Work: The Service Provider agrees to provide *adequate* services to the Client, which may include but is not limited to «general assistance» in areas deemed necessary by the Client.

2. Payment Terms: The Client shall pay the Service Provider a *reasonable* fee for services rendered, with the exact amount to be determined «as needed.»

3. Duration: The contract shall remain in effect for a *sufficient* period of time, unless terminated by either party with «adequate notice».

Студентам необходимо выполнить двойную задачу: проанализировать содержание логически структурированного текстового образца контракта, понять и объяснять синонимы имеющегося в тексте слова «адекватный».

Рассмотрим симуляции допроса в рамках моделирования. Промт, заданный преподавателем: «Сгенерируй на основе устного описания внешность подозреваемого человека и его одежду». Студенты играют роль свидетелей и дают показания, описывая внешность и детали одежды подозреваемого, ИИ генерирует картинку, изображающую внешний вид подозреваемого: Appearance and Build: Approximately 25—35 years old, medium height (around 175—180 cm), slim build but with noticeable physical strength. Facial details were unclear due to rapid movement, but noted pale skin and a tense expression. Clothing: Dark hooded sweatshirt (hood pulled up, partially concealing the face), loosefit black jeans, black sneakers with white soles. Устные иноязычные свидетельские показания сравниваются с изображением подозреваемого на предмет достоверности и соответствия показаниям. Для изображения использовался чат-бот Chat-bot AI YaART.

Интересны метод геймификации и оценка иноязычной профессионально направленной речи студентов в моделировании судебного процесса на основе таблицы лидерства лидерборд.

Краткий промт, заданный ИИ преподавателем: 1. Дать подробное описание критериев эффективной речи с указанием баллов. 2. Вписать в промт высказывания каждого студента. 3. Дать задание ИИ оценить высказывания, используя критерии.

[10] Эдукология : монография / под ред. М. П. Карпенко. М. : АЭО, 2020.

В таблице приведена оценка речевых высказываний в баллах.

Место	Роль/действие	Баллы (из 50)
1	Защита (заключительное слово)	45
2	Защита (перекрестный допрос)	43
3	Прокурор (заключительное слово)	40
4	Прокурор (возражение)	38
5	Свидетель	32
6	Судья	30
7	Присяжный	28

Ответ Chat-bot AI «DeepSeek» по оцениванию речи студента: студент (заключительное слово защиты). Оценка: 45/50. Сильные стороны: юридическая точность (5/5): использует принцип «разумных сомнений», ссылается на отсутствие ключевых доказательств (видео, отпечатки). Логичность (5/5): четкая структура: тезис → аргументы → вывод. Убедительность (5/5): эмоциональный акцент на слабостях обвинения, эффективная работа с аудиторией (обращение к присяжным). Этика (5/5): уважительный тон, отсутствие агрессии. Слабые стороны: креативность (3/5): стандартная аргументация, без неожиданных тактик.

Следующие чат-боты на основе ИИ используются для работы с текстом (DeepSeek.ai Perplexity.ai Mistral.ai Reka.ai).

Для работы с изображениями используются чат-боты Rudalle.ru; YaAR.

Приведем пример создания VR-игры по судебному процессу. Для создания обучающей VR-игры необходимы: 1) реалистичное моделирование среды — точные 3D-модели зала суда, персонажей (судья, адвокаты, присяжные) и интерактивных элементов (документы, доказательства), обеспечивающие погружение; 2) интерактивные образовательные механики — сценарии на основе реальных кейсов, где студенты принимают решения, выступают с процессуальной речью и получают обратную связь от системы или виртуального наставника; 3) техническая оптимизация — адаптация интерфейса под VR-шлемы и устранение факторов, вызывающих дискомфорт.

Обобщение возможностей применения новационных парадигм с использованием технологий ИИ для индивидуализации обучения иностранным языкам позволяет выделить следующие технологии:

— персонализированное обучение с помощью ИИ-алгоритмов, которые анализируют уровень знаний, стиль обучения, предпочтения и прогресс каждого студента и формируют индивидуальные планы занятий;
— адаптивные обучающие платформы, использующие ИИ для автоматической настройки контента в реальном времени. Когда студент выполняет задания, система отслеживает его успехи и подбирает следующую порцию материалов, соответствующую текущему уровню владения языком;

— использование чат-ботов и виртуальных ассистентов. Чат-боты на базе искусственного интеллекта способны вести диалоги с обучающимися, помогая им практиковать разговорную речь, исправляя грамматические ошибки, расширяя словарный запас. Виртуальные ассистенты могут отвечать на вопросы, объяснять правила, предоставлять рекомендации по изучению языка, что создает условия для постоянной языковой практики вне класса;
— распознавание и синтез речи. Например, системы, основанные на ИИ, могут сравнивать произношение ученика с эталонным, выделяя произносительные ошибки и предлагая корректировку;
— автоматическая проверка и оценка — ИИ системы могут автоматически проверять письменные работы, тесты и устные ответы, что значительно ускоряет процесс обратной связи и снижает нагрузку на преподавателей.

Использование технологий аналитики больших данных позволяет отслеживать прогресс в обучении студентов, выявлять закономерности и проблемы в овладении иностранным языком.

Противоречия между традиционными, классическими и постклассическими новационными методами, безусловно, содержат вызовы, которые состоят в трудности интеграции различных парадигм в единый образовательный процесс для достижения максимального эффекта в обучении. Новационные парадигмы требуют от преподавателей больших трудозатрат, компетентности, мастерства и выводят их из зоны комфорта, нацеливая на разработку гибких учебных программ, использование смешанного полипарадигмального обучения, владения индивидуализированными адаптивными методами новационной парадигмы. Вызовы для преподавателей также включают необходимость постоянного профессионального развития, преодоления проблем цифрового неравенства, соблюдения этики в разработке тематического правового и межкультурного контента[11].

Заключение

Несмотря на многочисленные преимущества, внедрение ИИ в преподавание языков сталкивается с такими проблемами, как необходимость развития педагогической политики, этические вопросы, безопасность данных. Однако перспективы развития технологий ИИ выглядят многообещающими: с каждым годом растет качество систем распознавания, обучения и анализа данных, что открывает новые возможности для более эффективного и комфортного обучения иноязычной коммуникации. В будущем ожидается дальнейшее развитие новационных технологий, что станет стандартом в области языкового образования и откроет новые горизонты для преподавателей и студентов по всему миру.

Академический опыт свидетельствует, что взаимодействие между традиционными методами обучения и методами с применением ИИ — это не борьба и не замена, а мощная синергия, создающая новый, более эффективный формат

[11] *Hon. Katherine B.* Forrest. The Ethics and Challenges of Legal Personhood for AI // The Yale Law Journal Forum, 2024. P. 1175—1211.

образования. Искусственный интеллект не заменяет традиционные методы и преподавателя, а изменяет их роль.

Преподаватель из транслятора знаний становится навигатором, наставником, мотиватором и проводником в мир живой иноязычной коммуникации, который берет на себя всю рутину, персонализацию и обеспечивает мгновенную обратную связь с обучающимися, освобождая время и ресурсы для человеческого общения и творческого подхода к языку (последние пока остаются недосягаемой целью для искусственного интеллекта).

Необходимо создание условий для подготовки преподавателей, владеющих широким спектром эффективных полипарадигмальных компетенций для их профессионального роста, переосмысления и принятия новационной парадигмы и новой языковой реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). — СПб. : Златоуст, 1999. — 472 с.
2. Актуальные вопросы обучения иностранным языкам в средней школе : сборник / под ред. А. Д. Климентенко, А. А. Миролюбова. — М. : Педагогика, 1973. — 256 с.
3. *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков : учебное пособие. — 3-е изд. — М. : Физматлит, 2005. — 232 с.
4. *Беляев Б. В.* К вопросу о сознательном обучении иностранным языкам // Вопросы психологии и методики обучения иностранным языкам : сборник статей / под ред. В. А. Артемова, И. В. Карпова, И. В. Рахманова. — М. : Учпедгиз, 1947. — С. 89—92.
5. *Пассов Е. И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — 2-е изд. — М. : Просвещение, 1991. — 223 с.
6. *Тестов В. А.* Переход к новой образовательной парадигме в условиях сетевого пространства // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2012. — № 4—1. — С. 50—56.
7. Традиции и новации в методике обучения иностранным языкам: обзор основных направлений методической мысли в России / под ред. Л. В. Московкина. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 235 с.
8. Эдукология : монография / под ред. М. П. Карпенко. — М. : АЭО, 2020. — 457 с.
9. ChatGPT and Generative AI within Law Firms. — Thomson Reuters Institute, 2023. — 18 p.
10. *Hon. Katherine B. Forrest.* The Ethics and Challenges of Legal Personhood for AI // The Yale Law Journal Forum. — 2024. — P. 1175—1211.
11. *Kilpatrick W. H.* The Project Method: The Use of the Purposeful Act in the Educative Process. — New York City : Teachers College, Columbia University, 1929. — 18 p.
12. *Prabhu N. S.* Second Language Pedagogy. — Oxford University press, 1987. — 156 p.
13. *Scott Thornbury.* Scott Thornbury's 30 Language Teaching Methods. Cambridge Handbooks for Language Teachers : Scott Thornbury. — Cambridge University press, 2017. — 130 p.

Формирование фиктивного юридического дискурса в рамках дискурса урока

Аннотация. *В статье рассматривается возможность формирования фиктивного юридического дискурса в рамках дискурса урока в процессе выполнении определенных заданий при обучении студентов-юристов иностранному юридическому языку. На основе анализа выполняемых заданий, аргументации обучающихся и конечного результата описаны лингвокогнитивные и лингвопрагматические характеристики, типичные для реального и фиктивного юридического дискурса, а именно: аргументативность, клишированность, наличие сформированных когнитивных структур (лингвоправовых стереотипов). Установлено, что фоновые знания и сформированные когнитивные структуры, характерные для реального иноязычного юридического дискурса, актуализируются в фиктивном юридическом дискурсе, что способствует решению поставленных задач и является необходимым условием успешной профессиональной коммуникации.*

Ключевые слова: *юридический дискурс, лингвоправовой стереотип, аргументация, фиктивная коммуникация, фиктивный дискурс.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.031-038

Мария Алексеевна ВИКУЛИНА,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета,
кандидат филологических наук
vikulina_maria@mail.ru
119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 36

Лилия Васильевна МОИСЕЕНКО,
заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета,
доктор филологических наук, профессор
liliamoiseenko@gmail.com
119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 36

© Викулина М. А., Моисеенко Л. В., 2025

Maria A. VIKULINA,
Assistant professor of the Department of Linguistics
and professional communication in law
of the Institute of international law and justice
Moscow state linguistic university,
Cand. Sci. (Philology)
vikulina_maria@mail.ru
36, Ostozhenka, Moscow, Russia, 119034

Lilia V. MOISEENKO,
Head of the Department of Linguistics
and professional communication in law
of the Institute of international law and justice
Moscow state linguistic university,
Dr. Sci. (Philology), Professor
liliamoiseenko@gmail.com
36, Ostozhenka, Moscow, Russia, 119034

The Formation of Fictious Legal Discourse within the Discourse of a Lesson

Abstract. *The article focuses on the possibility of forming fictious legal discourse within the discourse of a lesson while teaching a foreign legal language to law students. Fictious legal discourse may develop in certain types of tasks. Basing on the analysis of the tasks performed, legal reasoning and the result obtained, linguistic, cognitive and pragmatic features typical of both real and fictious legal discourse have been described, they are cliches, arguments and cognitive structures (linguistic and legal stereotypes). It has been established that background knowledge and developed cognitive structures specific for real legal discourse are actualized in the fictious legal discourse contributing to proper task resolution and successful professional communication.*
Keywords: *legal discourse, linguistic and legal stereotype, argument, fictious communication, fictious discourse*

Лингвоправовой стереотип как один из компонентов юридического дискурса

Проблематика институционального, в частности юридического, дискурса привлекала исследователей на протяжении десятилетий. Особенности юридического дискурса рассматривались учеными в лингвостилистическом ключе (P. Tiersma, V. K. Bhatia, B. Garner, А. С. Пиголкин, В. М. Савицкий, А. Ф. Черданцев, Т. В. Губаева), с позиций судебной риторики (Т. В. Губаева), речеведения (Е. И. Галяшина),

переводоведения (С. Шарчевич, П. Сандрини), терминоведения (С. П. Хижняк, Н. П. Глинская, Е. С. Максименко, М. Н. Володина) и лингвистической экспертизы (Н. Д. Голев, К. И. Бринев).

Нюансы разворачивания юридического дискурса, равно как и его лингвопрагматические и лингвосемиотические характеристики, справедливо считаются достаточно детально изученными. В рамках данной статьи представляется целесообразным еще раз остановиться на базовых компонентах данного вида дискурса, выделенных В. И. Карасиком, таких как: 1) ограниченный тип участников; 2) хронотоп; 3) цели коммуникации; 4) ключевые концепты и ценности; 5) стратегии; 6) материал (тематика); 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные тексты; 9) дискурсивные формулы[1].

Ролевая нагрузка участников юридического дискурса, их статус и функционал определяют стиль самого общения, задавая вектор специализированного клишированного общения между людьми, «которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума»[2]. Статусно-ролевые отношения, специфическая цель и условия общения определяют жесткую детерминированность тематики, наличие институциональных символов, ритуалов, поведенческих стереотипов и регулярно воспроизводимых в определенных обстоятельствах прецедентных текстов[3].

С лингвокогнитивной точки зрения важно отметить, что в силу клишированности общения базовые концепты и понятия объективируются в юридическом дискурсе ограниченным числом лексем, что приводит к формированию в процессе интерпретации лингвоправовых стереотипов. Лингвоправовой стереотип представляет собой квант знаний о юридическом событии, номинируемом определенным термином. Другими словами, лингвоправовой стереотип — это «сформированная на основании институционального опыта когнитивная структура, соотносимая с содержанием юридического термина и с соответствующим этому термину общепринятым вариантом реализации события, его общими и особенными признаками и специфической юридической сущностью»[4].

Важно отметить, что лингвоправовые стереотипы вербализуются и актуализируются в дискурсе ограниченным количеством лексем и обладают рядом интегральных и дифференциальных признаков, соотносимых с содержанием юридического термина, условиями его употребления, элементами легального толкования, правовой аргументации и регулирующей нормы права[5].

Интегральные и дифференциальные признаки закрепляются в качестве признаков стереотипа в процессе интерпретации и могут актуализироваться в

---

1 *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5—20.

2 *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М., 2002. С. 292.

3 *Карасик В. И.* О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сборник научных трудов. Волгоград : Перемена, 1998. С. 190.

4 *Викулина М. А.* Дискурсивный механизм формирования лингвоправового стереотипа (на материале решений Верховного суда США) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. С. 92.

5 *Викулина М. А.* Указ. соч.

дискурсе либо непосредственно термином, вербализующим некое правовое событие, либо совокупностью лексем, называющих *все* признаки стереотипа. Например, в случае общения двух лиц, обладающих профессиональными знаниями в юридической сфере, высказывание «*его обвиняют в убийстве*» актуализирует следующие признаки лингвоправового стереотипа: он причинил смерть другому лицу и — дифференциальный признак — сделал это *умышленно*. Дифференциальный признак отличает событие, соотносимое с данным лингвоправовым стереотипом, от других сходных правовых событий, в частности, в данном случае от причинения смерти по неосторожности, где также будет иметься признак «причинение смерти другому лицу», однако будет отсутствовать признак «умысел».

В ряде случаев репрезентация признаков стереотипа происходит за счет именования регулирующей нормы права (закона, статьи или прецедента). При неформальном общении в профессиональном кругу юристов высказывание «*это, похоже, 105-я, товарищи*» актуализирует тот же стереотип «убийство» и те же свойственные ему признаки (причинение смерти и умысел). За счет актуализации стереотипа общение упрощается и происходит полное понимание высказывания без дальнейших подробных комментариев, т.е. без необходимости цитирования самой правовой нормы или разъяснений к ней.

В данной связи важно отметить, что, во-первых, многообразие терминов в разных отраслях права и именуемых ими событий детерминирует аналогичное количество сформировавшихся у специалистов лингвоправовых стереотипов. В процессе интерпретации термина правоприменителями отбираются наиболее актуальные смыслы, которые впоследствии закрепляются за событием и его лингвоправовым стереотипом, поэтому каждому термину соответствует определенный лингвоправовой стереотип.

Во-вторых, подобное «редуцирование» высказывания (как приводилось в примере выше) в процессе общения до лексем, объективирующих разделяемые профессионалами знания, т.е. лексем, вербализующих соответствующие лингвоправовые стереотипы, можно считать спецификой юридического дискурса: лицо, не обладающее профессиональными знаниями, у которого не сформировались соответствующие когнитивные структуры, не поймет смысла высказывания, так как не произойдет актуализации стереотипа.

И, наконец, соотнесение термина с определенным правовым событием (что актуально в процессе интерпретации правовой ситуации или кейса) возможно только при наличии *всех* признаков лингвоправового стереотипа.

Лингвокогнитивные особенности фиктивного юридического дискурса

Исследователи зачастую сравнивают юридический дискурс с дискурсом урока, выделяя сходные черты, такие как статусно-ролевые отношения. Однако в некоторых случаях, с нашей точки зрения, дискурс урока и юридический дискурс развиваются одновременно. Так, например, при выполнении заданий *moot court* (разыгрывание или воспроизведение судебного процесса) или *case study* (анализ дел с последующим моделированием судебного решения) происходит опосредованное погружение обучающихся в иноязычный правовой дискурс, они

«примеряют» на себя профессиональную коммуникацию, свойственную юристам-инофонам, рассматривая происходящее с точки зрения реальной правовой ситуации. Выполняя данное задание, (1) обучающийся ставит себя на место участника правового дискурса (статусно-ролевые отношения); (2) в качестве пространственно-временных координат выступает представление себя в зале судебных заседаний или ином месте, связанном с институтом права; (3) целью выполнения задания становится объективная оценка правовой ситуации, при этом выбираемые стратегии соответствуют стратегиям правоприменения; (4) основой принимаемого решения становятся прецедентные тексты, доктринальные источники и реальные нормативные правовые акты страны изучаемого языка; (5) процесс коммуникации в ходе решения задачи и само решение формулируются с использованием характерных для правового дискурса дискурсивных формул.

Данный тип дискурса не является, строго говоря, юридическим, поскольку разворачивается не в реальных условиях профессионального общения, а протекает «как если бы условия профессионального общения были реальными». Такой дискурс по аналогии с фиктивной коммуникацией мы называем фиктивным юридическим дискурсом. С нашей точки зрения, *фиктивный правовой дискурс — это вымышленная ситуация (ситуация-симулятор) профессионального общения, построенная и протекающая в соответствии с задачами и стратегиями юридических институтов, не имеющая места в действительности, но используемая как действительная с образовательной целью.* Особо следует подчеркнуть, что мы различаем фиктивный правовой дискурс в ходе образовательного процесса как искусственно воссозданный по образцу юридического института речевой акт и фиктивную коммуникацию[6] в рамках, в частности, судебного заседания.

Важно отметить, что фиктивному юридическому дискурсу свойственны те же лингвокогнитивные и лингвопрагматические характеристики, что и реальному юридическому дискурсу. Небольшое отличие связано с целями коммуникации (не реальное отправление правосудия, а учебное моделирование правовой ситуации с целью освоения и закрепления материала) и воображаемым хронотопом (как если бы действие происходило в суде или иной профессиональной обстановке).

При выполнении упражнений типа *case study* воспроизводятся элементы англо-американского судебного дискурса, для которого характерны клишированность, аргументативность и интертекстуальность. Анализ судебных дел, положенных в основу заданий, предполагает такое же оперирование информацией, как при решении реального дела в суде, где требуется аргументированность высказывания с непосредственным цитированием текста закона или прецедента, основанная на тех же правилах и принципах, что и аргументация судей в процессе принятия решения. Клишированность фиктивного юридического дискурса обусловлена обращением к законодательной базе на английском языке, прецедентным текстам и судебной аргументации. Владение специальными знаниями, свойственными коллегам-инофонам, является залогом успешной коммуникации на иностранном языке в профессиональной сфере.

[6] Общение адвокатов защиты и обвинения в зале суда выстраиваются в качестве диалогических реплик, адресованных противоположной стороне, хотя непосредственный диалог между ними в зале суда не предусмотрен процедурой.

Анализ аргументации, предложенной студентами, позволяет выделить опору на те же социокультурные параметры, которые устанавливали судьи, интерпретируя оригинальное дело. У обучающихся, углубленно изучающих юридический английский язык и правовую систему страны изучаемого языка, в ходе интерпретации дел как на русском, так и на английском языке происходит привлечение знаний разной степени абстрактности, что позволяет смоделировать реальную юридическую аргументацию в суде и правильно решить поставленную задачу[7].

Подчеркнем, что в ряде случаев (задания типа *moot court* и *case study*) решение правовых задач, поставленных в ходе дискурса урока, основано в первую очередь на наличии профессиональных знаний и сформированных когнитивных структур, типичных для юридического дискурса. Поскольку лингвоправовой стереотип, именуемый определенным термином, формируется в процессе интерпретационной деятельности, он аккумулирует существенные конвенциональные признаки события, которые необходимы для квалификации ситуации и могут значительно отличаться от обычной лингвистической дефиниции. Приведем пример.

Термин *burglary* в Oxford Dictionary определяется как *the crime of entering a building illegally and stealing things from it* / «незаконное проникновение в здание с целью хищения», что зачастую ведет к не совсем корректному переводу термина в словарях — «кража со взломом». Однако квалификация преступления *burglary* («проникновение со взломом») в Model Penal Code сформулирована следующим образом: *breaking and entering on someone's premises* ***with the intent to commit a felony*** / «проникновение на объект чужой собственности с намерением совершить ***тяжкое преступление***». Как видно из юридического определения термина, кража не является неотъемлемой частью *burglary*, это лишь один из вариантов преступных намерений: у взломщика может быть намерение совершить любое тяжкое преступление (например, убийство, изнасилование, поджог и т.д.).

В ходе интерпретационной деятельности правоприменители сформулировали детали события, определяя «степень» присутствия на чужой территории, например, при проникновении через окно (R v Brown (1985)), возможность остаться без разрешения (R v Walkington (1979)), косвенные указания на намерения или неосознанную помощь жертвы в осуществлении преступных планов (R v Collins (1973))[8]. Таким образом, в ходе правоприменения сформировался лингвоправовой стереотип *burglary*, обладающий такими признаками, как:

1) неправомерное присутствие (отсутствие разрешения или приглашения);
2) достаточное для реализации преступных намерений;
3) присутствие в пределах чужой собственности;
4) намерение совершить тяжкое преступление (караемое сроком от одного года тюремного заключения).

Данный стереотип противопоставляется другому событию — *trespasss* / «нарушение границ частной собственности», у которого будут присутствовать три первых (интегральных) признака, однако не будет дифференциального признака

---

[7] *Воронин М. Ю., Моисеенко Л. В., Викулина М. А.* Специфические параметры в аргументации как маркер интерференции англо-американского правового опыта // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 6. С. 16—22.

[8] URL: https://www.lawteacher.net/cases/burglary-cases.php (дата обращения: 28.08.2025).

«намерение совершить тяжкое преступление». Подтверждение этому можно найти в комментариях юристов на профессиональных сайтах:

Burglary is when a person unlawfully enters a building ***with the intent to commit a crime***. Trespassing, on the other hand, is being on someone's property ***without permission or criminal intent.*** Burglary typically results in felony charges, while trespassing is usually considered a misdemeanor[9].

Следовательно, для правильного выполнения задания *case stud*y обучающимся недостаточно знать определение *burglary* — необходимы фоновые знания и сформированные когнитивные структуры, типичные для юридического дискурса, за счет которых может быть актуализирован лингвоправовой стереотип, позволяющий верно квалифицировать правовое событие.

Так, например, обучающимся предлагается изучить следующую реальную правовую ситуацию и смоделировать возможное судебное решение.

The person living in the unit told police that three females came into her apartment with no warning or permission. The woman told police that Daechaera Dominick punched her in the face, while demanding money[10] / «Проживающая там дама сообщила полиции, что три женщины зашли к ней в квартиру без предупреждения или разрешения. Также женщина сообщила полиции, что Дакара Доминик ударила ее в лицо, требуя денег».

Верное решение данной задачи в рамках дискурса урока невозможно без сформированных лингвокогнитивных структур, типичных для реального юридического дискурса. Интерпретация правового события и ход рассуждения должны опираться на сформированные лингвоправовые стереотипы, объективируемые в задании определенными лексемами, что типично для реальной правовой коммуникации. Так, во-первых, выражения *punch* и *demand money* актуализируют лингвоправовой стереотип *robbery* (грабеж), которому свойственны хищение и применение или угроза применения насилия. Далее, поскольку грабеж с применением насилия является тяжким преступлением, а само деяние представляло собой незаконное, без разрешения, проникновение на чужую территорию (*came into her apartment with no warning or permission*), данное событие должно быть квалифицировано обучающимися как *burglary*. При этом задание не может быть выполнено корректно в случае отсутствия фоновых знаний и сформированных лингвоправовых стереотипов, типичных для юристов-инофонов.

Актуализация сформированных когнитивных структур, объективируемых определенными лексемами, равно как и типичные для реального правового дискурса клишированность, аргументативность и интертекстуальность, позволяют сделать вывод, что в рамках дискурса урока при выполнении заданий типа *case study* разворачивается фиктивный правовой дискурс. Успешное разворачивание данного типа дискурса способствует опосредованному погружению обучающихся в реалии правовой системы изучаемого языка и способствует развитию навыков профессиональной коммуникации, характерной для юристов-инофонов.

[9] URL: https://howgetdivorce.com/divorce-guidance/burglary-vs-trespassing/ (дата обращения: 22.08.2025).

[10] URL: https://www.valleynewslive.com/2024/05/14/two-facing-several-felony-charges-burglary-case-grand-forks/ (дата обращения: 22.08.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Викулина М. А.* Дискурсивный механизм формирования Лингвоправового стереотипа (на материале решений Верховного суда США) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2021.
2. *Воронин М. Ю., Моисеенко Л. В.*, *Викулина М. А.* Специфические параметры в аргументации как маркер интерференции англо-американского правового опыта // Пробелы в российском законодательстве. — 2021. — Т. 14. — № 6. — С. 16—22.
3. *Карасик В. И.* О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1998. — С. 185—197.
4. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5—20.
5. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. — М., 2002.

Вариативность в деловой фразеологии (на материале английского языка)

Аннотация. *Данная статья представляет собой систематический обзор научных публикаций, посвященных вариантности и вариативности в деловой фразеологии на английском языке. Вариантность и вариативность — важные аспекты исследований в области фразеологии, особенно в контексте деловой коммуникации. Цель статьи состоит в обобщении и систематизации результатов исследований, проведенных в данной области. Автор анализирует различные научные публикации, рассматривая аспекты вариантности и вариативности фразеологических единиц в деловой речи, их использование, функции и коннотации.*

Ключевые слова: *вариантность, вариативность, деловая фразеология, английский язык, научные публикации, систематический обзор*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.039-047

Виктория Викторовна КАЛИНОВСКАЯ,
заведующий кафедрой Института юридического перевода Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук, доцент
kalinovskaya@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Victoria V. KALINOVSKAYA,
Head of the Legal Translation Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Philology), Associate Professor
vvkalinovskaya@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Variation or Variability in Business Phraseology (Based on the Material of the English Language)

Abstract. *This review article is a systematic review of scientific publications devoted to variation and variability in business phraseology in English. Variation and variability are important aspects of research in the field of phraseology, especially in the context of business communication. The purpose of the review article is to summarize and systematize the results of research conducted in this area. The author analyzes various scientific publications, considering the aspects of variation and variability of phraseological units in business speech, their use, functions and connotations.*

Keywords: *variation, variability, business phraseology, English, scientific publications, systematic review*

© Калиновская В. В., 2025

Исследования в области фразеологии содержат высказывания о природе, структуре и функциональных особенностях фразеологических выражений в различных языках. Однако мало внимания уделялось вариативности или вариантности в деловой фразеологии, особенно на примере английского языка.

Вариативность в фразеологии является феноменом, описывающим наличие различных вариантов выражений, используемых в сфере делового общения. Деловая фразеология отражает специфику языка делового общения и является важной составляющей успешного коммуникативного процесса в сфере бизнеса. Возможность использования вариантных фразеологических единиц (ФЕ) позволяет говорящим выбирать наиболее подходящие выражения в зависимости от контекста и коммуникативной задачи.

Проблема вариантности в языке сама по себе сложна и неоднозначна. Однако, несмотря на сложность этого явления, данный процесс можно рассматривать как способ развития языка. В области фразеологии указанное явление изучается с точки зрения статуса варианта, также исследуется влияние вариантности фразеологической единицы на ее идентичность[1].

Исследователи интересуются влиянием вариантности на идентичность фразеологической единицы. Различные варианты могут иметь влияние на то, как ФЕ-термин воспринимается и интерпретируется людьми. Некоторые варианты могут создавать некоторые ассоциации или оттенки значения, которые не присутствуют в других вариантах[2].

Фразеологическая единица представляет собой определенную структуру, в которой означающее, согласно А. И. Смирницкому, выражено специфически употребленными словами или лексическими компонентами[3]. Этот факт естественным образом приводит к многообразию фразеологической вариантности, так как фразеологическая единица может объединять все виды вариантности, присущие различным уровням анализа, таким как фонетический, морфологический, лексический, синтаксический и семантический. Доказательно в этом отношении замечание Э. А. Макаева, который утверждает, что по мере движения от более низких единиц к более высоким, от более низких уровней языка к более высоким количество конструктивных единиц уровня увеличивается, архитектоническая сложность данных единиц увеличивается, возрастает сложность их отношений в парадигматическом и синтагматическом аспекте, а также растет степень их вариативности.

Т. Н. Федуленкова предполагала, что фразеологическая вариативность является частной проблемой вариативности в лингвистике[4]. Она отмечала, что для фразеологизмов, которые являются более сложными по сравнению со словами,

---

1 *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. М. : Физматлит, 2005. С. 156.

2 *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. М. : Международные отношения, 1972. С. 191.

3 *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Ученые записки МГУ. М., 1954. С. 135—149.

4 Фразеология и терминология: грани пересечения / Т. Н. Федуленкова [и др.]. Архангельск : Поморский университет, 2009. С. 173—175.

проблема вариативности особенно актуальна, поскольку с увеличением сложности структуры языковой единицы возникает множество различных видов ее варьирования. Действительно, если варьирование фонем главным образом проявляется в возможном наличии фонологически незначимых признаков, варьирование морфем заключается в комбинации фонем, а варьирование в лексике связано с семантически незначимыми различиями. В фразеологических единицах объединяются все эти виды формальной и формально-смысловой вариативности, включая вариации на лексическом и синтаксическом уровнях.

Вариативность в фразеологии проистекает из проявления общих языковых закономерностей, которые относятся к различным уровням языка. Эти закономерности включают адаптацию к языковым нормам, подчеркивание аналогий, передачу характерных особенностей времени, создание эффекта новизны и стремление усилить эмоционально-экспрессивные тенденции[5].

В середине XX в. фразеологические единицы были выделены как языковые знаки, отличающиеся от переменных и устойчивых словосочетаний нефразеологического характера.

Это разграничение сыграло важную роль в развитии фразеологии как науки. Однако слишком большое внимание, уделяемое сходству между фразеологическими единицами и словами, а также недооценка имеющихся различий привели к односторонности в анализе фразеологии. С одной стороны, фразеологические единицы считаются эквивалентны словам, с другой — эта эквивалентность носит односторонний характер.

Вариативность в деловой фразеологии относится к наличию различных вариантов выражений, используемых в деловом контексте. В. М. Мокиенко указывает, что единство образа и синтаксической структуры является необходимым признаком вариативности[6]. Единый образ означает сходство в содержании фразеологических вариантов, т.е. совпадение фразеологического значения, включая функционально-стилистическую отнесенность. Если существуют отличия в оттенках значений, функционально-стилистической отнесенности и сочетаемости, фразеологические единицы могут быть отнесены к одноструктурным синонимам. Несмотря на некоторые различия в деталях, различные фразеологические варианты в деловой фразеологии имеют общую основу, которая связана с их образом и синтаксической структурой. Это общее единство позволяет им обозначать сходные значения в деловой сфере и выполнять сходные функции коммуникативного характера. Однако если существуют различия в оттенках значений, эти фразеологические единицы могут быть использованы в различных стилях и функциональных контекстах, в зависимости от специфики коммуникационной ситуации.

Вариативность и вариантность в деловой фразеологии являются важными аспектами, которые исследуются в сравнительном анализе слов и фразеологических единиц. В. Жуков, Н. Амосова и другие языковеды предложили

[5] *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. М. : Высшая школа ; Дубна : Феникс, 1996. С. 250—254.

[6] *Мокиенко В. М.* Фразеологическая вариантность и некоторые аспекты проблемы «фразеологизм — слово» // Rusky jazyk. 1974. № 2. С. 58—67.

сравнительное изучение этих языковых явлений и выявили три основных типа фразеологических значений.

Вариативность в деловой фразеологии относится к наличию различных вариантов выражения одного и того же значения или сообщения с использованием фразеологической единицы. Это может быть обусловлено разными стилистическими особенностями, контекстом, региональными или социокультурными вариациями.

А. В. Кунин описывает в своей монографии критерий вариантной раздельнооформленности фразеологических единиц и обозначает несколько видов вариантности по способу образования. Он выделяет лексические варианты, которые характерны для предложно-именных адвербиальных фразеологизмов и адвербиальных ФЕ других структурных типов.

А. В. Кунин упоминает грамматические варианты, которые включают морфологические, синтаксические и морфолого-синтаксические аспекты. Он также отмечает позиционные варианты, которые зависят от места в предложении, где используется ФЕ, и квантитативные варианты, связанные с количественными показателями (например, усилением или ослаблением значения). Исследователь указывает на смешанные варианты, которые сочетают в себе несколько аспектов вариативности, а также пунктуационные варианты, связанные с использованием знаков препинания.

Проблема вариативности в деловой фразеологии рассматривается в контексте сравнительного анализа исследованиями Е. Ф. Арсентьевой и А. О. Жолобовой. Эти авторы отмечают, что вариативность фразеологических единиц может проявляться в различных аспектах и объединяется в рамках определения различных типов вариантов[7].

Вариативность ФЕ может проявляться фонетическими и акцентологическими особенностями, которые характерны преимущественно для русского языка. Фонетические особенности могут включать изменения в произношении или звуковом оформлении, а акцентологические связаны с изменениями в ударении или интонации.

Графико-орфографическая вариативность, в свою очередь, чаще встречается в английском языке. Она связана с вариациями в написании и орфографии фразеологизмов.

Лексическая вариативность касается изменений в лексическом составе ФЕ. Это могут быть замена одного слова другим, синонимические варианты или выбор разных лексических единиц на разных этапах коммуникации.

Грамматическая вариативность включает в себя морфологические и лексико-словообразовательные изменения. Морфологические варианты ФЕ связаны с изменениями в грамматической форме или окончаниях, а лексико-словообразовательные варианты связаны с изменениями в производных или сложных формах ФЕ. Позиционная вариативность описывает изменения, которые связаны с

[7] *Мокиенко В. М.* Указ. соч.

различной позицией или расположением фразеологизма внутри предложения или текста[8].

Факультативная вариативность, также известная как квантитативная или количественная, относится к случаям, когда можно выбрать разные варианты ФЕ в зависимости от контекста или нюансов коммуникации. Существуют также смешанные или комбинированные варианты ФЕ, которые могут присутствовать как в английском, так и русском языке. Это означает, что некоторые ФЕ могут включать несколько типов вариативности одновременно. В большинстве случаев вариативность затрагивает только один компонент ФЕ, однако существуют и ФЕ, где присутствуют смешанные или комбинированные варианты, которые могут быть представлены как в русском, так и в английском языке.

В деловой фразеологии существует явление вариативности или вариантности, которое фиксирует различные формы и варьирующиеся элементы в адвербиальных фразеологических единицах. Одной из основных задач научного исследования в данной области является определение влияния варьирования на структурную и семантическую изменчивость фразеологических единиц. В статье Л. П. Юздовой под названием «Варьирование как показатель развития адвербиальных фразеологических единиц» рассматривается данное явление и анализируется его связь с динамикой развития данных единиц. Автор статьи выделяет варьирование как важный показатель структурного развития адвербиальных фразеологических единиц. Варьирование представляет собой наличие различных вариантов и форм внутри фразеологических единиц, которые могут быть использованы в различных ситуациях и контекстах. Исследования позволяют установить, что варьирование может играть роль в динамике развития данных единиц и влиять на их структурно-семантическую изменчивость[9].

Л. П. Юздова подчеркивает, что варьирование адвербиальных фразеологических единиц не нарушает значения фразеологизма и не приводит к образованию новых сущностей. Оно представляет собой разнообразие вариантов выражения сходного значения и позволяет говорящим выбирать между ними в зависимости от контекста и речевой ситуации. Варьирование может проявляться в изменении порядка слов, замене одной части речи другой или применении синонимов и антонимов. Однако все эти варианты сохраняют основное значение фразеологической единицы и не приводят к возникновению новых фразеологических единиц.

В работе Л. А. Юршевой исследована тема вариативности и вариантности в деловой фразеологии английского языка. Автором были изучены специфика и структура словарного состава делового английского, особое внимание уделено фразеологическим выражениям, устоявшимся оборотам и идиомам, применяемым в деловой коммуникации. Была выявлена особенность грамматики, специфичной для бизнес-английского, которая отличается от общей грамматики английского языка.

[8] *Радченко Е. В.* Динамическое равновесие фразеологической единицы // Филологические науки. 2009. № 2. С. 64—71.

[9] *Юздова Л. П.* Варьирование как показатель развития адвербиальных фразеологических единиц // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. 2005. № 3. С. 45—52.

Семиотический аспект бизнес-английского также был рассмотрен в работе. Автор анализировал семантику, символику и контекстуальные значения фразеологических выражений в деловой коммуникации, а также их роль в передаче информации и воздействии на коммуникантов.

Экспрессивность в деловой корреспонденции на английском языке была исследована с точки зрения онтологии. Автор изучал природу и проявление выразительности в деловой коммуникации, особенности эмоциональной окраски фразеологических выражений и их воздействие на получателя сообщения.

В исследовании, проведенном Л. А. Юршевой в области деловой фразеологии, обнаружено множество стабильных выражений, которые характерны для делового языка и понятны ограниченному кругу специалистов. Эти выражения представляют собой одну из категорий фразеологических единиц в деловом дискурсе[10]. Наиболее яркими примерами таких выражений являются фразеологические единицы, заимствованные из английского языка, которые широко распространены в повседневной речи, однако получили специфическую интерпретацию и использование в деловом контексте. Например, выражение *blue collar* (буквально — синий воротничок) в деловом дискурсе относится к рабочему классу. Другой пример: *eager beaver* (буквально — нетерпеливый бобер), используется для обозначения трудоголика. Также выражение *white collar* (буквально — белый воротничок) относится к офисным работникам.

Помимо стабильных выражений, характерных для делового языка, в деловой фразеологии также применяются фразеологизмы, заимствованные из общей английской речи. Такие выражения получают особое значение и употребление в деловом контексте. Выражение *It is sally system go* (буквально — все системы работают нормально) означает готовность к выполнению новой задачи. Еще пример: *started the ball rolling by* (буквально — покатить мяч), обозначает готовность начать работу над проектом. Также выражение *call it a night* (буквально — прекратить работу на ночь) означает завершение работы. Выражение *cash cow* (буквально — дойная корова) используется для обозначения надежного источника дохода.

А. В. Кунин считает, что если фразеологические единицы имеют различия в лексическом составе, но одинаковое число значений, при этом данные значения могут различаться по оттенку, образности, стилистическому направлению или сочетаемости, то такие единицы могут образовывать структурные синонимы.

Примером такой вариантности в деловой фразеологии может служить фразеологическое выражение «бить тревогу» и его вариант «тревога бьет». Оба выражения имеют одно значение, связанное с предупреждением о возможном негативном событии или изменении, но они отличаются по структуре и порядку слов. Первое выражение является более распространенным и устоявшимся, в то время как второе — менее типичным и меньше употребляемым. Таким образом, они могут рассматриваться как варианты с различным лексическим составом, но с одним значением.

В своих исследованиях Т. Н. Федуленкова указывает на вариативность второго компонента в структуре «существительное + существительное». Когда

[10] *Юршева Л. А.* Специфика деловой фразеологии английского языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3 (35). С. 156—162.

рассматриваются термины, состоящие из такой структуры, основное внимание уделяется вариативности второго компонента, например: boiler room / boiler shop, shadow market / shadow economy, paper gain / paper profit и др. Словарные дефиниции этих терминов подтверждают, что они являются вариантами обозначения одного и того же концепта. Например, boiler room also boiler shop в финансовой сфере означает организацию, продающую инвестиции по телефону с использованием нечестных методов. Shadow economy also shadow market в экономике относится к деловой деятельности (трудно раскрыть властям, например, из-за нарушения закона). Paper profit also paper gain в сфере бухгалтерии обозначает увеличение стоимости инвестиций, которое не является реальной суммой денег, пока инвестиции не будут проданы[11].

Т. Н. Федуленкова также отмечает, что в структуре «существительное + существительное» гораздо реже варьируется первый компонент термина. Например, *share issue also stock issue* означает ситуацию, когда новые акции компании становятся доступными для публичной продажи. Для иллюстрации рассматриваемых терминов в деловом дискурсе приводятся контекстуальные примеры: *Another issue seen as an obstacle to investment is that of capital contributions made to a company not ranking as part of the base cost of the shares for capital gains purposes*. Это означает проблему вложений в капитал компании, которые не учитываются в основной стоимости акций в целях учета прироста капитала. Предлагается использовать данное средство для инъекции акционерного капитала в компанию без необходимости проходить формальности, связанные с выпуском акций, подобно практике в США.

Структура «существительное + существительное» может иметь вариативность первого компонента не только с субстантивным компонентом, как было рассмотрено ранее, но и с адъективным компонентом. Например, *head office also main office* означает главный офис компании. Для иллюстрации примеров данного термина в деловом дискурсе приводятся контекстуальные употребления.

Agents Mathews and Goodman are looking for rents of around 10 a sq ft for space in Martin's Building as it becomes free for letting with a range of suites up to 14,000 sq ft being available. Martin's Building was originally built in 1932 as head office of Martin's Bank becoming Barclay's local head office following its takeover of Martins in 1969. Это означает, что агенты Мэтьюз и Гудман ищут помещение для аренды в здании *Martin's Building*, которое освобождается для сдачи в аренду, и предлагает апартаменты различных размеров, включая площадь до 14 000 квадратных футов. Изначально здание *Martin's Building* было построено в 1932 г. в качестве главного офиса банка «Мартинс», а после приобретения «Мартинс» компанией *Barclay's* стало местным главным офисом *Barclay's*.

Второй пример: *Council as 'an intellectual bridge' across the Atlantic <...>. A US-German committee that issued a preparatory report on the need for such a council sees it as a forerunner for an institution to promote cooperation between the United States and all of Europe. The council will be composed of 30 members, 15 from each country, whose election should be complete within the next few weeks. A main office will be set up in Bonn with a branch office in Washington*. Это означает, что совет

[11] Фразеология и терминология: грани пересечения.

рассматривается как «интеллектуальный мост» через Атлантику. Американо-германский комитет, выпустивший предварительный отчет о необходимости такого совета, видит его в качестве предвестника учреждения, цель которого — содействие сотрудничеству между Соединенными Штатами и всей Европой. Совет будет состоять из 30 членов, по 15 от каждой страны, чьи выборы должны быть завершены в следующие несколько недель. Главный офис будет открыт в Бонне, а филиал — в Вашингтоне[12].

Т. Н. Федуленкова также отмечает вариативность структуры «прилагательное + существительное» в деловой терминологии. В этой структуре обычно первый компонент подвержен замене на адъективный компонент. Примерами таких терминов являются *cold call / blind call*, *dear money / tight money*, *sleeping partner / silent partner* и т.д. Эти термины представляют различные варианты обозначения одного и того же понятия. Например, *cold call also blind call* в маркетинге означает звонок кому-то, с кем раньше не разговаривали, чтобы предложить товар или услугу. *Dear money also tight money* в финансах означает деньги, стоимость займа которых высока из-за высоких процентных ставок. *Sleeping partner или silent partner* — это партнер, вкладывающий деньги в бизнес, но не принимающий активного участия в его управлении.

В заключение данной обзорной статьи стоит сказать, что изучение вариантности и вариативности в деловой фразеологии английского языка представляет значительный интерес с точки зрения анализа и понимания специфики деловой коммуникации. Результаты исследования позволяют обнаружить разнообразие форм и выражений, используемых в деловом контексте, а также выявить семантические оттенки, которые могут влиять на эффективность коммуникации в деловой среде.

Исследования в области деловой фразеологии позволяют не только понять особенности языка деловых коммуникаций, но и эффективно использовать и адаптировать соответствующую лексику и фразеологические обороты в своей профессиональной деятельности. Понимание различных вариантов и вариативности в деловом языке помогает избегать недоразумений и обеспечивает более точное общение между участниками делового процесса.

Изучение вариантности и вариативности в деловой фразеологии английского языка позволяет расширить наши знания о специфике делового общения, обогатить наш словарный запас и улучшить навыки коммуникации в профессиональной среде. Это важный аспект в изучении и применении английского языка в деловом контексте, который требует дальнейших исследований и внимания со стороны практиков и исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. — М. : Физматлит, 2005. — 232 с.
2. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. — М. : Высшая школа ; Дубна : Феникс, 1996. — 381 с.

[12] Фразеология и терминология: грани пересечения.

3. *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. — М. : Международные отношения, 1972. — 288 с.
4. *Лейчик В. М.* Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. — 1981. — № 2. — С. 63—73.
5. *Мокиенко В. М.* Фразеологическая вариантность и некоторые аспекты проблемы «фразеологизм — слово» // Rusky jazyk. — 1974. — № 2. — С. 58—67.
6. *Радченко Е. В.* Динамическое равновесие фразеологической единицы // Филологические науки. — 2009. — № 2. — С. 64—71.
7. *Райхштейн А. Д.* Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы : автореф. дис. … д-ра филол. наук. — М., 1974.
8. *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Уч. зап. МГУ. — М., 1954. — С. 135—149.
9. *Солнцев В. М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // Вариативность как свойство языковой системы : тезисы докладов. — М. : Ин-т востоковедения АН СССР, 1982. — Ч. 2. — С. 71—73.
10. *Телия В. Н.* Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. — М., 1968.
11. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки русской культуры, 1996.
12. *Толикина Е. Н.* О критерии устойчивости фразеологической единицы // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. — Вологда, 1967. — С. 207—211.
13. Фразеология и терминология: грани пересечения / Т. Н. Федуленкова [и др.]. — Архангельск : Поморский университет, 2009. — 169 с.
14. *Юздова Л. П.* Варьирование как показатель развития адвербиальных фразеологических единиц // Вестник Московского университета. — Серия 9 : Филология. — 2005. — № 3. — С. 45—52.
15. *Юршева Л. А.* Специфика деловой фразеологии английского языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2019. — № 3 (35). — С. 156—162.

Анжелика Викторовна КОРОЛЬКОВА,
профессор кафедры русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета,
доктор филологических наук, профессор
lika.korolkova@bk.ru
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Проблемы лингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы исследования текстов экстремистской направленности. Проблемы лингвистических экспертиз состоят в том, что необходимо выявлять не только эксплицитную, но и имплицитную информацию, связанную с призывами к осуществлению экстремистской деятельности, направленную на возбуждение ненависти или вражды по отношению к группам лиц, объединенных по национальному или социальному признаку. Исследование текстов экстремистского толка необходимо начинать с определения типа текста: печатного, креолизованного или поликодового, в связи с чем адекватно выбирать методику и методы исследования.*

Ключевые слова: *лингвистическая экспертиза, экстремистский текст, эксплицитность, имплицитность*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.048-055

Angelica V. KOROLKOVA,
Professor of the Russian language department 4,
Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
Professor of the Russian language department,
Moscow State Pedagogical University,
Grand Cand. Sci. (Philology)
lika.korolkova@bk.ru
6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

Problems of Linguistic Expertise of Texts of Extremist Orientation

Abstract. *The article discusses topical issues of research on extremist texts. The problems of linguistic expertise are that it is necessary to identify not only explicit, but also implicit information related to calls for extremist activities aimed at inciting hatred or hostility towards groups of people united along national or social lines. The study of extremist texts should begin with the definition of the type of text: printed, creolized or polycode, and therefore it is appropriate to choose the research methodology and methods.*

Keywords: *linguistic expertise, extremist text, explicitness, implicitness*

© Королькова А. В., 2025

В настоящее время исследование текстов, в которых могут содержаться экстремистские материалы, остается остроактуальной проблемой, поскольку количество дел по статьям, связанным с экстремизмом, возрастает. Так, в 2024 г. по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ по статьям об экстремизме было осуждено свыше 500 человек, более половины из которых получила реальные сроки лишения свободы и значительные суммы штрафов.

Фигурантами дел становились как отдельные граждане, так и организации, сообщества, группы лиц, демонстрировавших неоднократно запрещенную символику, участвовавших в вербовке людей и финансировании враждебных государств и (или) организаций.

Е. И. Галяшина определяет экстремистские тексты следующим образом: «Под словесным экстремизмом понимается целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые: а) призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; б) оправдывают или обосновывают их; в) пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику; г) направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение)»[1].

Лингвистическая теория экстремистских текстов исследуется В. А. Масловой, В. Н. Ворошиловым, М. В. Горбаневским, Г. Н. Трофимовой, В. В. Барабаш, Н. Д. Голевым, А. П. Чудиновым, К. И. Бриневым, И. А. Стерниным и др.

С. В. Кряжев указывает: «Основные виды экстремистской деятельности совершаются вербально, т.е. посредством речевых актов определенной языковой формы и коммуникативной направленности (“призывы”, “пропаганда”, “оправдание”, “обоснование” и т.п.), включая распространение заведомо экстремистских материалов»[2].

Выявление лексико-семантических параметров текстов, прагматической целью которых является осуществление противоправной деятельности (призывы, подстрекательство, оправдание, обоснование насилия по отношению к этнической и (или) социальной группе), является сложной лингвистической проблемой, связанной с эксплицитным либо имплицитным характером изложения информации.

Зачастую в начале коммуникативного взаимодействия инициаторы насилия впрямую о нем не говорят, для обозначения насилия используются лексемы эвфемистического характера («зачистить» вместо ликвидировать или убить и др.), т.е. экстремистские прагматические цели присутствуют в текстах имплицитно.

[1] *Галяшина Е. И.* Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 32.

[2] *Кряжев С. В.* Проблемы назначения судебной лингвистической экспертизы // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. И. Шиканова. Иркутск, 2021. С. 81.

Именно поэтому дела об экстремизме практически всегда требуют назначения лингвистических экспертиз для ответа на вопросы о том, содержат ли спорные тексты лингвистические признаки призыва, обоснования, оправдания «противоправных действий экстремистского толка». При исследовании текстов экстремистской направленности лингвисты могут иметь дело с текстами различных типов: письменными, креолизованными или поликодовыми.

Письменные тексты с точки зрения формы могут быть печатными и рукописными, причем и те, и другие могут быть распространены в сети Интернет, могут быть размножены на полиграфическом оборудовании и разложены в почтовые ящики или оставлены в общественных пространствах.

Форма спорного материала определяет особенности и методику лингвистических исследований. В тех случаях, когда представленные для исследования тексты функционируют в интернет-пространстве, важным является вопрос об авторстве. Поскольку человек может сам быть автором опубликованного в медиапространстве текста, а может либо поставить лайк, либо осуществить перепост и таким образом присоединиться к утверждениям и (или) мнению автора исходного текста.

С точки зрения законодателя и судебных органов определяется степень вины, но с точки зрения лингвиста оказывается, что человек, сделавший перепост, переславший скрин спорного текста, является соавтором.

Приведем в качестве примера дело Сергея Командирова. В социальной сети VK им была создана группа «для своих» (молодых людей, разделявших экстремистские взгляды Немцова). Командиров в группе размещал собственные посты с разного рода критикой существующей власти, ссылался на откровенно антироссийских политических деятелей, делал репосты разнообразных текстов и репосты видеороликов. Командиров осуществил перепост видеоролика «суда» над руководителями РФ, включая С. В. Лаврова, С. К. Шойгу и даже главу государства. Ролик был создан оппозиционером Каримом Ямадаевым для дискредитации власти и возбуждения ненависти и вражды по отношению к представителям государства. (В настоящее время Карим Ямадаев включен в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторига РФ). На момент 2020/2021 гг. Ямадаев не был включен в данный список, а его видеоролики еще не были признаны судом экстремистскими. То есть видеоролик «суда» был признан экстремистским уже после того, как был использован на странице Командирова.

Ситуация весьма показательна и является проблемной, поскольку для лингвистической экспертизы важны без исключения все тексты, размещенные на персональной странице в VK. От специалиста требовалось произвести анализ не только видео, но и всех реплик, кратких постов и по совокупности анализа всех материалов сделать лингвистический вывод о том, содержатся ли во всех материалах признаки экстремизма. То есть при производстве экспертизы лингвист должен был анализировать совокупность текстов: печатных, креолизованных и поликодовых. Произвести анализ исключительно печатного текста не представлялось возможным, поскольку в таком случае терялась большая часть семантики всей совокупности поликодового текста, понимаемого в данном случае как совокупность всех материалов персональной страницы.

В целом в поликодовом тексте материалов страницы Командирова были обнаружены лингвистические признаки экстремизма, а именно:

— использование лексических единиц, маркирующих негативное отношение к группе лиц, символизирующих власть в Российской Федерации;
— в данном поликодовом тексте содержатся враждебные высказывания (устные и письменные) агрессивного характера по отношению к органам власти Российской Федерации;
— содержатся высказывания (устные и письменные), оправдывающие, обосновывающие и инициирующие насилие в отношении группы лиц, символизирующих государственную власть в Российской Федерации.

Однако и в настоящее время встречаются случаи, когда для лингвистического анализа бывают представлены исключительно печатные тексты, не попадающие в медиапространство, но широко распространенные в пределах определенной территории.

Например, в феврале 2008 г. в преддверии выборов Президента РФ в г. Смоленске были распространены листовки от имени партии КПРФ (как выяснилось впоследствии, партия не имела никакого отношения к провокации). Листовки раскладывались по почтовым ящикам, акция проводилась с целью дискредитации и создания негативного имиджа кандидата в Президенты Д. А. Медведева.

Поликодовый текст этих листовок носил явно экстремистский характер, так как одной из самых больших «претензий» к кандидату в Президенты стало утверждение о том, что Д. А. Медведев является представителем еврейской нации. То есть в этой листовке этническая группа людей противопоставлялась всем гражданам страны и наделялась исключительно отрицательными чертами, а якобы принадлежность кандидата в Президенты к этой группе должна вызвать исключительно отрицательное к нему отношение.

Текст сопровождался не совсем удачной фотографией, а также содержал имплицитно выраженную характеристику внешности.

Следует отметить, что поликодовые спорные тексты в рамках лингвистических экспертиз и исследований подвергаются анализу с применением разнообразных методов и методик.

Самыми частотными из них являются лексико-семантический метод, который позволяет определить смысловое содержание текста или его отрезка, а также выявить положительную или отрицательную коннотацию лексемы, негативную информацию по отношению к кому/чему-либо. Лексико-семантический метод также дает возможность оценить смысловую направленность широкого контекста, в том числе и сверхфразовых единств.

Продуктивным при производстве лингвистических экспертиз по экстремизму является контент-анализ. Именно с помощью контент-анализа выявляются лексические маркеры экстремистского текста (например, обидные прозвища и клички этнических групп, наций, национальностей).

В экспертизе по делу Командирова были выявлены маркеры, отражающие отношение автора экстремистского ролика (Ямадаева) к представителям государственной власти.

В ряде случаев лексические маркеры являются смысловыми доминантами контекста. Так, в 2005 г. в медиапространстве появилась лексическая единица

победобесие, которая стала частотной в среде людей, которые не приветствуют чествование Победы в Великой Отечественной войне. В 2015 г. лексема становится частью враждебной кампании против Российской Федерации в сети Интернет, появляется экстремистский видеоролик с тем же названием и даже запущен одноименный сайт. Этим деяниям дана правовая оценка.

В настоящее время большое количество текстов, в той или иной мере связанных с экстремизмом, содержат лексические маркеры. Так, например, набирает обороты скандал с бывшей сотрудницей кафе «Саперави», которая назвала русских «*конченными*» и заявила, то русские «*кайфуют*» от *убийства* грузин и украинцев. Запись была сделана в 2023 г., но появилась в сети Телеграмм-канала только сейчас. Данный инцидент остался бы незамеченным (сотрудница была сразу же уволена из заведения), если бы видео не попало в сеть. То есть даже тексты конфликтного характера (там речь идет о конфликте посетителя и сотрудницы) с явными лексическими маркерами оскорбительности вызывают общественный резонанс и внимание правоохранительных органов, когда получают широкое распространение в медиапространстве.

Отметим, что для лингвистической экспертизы текстов, размещенных в сети Интернет, важным является понимание особенностей медиапространства и того, как именно меняется текст и его коммуникативная прагматика.

Н. В. Крылова пишет: «Медиапространство — это информационное пространство, это вид существования контента, одновременно отторгнутого от системы медиа и основанного на нем, способного иметь влияние на процессы, происходящие в его границах, и взаимодействовать с целевой аудиторией»[3].

Профессор В. В. Волков отмечает иной важный факт, связанный с медийными текстами: «Термин медиа, акцентируя внимание на “посреднической” функции СМИ, на семантическом компоненте “передача” (информация = информирование), провоцируя представление о медиа лишь как, “всего лишь как” о средствах передачи информации, тем самым “прикрывает”, уводит от внимания то обстоятельство, что медиа фактически выполняют весь комплекс работ с информацией (информация = сведения), включая ее, информации, конструирование (зачастую искусственное), а на финальной стадии — передачу»[4].

То есть в медийном пространстве не только создание, но и размещение контента всегда связывается с прагматикой. Зачастую тексты попадают в сеть в то время, когда их тематика остро актуальна, и они быстро набирают большую аудиторию просмотров.

---

[3] *Крылова Н. В.* Медиареальность, медиапространство, система российских СМИ: понятийный аспект // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Флорида Агзамова / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань : Изд-во Казанского университета, 2016. С. 156.

[4] *Волков В. В.* Термин и понятие «медиа»: аспекты герменевтического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 20—24.

Так и произошло в случае с размещением видео с сотрудницей кафе Саперави.

Лексические маркеры являются наиболее показательными для интерпретации экстремистских текстов. Однако выявление лексических маркеров не всегда оказывается возможным (в некоторых случаях их восстанавливают из широкого контекста). Проблемы выявления маркеров связываются с имплицитным выражением негативного отношения к группе лиц, объединенных социально или этнически, а также с оправданием экстремистских действий. Имплицитно может быть выражена пропаганда исключительности какой-либо нации, в некоторых случаях — утверждаться, что какая-либо социальная или этническая группа является неполноценной.

Имплицитность как лингвистический феномен в научной литературе толкуется неоднозначно, однако большинство ученых сходится во мнении, что имплицитность — «та информация, которая не составляет непосредственного значения компонентов текста (слов, граммем и т.п.), зафиксированных в словаре, однако воспринимается слушателем этого текста»[5].

Адресат воспринимает имплицитную информацию, производя мыслительные операции по «восстановлению лакун» в тексте; извлекает дополнительную информацию «с учетом контекста, фоновых и прагматических знаний»; «отграничивает» «замысел говорящего от других интерпретаций (отбрасывание неверных пониманий)»; и даже определяет нереализованные «в данном тексте потенции высказывания (выявление “заднего смысла”)»[6].

Об имплицитности как лингвистическом феномене в речевом воздействии писали М. И. Киоссе, О. Ю. Флисак, А. С. Котлова, С. Н. Исаева, О. С. Иссерс, А. Н. Баранов и др.

В настоящее время в медиапространстве размещены сотни материалов, требующих правовой оценки, в которых содержится имплицитная информация экстремистского характера.

Особый общественный резонанс вызывают тексты, которые связаны с демонстрацией нацистской символики, оправданием нацизма и др.

Но в данном случае также появляется множество вопросов. Как быть авторам статей (журналистам и историкам), которые пишут об историческом периоде Великой Отечественной войны, связанном с оккупацией. Сохранилось большое количество архивных документальных материалов, фотографий этого времени. На многих из них присутствует нацистская символика, что отражает реалии войны. Публикация подобных фото и видеоматериалов вызывает порой неоправданную реакцию со стороны правоохранительных органов. Так, в Смоленской области замечание получила журналистка, которая писала о расправах над мирными жителями города в 1942 г. и опубликовала фотографию с места казни; на фото присутствует фашистский флаг. В данном случае не было никаких оснований подозревать журналистку в героизации фашизма, оправдании деяний фашистов на

[5] *Борисова Е. Г., Пирогова Ю. К., Левит В. Э.* Имплицитная информация в рекламе и пропаганде // Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. М., 1999. С. 9.

[6] *Борисова Е. Г., Пирогова Ю. К., Левит В. Э.* Указ. соч. С. 11.

оккупированных советских территориях, так как в самом тексте статьи смысловое содержание свидетельствует о крайне отрицательной оценке произошедшего.

Но в некоторых случаях демонстрация нацистской символики и портретов руководителей Третьего рейха связывается с прямыми экстремистскими прагматическими целями адресантов. Так, в 2022 г. музыкант Андрей Шабанов разместил на портале Бессмертного полка портрет Гитлера и снабдил его подписью: «Михаил Алоисович Егерьский», присяжные признали Шабанова виновным в реабилитации фашизма, он был приговорен к штрафу. (Следует уточнить, что фото Гитлера не было опубликовано, так как не прошло модерацию). В интервью «КП» от 10.05.2020 Шабанов употреблял лексический маркер *«победобесие»*, что явно свидетельствует о его экстремистских взглядах по оправданию фашизма и фашистской идеологии.

В случае с попыткой размещения фотографии Гитлера эксперт имеет дело с креолизованным текстом, в котором собственно текста нет, кроме подписи, но в котором имплицитно присутствует оправдание нацизма, оскорбление памяти погибших защитников Родины, а также ныне живущих потомков.

Однако имплицитно могут быть выражены и иные смыслы. Так, например, в художественном тексте иноагентов Елены Прокашевой (псевдоним Елена Малисова) и Екатерины Дудко (псевдоним Катерина Сильванова) «Лето в пионерском галстуке» имплицитно присутствует пропаганда нездоровых отношений, хотя впрямую никаких призывов нет. Имплицитно оправдываются нетрадиционные отношения, также имплицитно эвфемистически описывается привлекательность подобных отношений. В ходе проведенной комплексной экспертизы было установлено, что в книге содержится популяризация ЛГБТ отношений, книга снята с продажи, распространители книжной продукции и руководство компаний Popcorn Books и Individuum оказались под стражей.

Выбор адресантами имплицитной формы изложения информации при создании текстов экстремистского характера свидетельствует об осознании противоправного характера деятельности, поскольку имплицитная информация привлекает внимание адресатов, эмоционально воздействует на них, является основой для создания яркого смыслового эффекта, но при этом не всегда может быть выявлена с помощью методик лингвистической экспертизы.

Подводя итоги исследования, необходимо указать, что проблемы производства лингвистических экспертиз спорных текстов экстремистской направленности состоят в выявлении не только эксплицитной информации и объективных языковых маркеров, но и в обнаружении и интерпретации имплицитной информации, диагностики «призывов», «пропаганды неполноценности, либо исключительности» какой-либо этнической или социальной группы, «оправдания терроризма, нацизма», «обоснования экстремистских действий».

При исследовании спорных текстов экстремистского характера необходимо определить форму представления материала (текстовый, креолизованный, поликодовый), которая влияет на эмоции адресатов.

Эксперту-лингвисту необходимо также обращать внимание на то, как именно обнародован материал. Максимальный эффект от распространения текста дает медиапространство, в рамках которого основные прагматические цели адресанта бывают достигнуты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Борисова Е. Г., Пирогова Ю. К., Левит В. Э.* Имплицитная информация в рекламе и пропаганде // Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М., 1999. — 200 с.
2. *Волков В. В.* Термин и понятие «медиа»: аспекты герменевтического исследования // Известия Саратовского университета. — Новая серия. — Серия : Филология. Журналистика. — 2021. — Т. 21. — Вып. 1. — С. 20—24.
3. *Галяшина Е. И.* Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 7. — С. 25—41.
4. *Крылова Н. В.* Медиареальность, медиапространство, система российских СМИ: понятийный аспект // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Флорида Агзамова / Казанский (Приволжский) федеральный университет. — Казань, 2016. — С. 154—157.
5. *Кряжев С. В.* Проблемы назначения судебной лингвистической экспертизы // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. И. Шиканова. — Иркутск, 2021. — С. 79—86.

Особенности ассимиляции термина anti-suit injunction в русскоязычном юридическом дискурсе: лингвоправовой анализ

Ирина Анатольевна МАРТЫНЕНКО,
доцент кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор филологических наук
irineta@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Наталия Николаевна КАРАНДАШЕВА,
преподаватель кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
nkarandasheva@gmail *com*
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье исследуются трудности перевода термина anti-suit injunction на русский язык, обусловленные различиями между англо-американской и российской правовыми системами. Будучи инструментом системы общего права, ASI не имеет прямых аналогов в континентальной правовой традиции, что приводит к терминологической вариативности: от калькирования до описательных конструкций. Анализируются существующие варианты перевода, их преимущества и недостатки, а также то, как указанный инструмент соотносится с введенными изменениями в ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ. Несмотря на сходство функционального назначения, различие между исследуемыми юридическими механизмами заключается в их правовой природе: отечественный инструмент основан на императивных нормах российского права, тогда как ASI базируется на дискреционных полномочиях суда. Особое внимание уделяется лингвистическим и правовым аспектам, включая семантическую точность, адаптацию термина в профессиональном дискурсе и риски недопонимания. В заключении освещаются критерии выбора оптимального эквивалента, сочетающего лаконичность и юридическую корректность.*

Ключевые слова: *anti-suit injunction, юридический перевод, терминология, общее право, континентальное право, судебный запрет, исключительная компетенция, международный гражданский процесс*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.056-066

© Мартыненко И. А., Карандашева Н. Н., 2025

Irina A. MARTYNENKO,
Associate professor of the English language Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Philology)
rineta@rambler.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Natalia N. KARANDASHEVA,
Lecturer of the Department of private international law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
nnkarandasheva@gmail.com
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Assimilation of the Term Anti-Suit Injunction in Russian-Language Legal Discourse: Linguistic and Legal Analysis

Abstract. *The article examines difficulties of translating the term anti-suit injunction (ASI) into Russian, caused by the differences between the Anglo-American and Russian legal systems. Being an instrument of the common law system, ASI has no direct analogues in the continental legal tradition, which leads to terminological variability: from loan translation to descriptive constructions. The existing interpretations, their advantages and disadvantages, as well as the tendency how the specified instrument relates to the introduced amendments to Art. 248.1 and Art. 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation are analyzed. Despite the similarity in their functional purpose, the difference between the legal mechanisms under examination lies in their legal nature: the domestic instrument is based on imperative norms of Russian law, whereas the ASI is founded on the discretionary powers of the court. Particular attention is paid to linguistic and legal aspects, including semantic accuracy, adaptation of the term in the legal professional discourse and risks of misunderstanding. Conclusions highlight the criteria for choosing an optimal equivalent that would properly combine brevity and legal accuracy.*

Keywords: *anti-suit injunction, legal translation, terminology, common law, continental law, injunction, exclusive jurisdiction, international civil procedure*

В условиях глокализации правовых систем особую актуальность приобретает анализ терминологических различий юридических инструментов в международном частном праве. Изменения, внесенные в ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ, которые устанавливают запрет на инициирование или продолжение разбирательства по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, представляют значительный интерес для сравнительно-правового исследования. Указанные нормы по своей функциональной направленности демонстрируют сходство с правовым институтом *anti-suit injunction* (ASI). Сравнение указанных институтов представляет интерес как с позиции их правовой сущности, так и с точки зрения лингвистического анализа.

Правовая природа

ASI как правовой инструмент закреплен в законодательстве стран, где действует система общего права / common law (например, Section 37(1) Senior Courts Act 1981 в Великобритании[1] и 9 U.S.C. § 4 в США[2]).

ASI — это судебный приказ, запрещающий стороне продолжать судебное разбирательство в другом суде или юрисдикции[3] или, по определению ключевого современного теоретика института *anti-suit injunction*, Королевского адвоката Т. Рафаэля, приказ суда, требующий от ответчика не заявлять или не способствовать удовлетворению конкретных требований в рамках судебного или арбитражного разбирательства в иностранном государстве или судебного разбирательства в другом месте в рамках собственной территориальной юрисдикции суда[4].

Анализ зарубежной судебной практики свидетельствует о том, что выдача ASI является дискреционным полномочием суда, направленным на предотвращение злоупотребления процессуальными правами, что подтверждается решениями высших судов Великобритании[5].

Следует согласиться с характеристикой ASI, представленной В. В. Ярковым, который последовательно раскрывает сущность данного института через систему взаимосвязанных признаков: персонифицированный характер (запрет адресован другому лицу, а не суду), функциональное назначение (борьба со

---

1 Senior Courts Act 1981 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/section/37 (дата обращения: 10.08.2025).
Термин «anti-suit injunction» здесь прямо не используется, но данная норма служит правовой основой для выдачи ASI.

2 9 U.S.C. United States Code, 2021 Edition Title 9 — Arbitration Chapter 1 — General Provisions. Sec. 4 // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2021-title9/html/USCODE-2021-title9-chap1-sec4.htm (дата обращения: 10.08.2025).

3 *Lévy L.* Anti-suit Injunctions Issued by Arbitrators / Emmanuel Gaillard (ed.), Anti-Suit Injunctions in International Arbitration. Berne: Staempfli, 2005. Pp. 115—129.

4 *Raphael T.* The Anti-Suit Injunction. Oxford : Oxford University Press, 2019. 534 p.

5 Airbus SAS v Generali Italia SpA [2019] EWCA Civ 805 // URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2019/805.pdf (дата обращения: 10.08.2025) ; SQD v QYP // URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2023/2145.html (дата обращения: 10.08.2025).

злоупотреблением процессуальными правами), а также правовые основания (компетенция английского суда, вытекающая из закона или соглашения сторон)[6].

Введение ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ послужило ответом на усиление санкционного давления на российских субъектов права. За последние 5 лет указанные нормы, сформировавшие принципиально новый юридический механизм защиты национальной юрисдикции, активно изучаются как российскими, так и зарубежными правоведами[7].

В самом Федеральном законе от 08.06.2020 г. № 171-ФЗ используется длинная описательная конструкция: «указание на удовлетворение заявления о запрете лицу инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, либо на отказ в удовлетворении такого заявления»[8].

Правовая природа юридического инструмента, закрепленного в ст. 248.2 АПК РФ, заключается в его превентивной функции — возможности российским судам запрещать инициирование или продолжение разбирательств в иностранных юрисдикциях, если спор относится к исключительной компетенции

---

[6] *Ярков В. В.* Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 84—92.

[7] См., например: *Lee G.* A Study on Anti-Suit Injunction and Anti-Enforcement Injunction // Yonsei Law Review. 2020. Vol. 30. No. 3. Pp. 105—144 ; *Yarkov V. V.* Russian “Anti-Suit Injunction” to Proceedings in Foreign Arbitration Tribunal // SHS Web of Conferences : 14th Session of Euro-Asian Law Congress “The value of law”. Ekaterinburg, June 03—04, 2021. Vol. 134. Ekaterinbur g: EDP Sciences, 2022. P. 00110 ; *Contreras J. L.* A Statutory Anti-Anti-Suit Injunction for U.S. Patent Cases? // Social Science Research Network. 2022 ; *Okinčic S.* “Brexito” įtaka arbitražui: anti suit injunction ir investicinio arbitražo aspektai // Teisė. 2024. Vol. 132. Pp. 107—119 ; *Cho I.* Anti-Suit Injunction and Anti-Arbitration Injunction under Revised Korean Arbitration Law and Recent Supreme Court Cases // The Justice. 2020. Vol. 178. Pp. 281—327 ; *Zhong Ch., Yuan B.* Sword of Damocles? Assessing the anti-suit injunction of standard essential patents in China // Queen Mary Journal of Intellectual Property. 2025. Vol. 15. No. 1. Pp. 80—100 ; A Discovery or a Misery? The Issuance of Anti-Suit Injunction before WTO / B. Besar, M. R. S. Zaki, S. Tanjaya [et al.] // Brawijaya Law Journal. 2023. Vol. 10, No. 2. Pp. 166—192 ; *Doržinkevič A.* The Concept and Application of Anti Suit Injunction in Civil Proceedings of European Union Member States and Lithuania // Teisė. 2022. Vol. 122. Pp. 65—78 ; *Гильманова В. И.* Заявление об «антиисковом» запрете как новое средство защиты в национальном правопорядке // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2 (126). С. 127—134 ; *Федоров А. С.* Ограничение права на справедливое судебное разбирательство и институт антиисковых запретов: проблема соотношения // Legal Bulletin. 2023. Т. 8. № 2. С. 29—39.

[8] Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45573 (дата обращения: 29.06.2025).

российских арбитражных судов на основании ст. 248.1 АПК РФ. Это инструмент защиты от санкционных рисков и обеспечения доступа к правосудию для российских лиц.

Ключевое отличие между правовым инструментом, изложенным в АПК РФ, и ASI заключается в их правовых основаниях: российский механизм основан на сверхимперативных нормах российского права (ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ), тогда как ASI базируется на принципах equity (справедливости) и договорных обязательствах сторон. Сходство между институтами проявляется в их цели — ограничении параллельных разбирательств.

В контексте реализации ограничительных мер 15-го и 18-го пакетов санкций ЕС против Российской Федерации прослеживается концептуальная параллель с механизмом ASI, хотя и с существенными различиями в правовой природе. Санкционные меры ЕС создают барьер для признания российских судебных решений, основанных на ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ, а также инвестиционных арбитражных решений с российским участием[9]. Рассматриваемые механизмы представляют собой нарушение принципов международного публичного и международного частного права.

Рецепция термина *anti-suit injunction* в русскоязычном юридическом дискурсе и проблемы его перевода на русский язык

Перевод английских юридических текстов на русский язык особенно сложен тем, что в нем задействованы не только две разные национальные системы права, но и две абсолютно разные правовые (понятийные) традиции — английское прецедентное право и цивилистическая традиция стран континентальной Европы[10].

Правовые тексты на английском языке содержат много понятий и терминов, отсутствующих или существенным образом отличающихся от тех, которые существуют в правовой системе другой лингвокультуры, в частности в русском языке[11].

Перевод терминов, относящихся к институту *anti-suit injunction* (ASI), представляет значительную сложность из-за отсутствия прямых эквивалентов в российской правовой системе. Главной причиной этого, на наш взгляд, является тот факт, что ASI — это инструмент, характерный для системы общего права (common law), тогда как в российской правовой традиции подобные меры, а именно нормы об исключительной компетенции, являются сверхимперативными нормами российского

---

[9] Council Regulation (EU) 2025/1472 of 18 July 2025 // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202501472 (дата обращения: 10.08.2025).

[10] Юридический перевод / под ред. П. В. Рыбина. М. : Проспект, 2018. С. 12.

[11] *Каменева Н. А.* Функционирование юридической терминологии в англоязычных правовых текстах и трудности ее перевода на русский язык // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 2 (30). P. 15.

права[12]. Кроме того, понятие *injunction* не имеет точного соответствия в российских процессуальных кодексах, что затрудняет выбор адекватного перевода.

В академических работах встречаются различные варианты перевода, что затрудняет унификацию терминологии. В данном контексте считаем уместным упомянуть, что даже хорошо знакомый специалистам термин *injunctive relief* в различных источниках на русском языке фигурирует как:

— судебный запрет;
— инджанктивное средство защиты;
— обеспечительная мера.

Тенденция использования в российской юридической литературе термина *anti-suit injunction* без перевода[13] обусловлена, по нашим представлениям, последствиями влияния международных стандартов: в русскоязычных текстах международных договоров и арбитражных оговорок часто сохраняется английская терминология (*forum shopping, waiver)*, что и приводит к ее дальнейшему прямому заимствованию.

Вместе с тем встречаются и другие варианты интерпретации:

— судебный запрет на параллельное разбирательство[14];
— антисьют[15], инджанкшн[16] (по отдельности);
— запретительный судебный приказ[17];

---

[12] *Ярков В. В.* Исключительная компетенция российских судов на основании ст. 248.1 АПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2025. Т. 15. № 1. С. 133—146.

[13] *Скворцов О. Ю.* Обеспечительные меры в виде запрета проводить третейское разбирательство: попытка внедрения доктрины anti-suit injunction или недоразумение? // Третейский суд. 2016. № 2/3 (104/105). С. 87—90.

[14] См., например: *Дораев М. Г.* Санкционные споры в российских судах // URL: https://www.opklex.com/publikaczii/opk-voprosyi-prava/sudebnaya-praktika/sankczionnyie-sporyi-v-rossijskix-sudax.html (дата обращения: 28.06.2025).

[15] См., например: *Томашевская Ж.* Антисьюты в Англии: последствия для российских участников // URL: https://korpurist.life/bankrotstvo/24/art.php?id=15&ysclid=mch5ev5fm3250864682 ; *Дудко А.* Трансграничные споры с российскими сторонами — 2024: тенденции и динамика // URL: https://legalinsight.ru/articles/transgranichnye-spory-s-rossijskimi-storonami-2024-tendenczii-i-dinamika/?ysclid=mch5azuxyy630186096 (дата обращения: 29.06.2025).

[16] Словарь терминов (глоссарий) по истории государства и права зарубежных стран // URL: http://history.niv.ru/doc/dictionary/history-of-state/fc/slovar-200.htm#zag-330 (дата обращения: 10.06.2025) ; https://law_foreign_countries.academic.ru/330/инджанкшн (дата обращения: 10.06.2025).

[17] *Ануров В. Н.* Запретительные приказы в международном коммерческом арбитраже // Третейский суд. 2017. № 1 (109). С. 49—71 ; *Смирнова Д. Е.* Запрет определенных действий: изобретение российского законодателя или удачная рецепция? // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : сборник статей по результатам международной научно-практической конференции : в 2 т., Симферополь, 10 декабря 2021 г. Симферополь : Ариал, 2022. С. 666—674.

— запрет на осуществление судопроизводства в гражданском и арбитражном процессе[18];
— запрет на инициирование или продолжение судебного разбирательства в иностранном арбитражном суде[19];
— антиисковые обеспечительные меры[20].

Стоит отметить, что в российской правовой доктрине после имплементации в АПК ст. 248.1 и ст. 248.2 для их обозначения устойчиво закрепилась конструкция «антиисковой запрет». Данный термин, будучи заимствованым из англо-американской правовой традиции, не является легальным определением, однако можно констатировать, что его употребление уже устоялось в научном и профессиональном обороте.

Проанализируем указанные существующие и функционирующие эквиваленты (табл. 1).

Таблица 1

Анализ вариантов перевода термина anti-suit injunction

Вариант перевода	Преимущества	Недостатки
Антисьют, инджанкшн (калька)	Сохраняет краткую и оригинальную форму	Непонятен без дополнительных пояснений основной массе пользователей
Судебный запрет на параллельное разбирательство / судебный запрет на ведение параллельного процесса	Прост и понятен	Может быть недостаточно точным
Запрет на осуществление судопроизводства в гражданском и арбитражном процессе	Описательный, точнее передает суть	Громоздкий, потенциально сложный для ассимиляции

[18] *Габараева Н. В., Качмазова А. В., Хутинаева З. В.* Запрет на осуществление судопроизводства в гражданском и арбитражном процессе как одно из средств защиты ответчика против иска // Новые информационные технологии в науке : сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 01.11.2015 / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа : Аэтерна, 2015. Т. 2. С. 65—71 ; *Незнамов А. В.* К продолжению дискуссии о запретах на участие в судопроизводстве (anti-suit injunction) // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 9. С. 13—18.

[19] *Санина Е. С.* Запрет на инициирование или продолжение судебного разбирательства в иностранном арбитражном суде // Актуальные проблемы международного частного права / Private International Law Issues : сборник статей III Международного междисциплинарного научно-практического конгресса, Москва, 16—17 апреля 2024 г. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 180—181.

[20] *Филимоненко А. А.* Антиисковые обеспечительные меры (Anti-Suit Injunctions) как средство предотвращения параллельных судебных разбирательств // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 20—24.

Вариант перевода	Преимущества	Недостатки
Запрет на инициирование или продолжение судебного разбирательства в иностранном арбитражном суде	Самое полное и точное толкование	Громоздкий, потенциально сложный для ассимиляции
Запретительный судебный приказ	Близок к российской терминологии	Не до конца отражает специфику ASI
Антиисковые обеспечительные меры	Отражает обеспечительный характер	Может считаться слишком общим
Антиисковой/-ый запрет	Краткий и понятный	Возникает ошибочное отождествление двух разных институтов. ASI и антиисковой запрет по смыслу ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ — разные юридические механизмы

Электронные переводчики при передаче текстов на русский язык также выдают различные варианты перевода *anti-suit injunction* (ASI), от описательной конструкции до самого популярного эквивалента — «антиисковый запрет» (табл. 2).

Таблица 2

Примеры машинного перевода текстов, содержащих термин *anti-suit injunction*

Примеры употребления в англоязычной правовой литературе	Машинный перевод
The High Court of Hong Kong has recently granted an *anti-suit injunction* restraining parallel proceedings in the courts of PRC brought by an unsuccessful party to an arbitration award obtained in Hong Kong[21]	Недавно Высокий суд Гонконга вынес *постановление о запрете на подачу иска,* ограничивающее параллельные разбирательства в судах КНР, инициированные проигравшей стороной по арбитражному решению, полученному в Гонконге
Order and fairness between states is achieved by the doctrine of *forum non conveniens*, by which a court directly limits its own jurisdiction, and by the *anti-suit injunction*, by which a court indirectly places limits on the jurisdiction of other courts[22].	Порядок и справедливость в отношениях между государствами достигается доктриной *forum non conveniens*, с помощью которой суд напрямую ограничивает свою собственную юрисдикцию, и *антиисковым запретом*, с помощью которого суд косвенно ограничивает юрисдикцию других судов

[21] Conventus Law. 9, May 2018 // URL: https://conventuslaw.com/report/anti-suit-injunction-update-hong-kong-grants-anti/ (дата обращения: 15.06.2025).

[22] *Briggs A.* The Conflict of Laws. Oxford University Press, 2008. P. 113.

Мысль о субъективности перевода не нова. В пользу данного тезиса в разное время высказывались как классики лингвистики и переводоведения Ф. де Соссюр, Ж. Делез, Ф. Гваттари, так и более современные авторы. Так, итальянский ученый Умберто Эко, специалист по практическому переводу, автор ряда всемирно известных бестселлеров, переведенных на многие языки мира, крупный ученый в области семиотики, подчеркивал, что абсолютно точный перевод невозможен из-за различий в языковых картинах мира[23]. А аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес в эссе «Переводчики “Тысячи и одной ночи”» утверждал, что каждый переводчик создает свой вариант текста, а значит, перевод неизбежно субъективен[24].

Следовательно, поливариантная интерпретация рассматриваемого термина, наблюдаемая в современной юридической практике, вполне оправданна.

Вместе с тем, выступая за терминологическую унификацию, упрощающую изложение фактов по делу и судебных заключений, осмелимся предложить вариант перевода, который бы удовлетворял русскоговорящую аудиторию с точки зрения и стилистики, и семантики.

Заключение

Перевод термина *anti-suit injunction* требует не только лингвистической точности, но и глубокого понимания правовых различий между системами общего и континентального права. Наиболее эффективным подходом является синтез краткости формулировки с адаптированными описательными переводами, что позволяет сохранить смысл и обеспечить рецепцию русскоязычной аудиторией.

По нашим оценкам, наиболее приемлемым вариантом перевода термина *anti-suit injunction* в академических и профессиональных кругах является «запрет на продолжение разбирательства в иностранном суде». Вместе с тем не следует отождествлять его с антиисковым запретом по смыслу ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ.

Таким образом, для минимизации терминологических расхождений при переводе термина *anti-suit injunction* предлагается:

1) избегать калькирования;
2) прийти к единому эквиваленту перевода термина;
3) рассмотреть в качестве наиболее удачного эквивалента «запрет на продолжение разбирательства в иностранном суде».

Представляется, что выбранный вариант, несмотря на низкую частотность употребления, сформулирован не слишком пространно и наиболее точно передает суть термина *anti-suit injunction*.

[23] *Эко У.* Сказать почти то же самое: опыты о переводе. СПб. : Simposium, 2006.

[24] *Борхес Х.* Переводчики «1001 ночи» // Письмена Бога. М. : Республика, 1992. С. 119—139.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ануров В. Н.* Запретительные приказы в международном коммерческом арбитраже // Третейский суд. — 2017. — № 1 (109). — С. 49—71.
2. *Борхес Х.* Переводчики «1001 ночи» / Письмена Бога. — М. : Республика, 1992. — С. 119—139.
3. *Габараева Н. В., Качмазова А. В., Хутинаева З. В.* Запрет на осуществление судопроизводства в гражданском и арбитражном процессе как одно из средств защиты ответчика против иска // Новые информационные технологии в науке : сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 01.11.2015 / отв. ред. А. А. Сукиасян. — Уфа : Аэтерна, 2015. — Т. 2. — С. 65—71.
4. *Гильманова В. И.* Заявление об «антиисковом» запрете как новое средство защиты в национальном правопорядке // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 2 (126). — С. 127—134.
5. *Дудко А.* Трансграничные споры с российскими сторонами — 2024: тенденции и динамика // URL: https://legalinsight.ru/articles/transgranichnye-spory-s-rossijskimi-storonami-2024-tendenczii-i-dinamika/?ysclid=mch5azuxyy630186096 (дата обращения: 29.06.2025).
6. *Каменева Н. А.* Функционирование юридической терминологии в англоязычных правовых текстах и трудности ее перевода на русский язык // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — № 2 (30).
7. *Незнамов А. В.* К продолжению дискуссии о запретах на участие в судопроизводстве (anti-suit injunction) // Арбитражный и гражданский процесс. — 2015. — № 9. — С. 13—18.
8. *Санина Е. С.* Запрет на инициирование или продолжение судебного разбирательства в иностранном арбитражном суде // Актуальные проблемы международного частного права / Private International Law Issues : сборник статей III Международного междисциплинарного научно-практического конгресса, Москва, 16—17 апреля 2024 г. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — С. 180—181.
9. *Скворцов О. Ю.* Обеспечительные меры в виде запрета проводить третейское разбирательство: попытка внедрения доктрины anti-suit injunction или недоразумение? // Третейский суд. — 2016. — № 2/3 (104/105). — С. 87—90.
10. *Смирнова Д. Е.* Запрет определенных действий: изобретение российского законодателя или удачная рецепция? // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : сборник статей по результатам международной научно-практической конференции : в 2 т., Симферополь, 10 декабря 2021 г. — Симферополь : Ариал, 2022. — С. 666—674.
11. *Томашевская Ж.* Антисьюты в Англии: последствия для российских участников // URL: https://korpurist.life/bankrotstvo/24/art.php?id=15&ysclid=mch5ev5fm3250864682 (дата обращения: 10.08.2025).
12. *Федоров А. С.* Ограничение права на справедливое судебное разбирательство и институт антиисковых запретов: проблема соотношения // Legal Bulletin. — 2023. — Т. 8. — № 2. — С. 29—39.

13. *Филимоненко А. А.* Антиисковые обеспечительные меры (Anti-Suit Injunctions) как средство предотвращения параллельных судебных разбирательств // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 11. — С. 20—24.
14. *Эко У.* Сказать почти то же самое: опыты о переводе. — СПб. : Simposium, 2006. — 568 с.
15. *Ярков В. В.* Исключительная компетенция российских судов на основании ст. 248.1 АПК РФ // Вестник гражданского процесса. — 2025. — Т. 15. — № 1. — С. 133—146.
16. *Ярков В. В.* Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. — 2014. — № 8. — С. 84—92.
17. Юридический перевод / под ред. П. В. Рыбина. — М. : Проспект, 2018. — 536 с.
18. *Briggs A.* The Conflict of Laws. — Oxford University Press, 2008. — 287 p.
19. *Cho I.* Anti-Suit Injunction and Anti-Arbitration Injunction under Revised Korean Arbitration Law and Recent Supreme Court Cases // The Justice. — 2020. — Vol. 178. — Pp. 281—327. — DOI 10.29305/tj.2020.06.178.281.
20. *Contreras J. L.* A Statutory Anti-Anti-Suit Injunction for U.S. Patent Cases? // Social Science Research Network. 2022. — DOI 10.2139/ssrn.4084116.
21. A Discovery or a Misery? The Issuance of Anti-Suit Injunction before WTO / B. Besar, M. R. S. Zaki, S. Tanjaya [et al.] // Brawijaya Law Journal. — 2023. — Vol. 10, No. 2. — Pp. 166—192. — DOI 10.21776/ub.blj.2023.010.02.03.
22. *Doržinkevič A.* The Concept and Application of Anti Suit Injunction in Civil Proceedings of European Union Member States and Lithuania // Teisė. — 2022. — Vol. 122. — Pp. 65—78. — DOI 10.15388/teise.2022.122.5.
23. *Lee G.* A Study on Anti-Suit Injunction and Anti-Enforcement Injunction // Yonsei Law Review. — 2020. — Vol. 30. — No. 3. — P. 105—144. — DOI 10.21717/ylr.30.3.4.
24. *Lévy L.* Anti-suit Injunctions Issued by Arbitrators / Emmanuel Gaillard (ed.), Anti-Suit Injunctions in International Arbitration. — Berne : Staempfli, 2005. — Pp. 115—129.
25. *Okinčic S.* “Brexito” įtaka arbitražui: anti suit injunction ir investicinio arbitražo aspektai // Teisė. — 2024. — Vol. 132. — Pp. 107—119. — DOI 10.15388/teise.2024.132.8.
26. *Raphael T.* The Anti-Suit Injunction. — Oxford : Oxford University press, 2019. — 534 p.
27. *Yarkov V. V.* Russian “Anti-Suit Injunction” to Proceedings in Foreign Arbitration Tribunal // SHS Web of Conferences: 14th Session of Euro-Asian Law Congress “The value of law”. Ekaterinburg, June 03—04, 2021. — Ekaterinburg : EDP Sciences, 2022. — Vol. 134.
28. *Zhong Ch., Yuan B.* Sword of Damocles? Assessing the anti-suit injunction of standard essential patents in China // Queen Mary Journal of Intellectual Property. — 2025. — Vol. 15. — No. 1. — Pp. 80—100.

Переводческая деятельность в эпоху цифровизации

Анастасия Николаевна МИТРУЩЕНКОВА,
доцент кафедры юридического перевода Института юридического перевода Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат философских наук
mitrushchenkova.a@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Вот уже четверть века (а может быть, и больше) автоматизация и цифровизация являются неотъемлемой частью нашей жизни, постепенно захватывая все больше отраслей профессиональной деятельности. Переводческая деятельность не стала исключением, пройдя путь от электронных словарей до автоматизированного синхронного перевода. Быстрая цифровизация переводческого процесса дает новые возможности и ставит новые задачи. Переводчик соревнуется не только с собой, не только с другими переводчиками, но и с технологией. Новая цифровая реальность обусловливает необходимость переосмысления подходов к обучению, к работе, уточнения профессиональных компетенций. Так, необходимы более комплексное изучение цифровых технологий различного уровня, формирование и развитие навыков постредактирования машинного перевода. В данной статье рассматриваются основные тенденции и изменения, происходящие в практическом поле, меняющиеся требования к профессиональной переводческой деятельности, очерчивается круг вопросов для изучения.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, цифровизация, цифровой перевод, машинный перевод, автоматизированный перевод, постредактирование, профессиональный стандарт, переводческая компетенция, критическое мышление, творческое мышление*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.067-074

Anastasia N. MITRUSCHENKOVA,
Associate Professor, Department of Legal Translation, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Philosophy), LLM
mitrushchenkova.a@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Translation in the Digital Age

Abstract. *It has been a quarter of a century or even longer that automation and digitalization were introduced in our lives. They have already become an integral part of our lives and keep penetrating deeper into various industries. Translation industry is no exception with the way from the launch of electronic dictionaries to automated simultaneous translation. The rapid digitalization of the translation process provides both new opportunities and challenges. A translator competes not only with himself, not only with other translators, but also with technology. The new digital reality makes it necessary to reconsider approaches to learning, to work, and to professional competencies. Thus,*

© Митрущенкова А. Н., 2025

new digital realities require a more comprehensive study of digital technologies, as well as the development of machine translation post-editing skills. This article examines the key trends and changes within the practical domain, the evolving requirements for professional translation, and outlines a set of questions for further study.
Keywords: *artificial intelligence, digitalization, digital translation, machine translation, automated translation, post-editing, occupational standard, translation competence, critical thinking, creative thinking*

Traduttore, traditore.
Итальянская пословица

Массовая цифровизация общества, и в первую очередь развитие и совершенствование технологий искусственного интеллекта (ИИ), обусловливает серьезные изменения в переводческой индустрии, которые затрагивают теоретические, практические и методологические аспекты переводческой деятельности. С развитием чат-ботов на базе алгоритмов ИИ системы автоматизированного (машинного) перевода вышли за рамки профессионального использования, позволяя любому пользователю за минуту получить перевод любых текстов. Стремительно развиваются технологии, позволяющие осуществлять устный синхронный перевод.

Так, компания Apple к концу 2025 г. выпускает обновление для своих устройств — добавляет функцию синхронного перевода для наушников AirPods с поддержкой английского, французского, немецкого, итальянского и португальского языков. Действительно, быстрые перемены несут и новые возможности, системы автоматизированного перевода позволяют ускорить процесс перевода, сделать удобнее предпереводческую подготовку, поиск материала.

Тем не менее есть и вторая сторона медали: повсеместное использование технологий ИИ может привести (и часто уже приводит) к снижению качества переводов, росту недоверия к качеству перевода у заказчиков, отказу от профессиональных переводчиков и замене их на технологии. И если вопрос качества перевода существует с самого начала переводческой деятельности, то вопрос исчезновения переводов, осуществляемых переводчиком-человеком, с нашей точки зрения, не стоит, хотя бы потому что ИИ — это технология, машина, которая осуществляет свою деятельность на основании алгоритмов, в которые невозможно заложить такие аспекты переводческой деятельности, как глубокое понимание контекста, экстралингвистических параметров исходного текста (ИТ), авторского стиля, особенностей употребления лексических единиц в разных культурных окружениях.

И здесь, как никогда, актуальной становиться итальянская пословица *Traduttore, traditore*, которую можно перевести как «переводчик — предатель», смысл которой заключается в том, что любой перевод является искажением оригинала. Сама суть переводческой деятельности заключается в том, что невозможно полностью передать ИТ на переводящий язык (ПЯ). В случае систем автоматизированного перевода, основанных на алгоритмах ИИ, вероятность

неверного перевода возрастает многократно (и уже известны случаи «вранья» чат-ботов). Тем не менее переводчику-человеку не избежать конкуренции с переводчиком-ИИ. Это наша новая реальность, и лучше стремиться к сотрудничеству, синергии человека и цифровых инструментов.

В последние десятилетие начало оформляться понятие «цифровой перевод», глобально означающее использование всех доступных информационных технологий и цифровых инструментов в профессиональной деятельности. Упрощенное, узкое, понимание цифрового перевода можно свести к переводу, выполненному с применением онлайн-переводчиков, использующих алгоритмы искусственного интеллекта. Так, А. П. Миньяр-Белоручева считает, что «цифровой перевод, или дигитальный, является, по сути, переводом, выполненным ИИ»[1]. Н. К. Гарбовский и О. И. Костикова определяют цифровой перевод как «новый вид перевода, представляющий собой систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности переводчика-человека и цифровых информационно-коммуникационных средств»[2].

Так какие изменения будут происходить в процессе осуществления переводческой деятельности? Как новые реалии повлияют на профессию переводчика в целом, не исчезнет ли она с развитием автоматизированных систем перевода на базе ИИ? Каким образом следует адаптировать программы подготовки переводчиков, чтобы не проиграть в конкурентной борьбе технологиям?

Перевод в целом — это творческая деятельность, результат которой является объектом авторского права (ст. 12 ГК РФ)[3]. Именно в этом заложено основное преимущество человека перед машиной. Однако элемент машины, технологии уже прочно вошел в переводческую деятельность, и цифровизация процесса будет продолжаться, видоизменяя и модифицируя переводческую компетенцию, которая представляет собой сложную многокомпонентную структуру.

В. Н. Комиссаров включает в переводческую компетенцию такие компоненты, как языковой, текстообразующий, коммуникативный, личностный, профессионально-технический[4]. Китайский филолог Мэн Ся говорит о билингвальной, экстралингвистической, инструментальной, психофизиологической, переводческой, стратегической субкомпетенциях[5].

На современном этапе развития технологий уже смело можно добавлять и цифровой компонент, который включает знание и умение работать с

---

1 *Миньяр-Белоручева А. П.* Особенности цифрового перевода аббревиатур в сфере связей с общественностью // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. 2023. Т. 16. № 1. С. 83.

2 *Гарбовский Н. К., Костикова О. И.* Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. 2019. № 4.

3 Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/26eaf5de7ca59025f4388fe2980d3dd03dd5e775/

4 *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение : учебное пособие. М. : ЭТС, 2002. С. 26.

5 *Мэн Ся.* Цифровые технологии в подготовке переводчиков // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. 2021. № 2. С. 129.

электронными словарями, лингвистическими корпусами, поисковыми системами различного уровня, памятью переводов, иметь навык составления глоссариев, терминологических баз с последующим использованием машинных переводов, знание систем автоматизированного перевода, начиная с систем машинного перевода и закачивая переводчиками на базе алгоритмов ИИ, применяющих нейролингвистические технологии, которые, как обещают разработчики, должны выполнять перевод как человек.

Но может ли машина априори переводить как человек? Ответ будет отрицательным. Сам процесс перевода не сводится лишь к механическому установлению общих эквивалентных закономерностей между исходным языком (ИЯ) и языком перевода (ПЯ), применению теоретических принципов перевода и принятию решения для достижения поставленных целей, с чем машина в целом справляется.

Для качественного перевода необходимо распознавать и учитывать «особенности манифестации системы эквивалентных отношений при ее функционировании в различных условиях»[6], что доступно только человеку, способному принимать решение не о формальном выборе эквивалента, а, скорее, о допустимых потерях при переводе, которые неизбежны. Ведь перевод, согласно Л. С. Бархударову, — это «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения»[7]. При этом «значение» предлагается понимать в самом широком смысле, а потери смысла в любом случае неизбежны, и задача переводчика эти потери минимизировать.

Я. И. Рецкер задачей переводчика называл «передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности»[8]. Точный, адекватный перевод невозможен без правильного понимания подлинника. Гак и Григорьев отмечают, что трудности перевода заключаются в адекватном подборе соответствий между элементами двух языков, поэтому необходимо при обучении переводу делать упор на усвоение готовых межъязыковых соответствий и приобретении навыка их находить[9]. Именно такие соответствия могут быть использованы ИИ, и задача модифицируется: проверить и выявить несоответствия.

Данный тезис можно проиллюстрировать следующим примером. Анализ переводов, полученных с помощью системы автоматизированного перевода Smartcat и чат-бота Deepseek, показал, что одна из самых распространенных ошибок возникает при передаче имен собственных, особенно фамилий, которые ИИ

---

6 *Комиссаров В. Н.* Лингвистика перевода / предисл. М. Я. Цвиллига. 3-е изд. М. : Либроком, 2009. С. 133.

7 *Бархударов Л. С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. 3-е. изд. М. : ЛКИ, 2010. С. 11.

8 *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / доп. и комм. Д. И. Ермоловича. 4-е изд., стереотип. М. : Р. Валент, 2010. С. 10.

9 *Гак В. Г., Григорьев Б. Б.* Теория и практика перевода. Французский язык. М. : Интердиалект+, 2001. С. 9.

считываются как отдельные слова; нарушаются нормы языка (например, нарушаются тема и рема, позиция обстоятельства времени и причины в предложении, не осуществляется перестановка источников сообщения, неверно считываются атрибутивные группы (в английском языке) и т.д.); осуществляется неверный выбор эквивалента в ПЯ (зачастую алгоритм ИИ подтягивает первые словарные значения слов).

Более того, Deepseek часто осуществляет собственную редактуру, оформляя списки там, где в оригинале их нет. Несомненно, автоматизация в процессе перевода — отличный способ ускорить получение результата, быстро получить подстрочник, буквальный перевод текста. Однако такой перевод необходимо редактировать, что зачастую еще сложнее, поэтому все большее значение приобретает развитие навыков критического осмысления текста, умение определять «герменевтическую стратегию перевода», нацеленную на конструирование смысла текста[10].

И именно здесь формируется еще одна сторона переводческой компетенции — умение и навык постредактирования текстов, созданного «цифровым переводчиком», т.е. любой автоматизированной системой перевода. Как отмечают многие авторы, навык постредактирования текстов является одним из наиболее востребованных и при этом наименее развитым[11].

Представляется, что умение качественно осуществлять постредактирование необходимо развивать в парадигме эффективного мышления, которое «должно обладать двумя главными свойствами: критицизмом и креативностью. Критическое мышление (критицизм) — это прежде всего четкость и рациональность. Оно включает в себя умение мыслить конкретно и систематично, с применением логических правил и научного мышления. А креативность — это способность к поиску новых и полезных идей, генерирующих альтернативные возможности»[12].

В аспекте переводческой деятельности критическое мышление — это применение техники перевода вместе с рациональной и системной оценкой ИТ, а креативность — это выбор наилучшего решения в конкретных экстралингвистических реалиях, вплоть до локализации, с выводом на первое место прагматики перевода.

Результаты переводческой деятельности — это вечный объект критики. Во многом в силу того, что одним из неотъемлемых качеств перевода является его плюральность, вариативность. Так, философ Х. Ортега-и-Бассет отмечал, что

---

[10] *Воротова А. В.* Концепт перевода в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 351. С. 43—45.

[11] См.: *Нечаева Н. В., Светов С. Ю.* Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7. № 25. С. 64—72 ; *Камшилова О. Н., Беляева Л. Н.* Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 1. С. 41—56.

[12] *Лау Дж. У. Ф.* Введение в критическое мышление и теорию креативности / пер. с англ. М. : Эксмо, 2017. С. 13.

«перевод — это не само произведение, а путь к нему»[13]. Но перевод текстов официально-делового стиля все же тяготеет к воспроизведению формы больше, чем перевод художественный. Тем не менее без адекватной, прагматически адаптированной передачи содержания перевод невозможен. ИИ оценить адекватность перевода не может, ИИ — это технический инструмент, помощник переводчика.

Действительно, один и тот же текст допускает несколько переводов, но все они не должны искажать содержание и форму оригинала. И если стилистика текста может быть несколько нарушена в силу непреодолимых факторов, обусловленных нормой языка перевода, то логика и смысл — нет. Нет преступления серьезнее в переводе, чем смысловая ошибка. И чем более узкой направленности текст, тем выше вероятность такую ошибку допустить.

В сфере профессионально ориентированного перевода (в частности права и бизнеса) такое критическое осмысление осложняется пониманием правовых концептов и конструктов, систем права. Переводчику необходимы не общие фоновые знания, но узкоправленные.

На первый, назовем его народный, взгляд, перевод профессионально ориентированный, технический не должен представлять сложности. Когнитивная информация (термины, имена собственные, цифры, все то, что является конвенциональными знаками), составляющая большую часть таких текстов, передается просто — через однозначные эквиваленты. Синтаксически и стилистически такие тексты зачастую имеют довольно жесткую форму. Чем не объект для продвинутого алгоритма переводческого инструмента ИИ? Но не все так просто. Даже письменный перевод типовых текстов информационного характера, относящийся к обобщенной группе неспециализированного перевода, где чаще всего используются шаблоны, не может быть полностью переведен машиной.

Переводчику, помимо прочего, необходимы навыки осуществлять поиск аналоговых (шаблонных) текстов; оформлять текст таким образом, чтобы он сохранял аутентичность исходного формата; обеспечивать точную передачу смысла исходного текста, при этом сохраняя коммуникативную цель и стилистику исходного текста; работать в текстовых редакторах и специализированном программном обеспечении для перевода и использовать программно-аппаратные средства автоматизации процесса перевода[14]. Без должного формирования и развития навыков редактуры текста, критического осмысления текста оригинала обучение переводу невозможно. Как и без уверенного владения цифровыми инструментами.

При подготовке специалиста в области перевода необходимо руководствоваться профессиональным стандартом «Специалист в области перевода», где отдельно отмечаются такие требования к трудовым действиям, как постредактирование текста машинного или автоматизированного перевода, проверка качества перевода, умение использовать программно-аппаратные средства автоматизации

---

[13] Цит. по: *Мишкуров Э. Н.* От хаоса интерпретаций к плюральности переводов // Языки. Культуры. Перевод. 2013. № 1. С. 195.

[14] Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ 18.03.2021 № 134н, действует до 01.09.2027). С. 12 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382769/6121fcbcf67a348caf32cf9450feb3776733eb9e/ (дата обращения: 13.08.2025).

процесса перевода, инструментальные средства локализации программного обеспечения, создавать текст локализации на языке перевода согласно культурным особенностям определенного региона, вносить необходимые смысловые, лексические и стилистико-грамматические изменения в текст перевода и т.д. Это следует из требований к осуществлению письменного перевода (в том числе с использованием специализированных инструментальных средств).

В. Н. Комиссаров отмечает, что «в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, различные личности, разные склады мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки»[15]. Это то, чем ИИ не обладает и вряд ли будет обладать (по крайней мере в ближайшее столетие). Именно здесь и кроется секрет успешного переводчика. Не просто владеть языковым материалом, но и чувствовать его. Передавать его так, как планировал автор. Цифровому переводчику необходимо уметь работать с большими данными, лингвистическими корпусами, уметь качественно составлять глоссарии, особенно при работе над большими проектами в профессиональных, узкоспециализированных сферах.

Процесс цифровизации перевода не остановить. Алгоритмы будут совершенствоваться, количество вспомогательных инструментов расти, что необходимо учитывать и в обучении переводческой деятельности. Одна из задач, которая ставится в современной методологии, — это преодоление клиповости мышления, удержания внимания, развитии памяти, развития фоновых знаний.

Цифровые технологии в переводе позволяют осуществлять целый ряд операций, начиная с базы (подсчет слов, печатных знаков и т.д.), заканчивая осуществлением синхронного перевода, осуществляемого полностью ИИ, оттягивать на себя часть традиционной переводческой работы. В то же время компетенции переводчика расширяются и охватывают не только привычные нам навыки осуществления переводческой деятельности, но и навыки владения цифровыми технологиями, вплоть до работы с языками программирования, позволяющими обучить и усилить ИИ.

Все большее значение приобретают фоновые знания, навыки критического осмысления информации. С одной стороны, ИИ ускоряет переводческие процессы, с другой стороны — *Traduttore, traditore* имеет гораздо больше шансов воплотиться в жизнь, если начать целиком полагаться на автоматизированный перевод, даже при переводе текстов узкой профессиональной направленности, что обусловливает необходимость более глубокой, тщательной, проверки ПТ, которую может осуществить только переводчик-человек.

[15] *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение : учебное пособие. М. : ЭТС. 2002. С. 23.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — 3-е. изд. — М. : ЛКИ, 2010. — 240 с.
2. *Воротова А. В.* Концепт перевода в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера // Вестник Томского гос. ун-та. — 2011. — № 351. — С. 43—45.
3. *Гак В. Г., Григорьев Б. Б.* Теория и практика перевода. Французский язык. — М. : Интердиалект+, 2001. — 456 с.
4. *Гарбовский Н. К.* «Цифровой перевод». Современные реалии и прогнозы // Русский язык и культура в зеркале перевода. — 2019. — № 1. — С. 65—72.
5. *Гарбовский Н. К., Костикова О. И.* Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. — Серия 22 : Теория перевода. — 2019. — № 4.
6. *Камшилова О. Н., Беляева Л. Н.* Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы // Terra Linguistica. — 2023. — Т. 14. — № 1. — С. 41—56.
7. *Комиссаров В. Н.* Лингвистика перевода / предисл. М. Я. Цвиллига. — 3-е изд. — М. : Либроком, 2009. — 176 с.
8. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение : учебное пособие. — М. : ЭТС, 2002. — 424 с.
9. *Лау Дж. У. Ф.* Введение в критическое мышление и теорию креативности / пер. с англ. — М. : Эксмо, 2017. — 368 с.
10. *Миньяр-Белоручева А. П.* Особенности цифрового перевода аббревиатур в сфере связей с общественностью // Вестник Московского университета. — Серия 22 : Теория перевода. — 2023. — Т. 16. — № 1. — С. 80—92.
11. *Мишкуров Э. Н.* От хаоса интерпретаций к плюральности переводов // Языки. Культуры. Перевод. — 2013. — № 1. — С. 192—204.
12. *Мэн Ся.* Цифровые технологии в подготовке переводчиков // Вестник Московского университета. — Серия 22 : Теория перевода. — 2021. — № 2. — С. 127—137.
13. *Нечаева Н. В., Светов С. Ю.* Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах // Вопросы методики преподавания в вузе. — 2018. — Т. 7. — № 25. — С. 64—72.
14. *Ортега-и-Гассет Х.* Нищета и блеск перевода. 1930 // URL: https://culturolog.ru/content/view/2972/8/ (дата обращения: 12.08.2025).
15. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / дополнения и комм. Д. И. Ермоловича. — 4-е изд., стер. — М. : Р. Валент, 2010. — 244 с.
16. *Спыну Л. М.* Роль переводчика в эпоху цифровизации: новые требования и компетенции // Методика преподавания языка. — 2025. — Т. 18. — Вып. 4.

Культура сокрытия в английском праве: репрезентация в СМИ

Аннотация. *В статье на основе изучения текстов англоязычных СМИ рассматриваются проявления культуры сокрытия в разных сферах британского общества — политике, экономике, здравоохранении, образовании, в области права. Приводятся примеры нарушений в работе правоохранительных органов, сокрытия важных улик, затягивания судебных разбирательств; языковые формулы, отражающие особенности правовой культуры современного английского общества. Автор изучает особенности взаимодействия традиционной британской правовой культуры и привнесенных культур.*
Ключевые слова: *сокрытие, культура, правовая культура, организационная культура, языковая репрезентация, язык СМИ*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.075-082

Татьяна Ивановна НИЗОВЕЦ,
доцент кафедры юридического перевода Института юридического перевода Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук, доцент
tatiananizovets@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Tatiana I. NIZOVETS,
Associate Professor of the Legal Translation Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Philology), Associate Professor
tatiananizovets@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

There is nothing so secret but it comes to light

Abstract. *In the article, on the basis of the study of English media texts there are examined the manifestations of cover up culture in different spheres of British society — politics, economy, health service, education and the sphere of law. Examples are given of miscarriages of justice in law-enforcement bodies, concealing of important evidence, delaying litigation; linguistic formulas are presented that reflect the peculiarities of the English legal system of the modern British society.*
The author looks into the interaction between the traditional English legal culture and some introduced legal cultures.
Keywords: *coverup, culture, legal culture, organisational culture, linguistic representation, the language of the media*

© Низовец Т. И., 2025

В данной статье изучаются некоторые аспекты современной правовой культуры Великобритании: случаи сокрытия важной правовой информации в разных ветвях власти и языковые репрезентации подобных проявлений в современных англоязычных интернет-изданиях.

Анализ статей в английских газетах показывает очень высокий интерес журналистов, общественных деятелей, политиков, законодателей и практикующих юристов к данной проблеме.

Однако в современной учебной литературе, посвященной правовой культуре Великобритании, обычно делается акцент на особенностях исторического развития правовой системы, ее структурных элементах[1] или на анализе громких судебных процессов и реализации принципов британского правосудия в известных судебных спорах[2], а культура сокрытия, которая является важной социальной реалией, развивающейся на протяжении многих десятилетий, остается без внимания.

Между тем для студентов-юристов знакомство с источниками информации о культуре сокрытия представляется весьма интересным с точки зрения выявления современных тенденций и закономерностей развития правовых систем и возможности их сравнения. Для преподавателей знакомство с материалами СМИ открывает новые возможности в плане формирования мировоззрения студентов. Ни один даже самый современный учебник не отражает все многообразие проблем, с которыми сталкиваются обычные граждане, юристы, законодатели в странах общего права. А социально-политическая ситуация в странах общего права изменяется очень быстро, возникают новые реалии и спорные вопросы, которые могли бы стать предметом дискуссий на занятиях по английскому языку в юридическом вузе.

Цель данной работы заключается в выявлении лингвистических средств характеристики такого явления, как культура сокрытия (англ. ‘cover-up culture’ или ‘a culture of cover up’).

Приведем определения ключевых понятий, используемых в работе.

В Большом толковом словаре русского языка слово «сокрытие» определяется как сохранение в тайне, утаивание, скрытие. Приведенные в словаре примеры указывают на связь данного слова с областью права — *сокрытие правды от правосудия, сокрытие преступления, преступника, орудий и средств совершения преступления*[3].

Но, поскольку право проникает во все сферы жизни общества, мы будем изучать проявления культуры сокрытия и в некоторых других областях — там, где факты сокрытия несут важную информацию о функционировании английской правовой системы.

---

[1] British Legal History and Culture : учебное пособие по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр / compl. by S. S. Aleshko-Ozhevskaya, I. L. Ternoskaya. M. : Статут, 2024.

[2] *Годдард Ч.* Культура применения права в Великобритании / пер. с англ. СПб. : СПбГУП, 2020.

[3] URL: https://gramota.ru/poisk?query=сокрытие&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 21.09.2025).

Ключевым понятием в данной работе является понятие культуры, определение которого сопряжено с некоторыми трудностями, вызванными многообразием подходов к его изучению. В рамках данного исследования ограничимся лингвистическим, социологическим и аксиологическим подходами.

Известный советский и российский ученый-лингвист С. Г. Тер-Минасова изучила английские определения слова culture и выделила следующие повторяющиеся элементы: слово customs ‘обычаи, традиции’, слово beliefs ‘верования’, а также словосочетание the way of life ‘образ жизни’[4].

Социологов культура интересует прежде всего как «фактор организации и образования жизни какого-либо общества». Внутри общества имеются силы, направляющие его жизнь «по определенному, а не хаотическому пути развития»[5].

Об объединяющем потенциале культуры на одной из своих рабочих встреч говорил В. В. Путин — он определил культуру как главную объединяющую субстанцию нации, имея в виду весь многонациональный народ России, российское общество в целом[6]. Для государственных деятелей вопросы культуры и особенности национального характера имеют значение при выработке правовой политики государства.

С точки зрения аксиологии (в рамках аксиологического подхода), к культуре в целом и правовой культуре в частности можно отнести то, что «является благом, определенной ценностью для индивидов и их общностей»[7]. Но ценности как элемент правовой культуры в разных исследованиях трактуются по-разному.

В работе В. Н. Карташова «Юридическая культура, антикультура и юридическая ответственность» подчеркивается, что «ценность — это не любая значимость явления, а его положительная значимость»[8], а такие явления, как преступления, юридические ошибки (которые не ведут к положительным результатам), относятся к юридической антикультуре, представляющей собой «антипод правовой культуры»[9].

Антипод правовой культуры

Е. Н. Яркова считает определение сущности культуры как ценности недостаточно полным, поскольку оно «сводит мир культуры к миру должного — эталонам, идеалам, образцам. Такого рода аксиологическая редукция отсекает все, что не является воплощением должного, оставляя его за границами культуры. Очевидно, что культура — это не только бытие, порождаемое ценностями, в ней

---

4 *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. С. 14.

5 *Карташов В. Н.* Юридическая культура, антикультура и юридическая ответственность : монография. Ярославль : Филигрань, 2019. С. 8.

6 URL: https://ruskline.ru/news_rl/2014/04/24/vladimir_putin_kultura_eto_glavnaya_obedinyayuwaya_substanciya_nacii/?ysclid=mfsntbdjcx113331707 (дата обращения: 21.09.2025).

7 *Карташов В. Н.* Указ. соч.

8 *Карташов В. Н.* Указ. соч. С. 12.

9 *Карташов В. Н.* Указ. соч. С. 47.

присутствуют и другие, не лежащие в аксиологической плоскости интенции… культуру конституируют не только высокие идеалы — добро, любовь, истина, справедливость, но и антиидеалы: зло, ненависть, ложь, властолюбие, алчность». Е. Н. Яркова предлагает определять культуру как смыслосодержащую реальность, «бытие, отнесенное к смыслам…»[10].

Общим в определениях культуры является то, что она создается человеком, включает в себя обычаи, традиции, верования, образ жизни и не остается неизменной.

Сформулируем определение сокрытия. *Культура сокрытия* в праве представляет собой методы и стратегии (используемые преступниками, чиновниками, политиками, работниками и руководителями предприятий, а нередко даже и юристами), направленные на то, чтобы скрыть преступление, правонарушение, ошибку, неэтичное поведение, с тем чтобы не нести ответственность самому или помочь уйти от правосудия другим.

Наиболее полное описание типов и методов сокрытия находим в работе специалиста в области маркетинга и организационной культуры Т. Амблера[11]. В исследовании отмечается, что культура сокрытия может проявляться: на персональном уровне, на организационном уровне и на уровне всего общества. Выделяются два типа незаконного сокрытия правовой информации: сокрытие, предпринимаемое по отношению к себе (personal coverup) и по отношению к другим лицам (relational coverup).

Автор делит методы сокрытия на 8 групп, и внутри каждой группы перечисляет множество разновидностей сокрытия информации (всего 49 позиций, и данный список не является полным).

К первой группе методов сокрытия, предпринимаемых *на стадии первоначальной реакции* на выдвигаемые обвинения, относятся например:

— полное отрицание произошедшего или своей причастности к произошедшему;
— убеждение владельцев СМИ, журналистов в необходимости «похоронить» историю;
— предварительное распространение ложной информации;
— заявления о том, что проблема несущественна;
— выражение сомнения в искренности намерений обвинителей.

Ко второй группе методов сокрытия, связанных с *фальсификацией и сокрытием доказательств*, относятся:

— предотвращение обнаружения улик;
— уничтожение или изменение доказательств, затруднение их поиска;
— создание фиктивных компаний для того, чтобы скрыть финансовые потоки;
— ложь или лжесвидетельство;
— отмена или затягивание расследований;

[10] *Яркова Е. Н.* Формы культуры: религиозная культура, политико-правовая культура, экономическая культура, научная культура, художественная культура, цифровая культура, медиакультура, нравственная культура. М. : Флинта, 2023. С. 29—30.

[11] URL: https://www.adamsmith.org/cover-up (дата обращения: 21.09.2025).

— незаконное требование исполнительной привилегии (т.е. права органов исполнительной власти не предоставлять информацию органам законодательной власти и судам).

В третьей группе методов сокрытия, включающих *последующую реакцию* на обвинения, находим:

— частичное признание вины (в совершении более мелких преступлений);
— заявление о предвзятости обвинителя или субъективной интерпретации доказательств;
— выбор «независимой» экспертной комиссии.

К четвертой группе методов — *запугиванию участников* судебных разбирательств, свидетелей или осведомителей — относятся:

— дача взятки или подкуп обвинителей;
— преследование обвинителей;
— шантаж;
— угроза убить обвинителя или членов его семьи;
— угроза увольнением; перевод обвинителя на более низкую должность;
— угроза подать судебный иск, исключающий участие общественности;
— убийство.

Пятая группа методов включает разные *формы взаимодействия с представителями СМИ*:

— дача взятки журналистам;
— тайная публикация в газете;
— предъявление встречных обвинений средствам массовой информации;
— выкуп медиаорганизации.

Шестая группа включает методы, направленные на *минимизацию негативных последствий нарушений*:

— заявление о том, что не знали о нарушении;
— нахождение «козла отпущения», обвинения подчиненного в совершении несанкционированных действий;
— увольнение руководителя предприятия.

Седьмая группа методов — это действия, направленные на то, чтобы *выиграть дело в суде*:

— приглашение лучших адвокатов;
— приглашение свидетелей-экспертов, готовых подтвердить необходимую версию случившегося;
— давление на судей, чтобы помешать исполнению судебного решения.

Восьмая группа методов включает разные формы *вознаграждения лиц*, участвующих (участвовавших) в сокрытии:

— деньги за молчание;
— назначение очень незначительных наказаний или неприменение последних;
— продвижение по службе и др.

Практически все способы сокрытия из приведенного выше списка получают освещение в средствах массовой информации. Журналисты отмечают попытки сокрытия информации в Парламенте, парламентских комитетах; отдельными членами Парламента, отдельными группами внутри партий, премьер-министрами,

членами правительства, бизнесменами, рядовыми гражданами, полицейскими и даже судьями. В статьях о сокрытии информации журналисты довольно часто обращаются к громким судебным процессам, в которых были допущены грубейшие ошибки, было нарушено право подзащитных на справедливое рассмотрение дела в суде и ряд других принципов правосудия. В результате таких процессов многие людей понесли незаслуженное наказание, провели за решеткой годы и десятилетия (до 38 лет), многим был причинен физический, финансовый и моральный ущерб.

Классическим примером нарушения правосудия является дело о давке на стадионе Хиллсборо 15 апреля 1989 г., где погибли 97 человек и 766 получили травмы. Основным методом сокрытия в этом случае было обвинение самих болельщиков в антисоциальном (опасном) поведении, и в данных обвинениях большую роль сыграл начальник местной полиции. Т. Амблер заметил следую закономерность: чем выше ранг полицейского, тем меньше информации он раскрывает на допросе в качестве свидетеля. Необходимость сокрытия информации на уровне руководителей объясняется «соображениями целесообразности» (expedience)[12]. Политики, местные власти не хотят, чтобы на улицах городов были беспорядки, вызванные волной народного гнева.

Примечательно, что слово «сокрытие» (coverup) в описании подобных инцидентов используется вместе со словосочетанием ‘miscarriage of justice’ (судебная ошибка, или ошибка правосудия). Используются и другие слова, словосочетания с отрицательной коннотацией (scandal, guilt, sin, death, shame, sabotaging, complicity, lies, misrepresentation, deceit, deception, damage, misconduct, miscarriage of justice, damage, failure, hindering justice, affront to justice). Это свидетельствует о подрыве доверия к правоохранительным органам, органам исполнительной власти и судебной системе.

Наиболее широкий общественный резонанс в Великобритании сегодня вызывают действия государственных служащих, местных чиновников, полицейских, связанные с делом об использовании зараженной крови в медучреждениях; почтовым скандалом (в котором сотрудников обвиняли в недостаче, вызванной неправильной работой компьютерной программы Horizon); судебные дела о массовых изнасилованиях английских девочек бандами, 80 % которых составляли выходцы из Пакистана. Власти в течение десятилетий скрывали факты преступлений, а проводимые расследования носили поверхностный характер. Поражает масштаб этих преступлений (происходивших в более, чем 60 городах на севере Англии). Власти скрывали этнический компонент данных преступлений, когда о нем не упоминали вообще либо использовали слово с более общим значением (Asian).

Изучение подобных дел показывает, что случаи сокрытия не являются исключением, а представляют собой довольно повторяющуюся модель действий лиц, призванных бороться с преступлениями. Вначале власти не замечают преступления, затем проводят формальное расследование, многочисленные повторные расследования, не приводящие к открытию уголовных дел или привлечению виновных к ответственности, а затем, лет через 30—40, под давлением

[12] URL: https://www.lawgazette.co.uk/commentary-and-opinion/learning-to-walk-in-integrity/5123691.article (дата обращения: 21.09.2025).

общественности признают ошибки, извиняются и далеко не всегда выплачивают компенсации.

Все это напоминает эпидемию, катаклизм, опасные для жизни ситуации. Неудивительно, что целый ряд коннотативных словосочетаний передают идею болезни, раковой опухоли, смерти, мрака и многих других ассоциаций, возникающих при мысли о недостатках в работе правовой системы.

Приведем несколько примеров.

Следующие рифмованные сочетания передают идею позора, провалов в работе полиции, несправедливости:

Grooming gangs — Britain's shame

Don't police tweets — Police the street

It's not just a cover-up, it's a stich-up.

Словосочетания 'cover-up Kier', 'coverup justice' используются для того, чтобы показать неспособность нынешнего премьер-министра Великобритании справиться с достаточно сложной социально-политической ситуацией в стране, разделенной на разные социальные группы — правящий класс, живущий в 'Westminster bubble', и большинство населения страны, у которого нет доступа к системе правосудия и нет возможности себя защитить.

В современном британском обществе наблюдается конфликт двух культур: культуры сокрытия и культуры открытости.

О существовании культуры сокрытия нам говорят следующие словосочетания:

Sweep it under the carpet;

Turning a blind eye to;

Turned their backs on;

this wilful blindness;

Push … into long grass;

Kick the can down the road.

Hoard information;

'A culture of 'can we get away with it'

'the importance of "saving face" (one's own, or the family's, or the organisation's) and feel it's okay to tell fibs to keep up appearances'.

Культура сокрытия — это культура, в которой не хотят ни видеть правонарушения, ни слышать ничего о явных проблемах в системе правосудия, ни понимать обеспокоенность людей по поводу отсутствия безопасности. Власти предпочитают отвернуться или сохранить лицо (свое, своей семьи), соврать, снять с себя ответственность и сделать вид, что все нормально. Подобные действия и отношение возводятся в ранг нормальных. Решения принимаются за закрытыми дверями узким кругом лиц. Расследования всячески блокируются.

Культура открытости, напротив, представляет собой сферу, где готовы открыто обсуждать проблемы, где важно говорить правду, уметь слушать других, действовать беспристрастно, соблюдая нормы профессиональной этики:

'…attach high importance to truth-telling and regard telling direct lies as shameful'

'…listen seriously to the complaints'

'…without fear or favour'

'Legal 'safe spaces'

'Build a culture of rapid dissemination of all news, good or bad'

Английская правовая система очень часто характеризуется как самая лучшая мире, и мы видим, что правосудие торжествует. Только на это уходят многие годы. А известный принцип правосудия гласит: ‘Justice delayed is justice denied’ (Затянувшееся правосудие означает отказ в правосудии.) или “Justice delayed is justice decayed’ (Задержка правосудия — упадок правосудия).

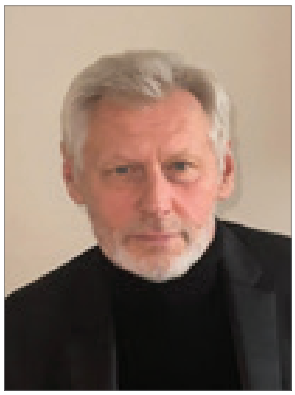
Социальный конфликт возникает во многом из-за того, что в Соединенном Королевстве сосуществует несколько правовых систем внутри одной традиционной. Привнесенными культурами являются исламская, представленная шариатскими судами, иудейская культура, представленная судами, которые называются Beth Dins. Многие вопросы семейного права, торгового и банковского права решаются в рамках этих религиозных учреждений.

Но, несмотря на остроту ситуации, все же есть признаки положительных изменений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Годдард Ч.* Культура применения права в Великобритании / пер. с англ. — СПб. : СПбГУП, 2020. — 61 с.
2. *Карташов В. Н.* Юридическая культура, антикультура и юридическая ответственность : монография. — Ярославль : Филигрань, 2019. — 352 с.
3. Право в культурном измерении: новые векторы развития : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2023. — 360 с.
4. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М. : Слово, 2000. — 624 с.
5. *Яркова Е. Н.* Формы культуры: религиозная культура, политико-правовая культура, экономическая культура, научная культура, художественная культура, цифровая культура, медиакультура, нравственная культура. — М. : Флинта, 2023. — 248 с.
6. British Legal History and Culture : учебное пособие по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр / compl. by S. S. Aleshko-Ozhevskaya, I. L. Ternoskaya. — М. : Статут, 2024. — 205 с.

Лингвистическая нормативность: от фиксации к законодательно-нормативному регулированию



Аннотация. *Статья посвящена анализу впервые законодательно введенного принципа лингвистической нормативности. Исследуется становление понятия нормативности, в частности, при освоении русским языком иностранных слов: а) от первоначальной фиксации как подразумевающей придание словам по умолчанию статуса нормативности; б) к нормативности как понятию, заявленному концептуально; в) к понятию нормативности, определенному законом. Законодательная нормативность закрепилась четырьмя словарями, составленными во исполнение Федерального закона о государственном языке, обязательном к использованию практически во всех областях общественной жизни. Получены следующие выводы: принцип нормативности, реализованный в нормативных словарях, может применяться в любых сферах функционирования русского языка; соблюдение этого принципа будет способствовать дальнейшему укреплению и сохранению общероссийской речевой культуры и традиционных духовно-нравственных ценностей.*

Ключевые слова: *принцип нормативности, государственный язык, государственная языковая политика, Основы государственной языковой политики РФ, нормативный словарь, русский язык, иностранные слова, заимствованная лексика*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.083-088

Виталий Алексеевич РОДИОНОВ,
доцент кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук
varodionov@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Vitaliy A. RODIONOV,
Associate Professor at the English Language Department, of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Philology)
varodionov@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Integration of Loanwords into the Russian Wordstock: from Registration to Normative Regulation

Abstract. *The article deals with the formation of the concept of "linguistic normativity" in the Russian language as the country's State (National) language, with the key principle of the recent RF governmental documents determining Russia's linguo-cultural policy. It examines, in particular, the theoretical and practical evolution of the strategy of assimilation and integration in the Russian language dictionaries of foreign words and terms, a continuous*

© Родионов В. А., 2025

process developing from mere recording (registration) and inclusion of borrowed lexemes in the first early 18th century «Russian Lexicon of Foreign Borrowings» to what is currently a comprehensive academic compilation, The Online Normative Dictionary of Loanwords that comprises all the vocabulary of foreign origin approved for use in any genre of oral and written communication, including legal contexts.

Keywords: *the State (-Regulated) Language of the Russian Federation, the RF State Linguistic Policy, Russian as the RF State Language, linguistic normativity, The Online Normative Dictionary, loanwords, foreign lexemes, words of foreign origin in Russian, assimilation of lexical borrowings, prescribed lexical usage*

Принятые в Российской Федерации в течение последних лет нормативные правовые акты, посвященные языковой сфере[1], задали лингвистике новое направление, центральным понятием которого является принцип нормативности. Этот принцип закреплен в отношениях, связанных с использованием государственного языка, область применения которого — практически все сферы общественной жизни, в том числе, что особенно важно для преподавателей, образование. Понятия нормализации языка, нормативности, нормы орфоэпии существовали и ранее, но языковые нормы стали предметом законодательно-правового регулирования впервые.

В отечественной языковой традиции богатую интересную историю имеет опыт нормирования орфоэпии (*греч.* orthos — прямой, правильный и epos — слово, речь). Приведем несколько наиболее иллюстративных примеров. С 50-х гг. XX в. нормы речеупотребления и произношения считались обязательными для служивших эталоном правильности речи дикторов новостных телевизионных программ. В их распоряжении, к примеру, были: Словарь ударений для работников радио и телевидения[2], насчитывавший 50 тыс. слов. Более поздние издания этих справочников предназначались уже не только для профессиональных дикторов и других работников медиасферы того времени, но и для политиков, журналистов, филологов, а также представителей иностранных делегаций, дипломатов и всех, кто ориентировался на лучшие образцы грамотной речи, воспринимавшейся как показатель образованности, что сегодня назвали бы языковым «маркером статуса».

Таким образом, имелись комплексные руководства, охватывавшие всё многообразие языкового богатства эпохи с четко сформулированными грамматическими и орфоэпическими правилами, разъяснением трудных и спорных случаев речевого узуса, приведением стилистических и жанровых вариантов в их историческом развитии и конкретными рекомендациями в том, что касается использования в

[1] Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 № 1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 25. Ст. 3537 ; Указ Президента РФ от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики РФ» // СЗ РФ. 2025. № 28. Ст. 3958.

[2] Словарь ударений для работников радио и телевидения : ок. 50 000 слов / под ред. К. И. Былинского. 1-е изд. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960.

различных видах текста одних вариантов произношения и ударения и, напротив, нежелательности, а иногда и недопустимости в литературном употреблении других. Несмотря на то, что словарные пометы в этих справочниках носили всего лишь рекомендательный характер, уже в силу факта своей включенности в корпус выпускаемых наиболее авторитетными издательствами лексикографических источников предписываемые варианты произношения и другая лингвистическая информация воспринимались как обязательные, не допускающие отклонения и, следовательно, представляющие орфоэпические нормы, которых должны были придерживаться все стремящиеся к литературной грамотности речи.

В рамках лингвокультурной парадигмы того времени составлялись также регулярно пополнявшиеся новым материалом словари иностранных слов, относившиеся на конкретном историческом этапе исключительно к словарям «фиксирующего» типа, задачи которых состояли лишь в наиболее масштабном охвате, регистрации и толковании вошедшей в русский язык лексики иноязычного происхождения и которые не содержали указаний, касающихся нормативности или, напротив, ненормативности использования того или иного заимствования.

Рассмотрим кратко, как воплощался принцип нормативности при освоении иностранных слов: на первом этапе — как грамматико-эстетическая категория, затем — как категория лингвистически нормативная, а на сегодняшнем этапе — как законодательно-правовая. Первой известной попыткой выпуска словника иностранных слов в отечественной практике был составленный по распоряжению Петра Великого и сохранившийся в рукописи первого десятилетия XVIII века Лексикон вокабулам новым по алфавиту[3] (Lexicon vocabulis novis alphabetico ordine) (Санкт-Петербург, предположительно, 1710 г.), снабженный собственноручными пометами и уточнениями самого императора. Содержал он преимущественно вновь введенные в русский язык — не без участия самого монарха — технические, военные и морские термины из немецкого и голландского языков, а также некоторое количество общеупотребительной лексики, в основном французского происхождения. Словарю не предшествовало никакое теоретическое обоснование, но, будучи продуктом «высочайшего монаршего соизволения», он ipso facto воспринимался современниками как имеющий, так сказать, предполагаемый «протонормативный» характер.

Усилиями отечественных лингвистов всех последующих эпох создавались многочисленные комплексные словари русского языка, в том числе и словари иностранных слов, которые регулярно пополнялись, многократно переиздавались, отмечались государственными наградами. Цель их состояла в фиксации новой лексики, хотя для пользователей сам факт включенности того или иного слова в корпус, по всей вероятности, свидетельствовал об отсутствии каких-либо ограничений в его использовании и приемлемости в любых подходящих контекстах. Например, как указывается в Новом словаре иностранных слов[4], «при работе над словарем были использованы толковые и энциклопедические словари

[3] Лексикон вокабулам новым по алфавиту : рукописи. СПб., XVIII в. (первое — начало второго десятилетия). 35 [I+34] л.

[4] Новый словарь иностранных слов : 25 000 слов и словосочетаний / сост. Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. М. : Азбуковник, 2003.

последних лет, специальные словари по разным областям знаний… и словари, фиксирующие лишь иноязычные неологизмы, недавно появившиеся в языке, находящиеся на разных стадиях их освоения русским языком»[5]. Само понятие нормативности, однако, не оговаривается.

В целом концептуальное движение от фиксации к нормативности проявилось и было сформулировано, к примеру, в Толковом словаре иноязычных слов[6], в упоминании об «известной осторожности при включении в… словник некоторых иноязычных неологизмов, которые, хотя и встречаются на страницах прессы, в текстах рекламы и т.д., еще недостаточно освоены русским языком и поэтому не могут (во всяком случае на современном этапе развития русского языка) рассматриваться как объекты описания в нормативном словаре»[7]. Показательно, что сама установка на нормативность отмечается как само собой разумеющаяся: «поскольку словарь является нормативным…». Это должно, по-видимому, означать, что уже сам факт включения того или иного иноязычного слова в корпус словаря давал «санкцию на его использование» как прошедшего своего рода «тест на целесообразность и оправданность» успешно.

Таковы в общих чертах сложившиеся представления о составлении словарей заимствований, ориентированных на первых этапах преимущественно на простую фиксацию реально функционирующих в языке иностранных слов и только в более позднее время обратившихся к понятию нормативности, но нормативности лингвистической, понимавшейся как лингвокультурная и эстетическая приемлемость, еще не ставшая предметом последовательного правового регулирования. Следует отметить, что вплоть до стадии законодательного закрепления нормативности «опорой выбора» для внесения в словарь были: «масштаб встречаемости», определяемый цифрами словоупотребления, и сам факт фиксации в различных контекстах.

Сегодняшнее понимание принципа нормативности нашло свое законодательное отражение в четырех новых словарях: Орфографическом словаре русского языка как государственного языка Российской Федерации[8] и Орфоэпическом словаре русского языка как государственного языка РФ[9], разработанных ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Толковом словаре государственного языка Российской Федерации, разработанном Санкт-Петербургским государственным

---

[5] Новый словарь иностранных слов. С. 5.

[6] Толковый словарь иноязычных слов / сост. Л. П. Крысин. М. : Эксмо, 2008.

[7] Толковый словарь иноязычных слов. С. 7.

[8] Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: ruslang.ru › normativnyje_slovari.

[9] Орфоэпический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: ruslang.ru › normativnyie_slovari.

университетом[10], Словаре иностранных слов[11], разработанном ИЛИ РАН[12] (данные словари опубликованы только в электронном виде). В этих словарях закреплены языковые нормы, определенные как нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации.

Для преподавателей гуманитарных дисциплин, в том числе преподавателей языковых дисциплин, находящихся в силу специфики своей деятельности на «линии лингвокультурного соприкосновения» с иностранной лексикой, особенно релевантен новый словарь иностранных слов, содержащий 2 234 электронных страницы. Сформулировав новые, законодательно закрепленные критерии отбора иноязычных по происхождению слов в нормативные словари, закон[13] определил критерии нормативности включения заимствованного слова в нормативные источники следующим образом: «Отсутствие в русском языке аналога, т.е. слова, обозначающего в русском языке равнозначное понятие; существование в русском языке равнозначного слова, однако наличие в нем отличающей его от заимствуемого слова стилистической характеристикой, и/или оттенком значения». Сведения, содержащиеся в корпусах новых нормативных словарей, должны быть применимы к образовательному процессу с учетом оговоренных в законе особенностей и использоваться в преподавательской практике.

Заслуживающим внимания принципом нормативности является то, что авторы не включают в нормативный словарь молодежный сленг, лексику интернет-коммуникации, жаргон «геймеров», сниженную и табуированную лексику. Поскольку появление новых терминов и понятий, особенно в таких стремительно развивающихся областях, как высокие технологии, СМИ, сфера развлечений, мода, носит непрерывный характер, и любой иноязычный неологизм может быть заимствован в русский язык. В нормативный же словарь лексическая единица иностранного происхождения может быть включена только с соблюдением законодательно закрепленного принципа нормативности.

Принцип нормативности, введенный как обязательный при использовании современного русского языка как государственного в определенных законом сферах, может применяться во всех областях функционирования современного русского языка, что будет способствовать формированию общероссийской гражданской

[10] Толковый словарь государственного языка Российской Федерации / Санкт-Петербургский государственный университет. Ч. 1 (А—Н) ; ч. 2 (О—Я) // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: ruslang.ru › normativnyie_slovari.

[11] Словарь иностранных слов / Институт лингвистических исследований РАН // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: ruslang.ru › normativnyie_slovari.

[12] Список нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 30 апреля 2025 г. № 1102-р // СЗ РФ. 2025. № 19. Ст. 2344.

[13] Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской федерации» (в ред. от 22.04.2024 № 93-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 18. Ст. 2406.

идентичности, укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и поддержанию традиций речевой культуры российского общества[14].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агеенко Ф. Л., Зарва М. В.* Словарь ударений для работников радио и телевидения : ок. 50 000 слов / под ред. К. И. Былинского. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. — 645 с.
2. *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов : 25 000 слов и словосочетаний. — М. : Азбуковник, 2003. — 1040 с.
3. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М. : Эксмо, 2008. — 944 с.
4. Лексикон вокабулам новым по алфавиту : рукописи. — СПб., XVIII в. (первое — начало второго десятилетия). — 35 (1+34) л.
5. Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: ruslang.ru › normativnyje_slovari.
6. Орфоэпический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: ruslang.ru › normativnyie_slovari.
7. Словарь иностранных слов / Институт лингвистических исследований РАН // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: ruslang.ru › normativnyie_slovari.
8. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации / Санкт-Петербургский государственный университет. Ч. 1 (А—Н) ; ч. 2 (О—Я) // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: ruslang.ru › normativnyie_slovari.

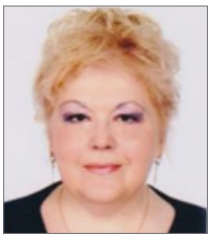
[14] См.: Основы государственной языковой политики Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 11 июля 2025 № 474 // СЗ РФ. 14.07.2025. № 28. Ст. 3958.

Логико-речевые ошибки текстов судебных постановлений и решений

Аннотация. *Требования к языку юриспруденции в целом и к текстам судебных постановлений в частности составляют довольно значительный перечень, где одним из основных требований является однозначность языковых выражений, отсутствие любого рода ошибок. Однако судьями эти требования и принципы нередко нарушаются, чаще всего бессознательно. Исходя из многолетней практики составления судебных лингвистических экспертиз, авторами установлено, что среди наиболее часто встречающихся логико-речевых ошибок в текстах судебных постановлений фигурируют логические (противоречия, ложные противопоставления, отсутствие обоснования, смешение частного и общего), формально-правовые (отсутствие конкретики, пересказ чужих слов вместо фиксации прямой речи), речевые (возможность двойственности толкования смысла, обусловленная неоднозначностью лексического значения слов или грамматического значения предложения) ошибки. Данные ошибки рассматриваются на примере частного судебного постановления. Предлагаются возможные причины таких нарушений, основные из которых — экстралингвистические, недостаточно высокий уровень владения русским литературным языком.*

Ключевые слова: *логико-речевые ошибки, противоречие, обоснование, толкование смысла, смысловая двойственность, язык юриспруденции, судебное решение, судебная лингвистическая экспертиза*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.089-099



Елена Николаевна РЯДЧИКОВА,
профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета,
доктор филологических наук, профессор
e.n.ryadchikova@gmail.com
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Ольга Александровна КАДИЛИНА,
доцент кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
oakadilina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© Рядчикова Е. Н., Кадилина О. А., 2025

Elena N. RYADCHIKOVA,
Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics,
Kuban State University,
Dr. Sci. (Philology), professor
e.n.ryadchikova@gmail.com
149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, Russia, 350040

Olga A. KADILINA,
Associate professor of the English language department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Senior lecturer of the Medical Institute
Foreign Languages Department
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
Cand. Sci. in Philology
oakadilina@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Logical and Speech Errors in Judicial Texts Resolutions and Decisions

Abstract. *The requirements for the language of jurisprudence in general and for the texts of court rulings in particular include a rather significant list, where one of the main ones is the unambiguity of linguistic expressions and the absence of any kind of errors. However, judges often violate these requirements and principles, most often unconsciously. Based on the long-term practice of compiling judicial linguistic examinations, the authors have established that the most common logical and speech errors in the texts of court decisions are logical (contradictions, false oppositions, lack of justification, mixing of private and general), formal legal (lack of specifics, retelling of other people's words instead of fixing direct speech), speech (the possibility of ambivalence in the interpretation of meaning due to the ambiguity of the lexical meaning of words or the grammatical meaning of a sentence). These errors are considered on the example of a private judicial case. Possible causes of such violations are suggested, the main of which are extralinguistic, as well as an insufficient level of proficiency in literary Russian.*

Keywords: *logical-speech errors, contradiction, justification, interpretation of meaning, semantic duality, language of jurisprudence, judicial decision, forensic linguistic expertise*

При вынесении судебного решения, постановления необходимо выстроить текст таким образом, чтобы исключить его непонимание либо двойное толкование и нивелировать возможные лазейки при его выполнении. Выводы из текста такого рода должны быть однозначными и четко отражающими замысел документа. «В теории менеджмента и юридической практики, например, основной задачей является принятие управленческих решений, которое должно основываться на формировании состава участников и конкретизации их функций, вычислении рисков с целью ликвидировать возможные неясности и неточности… Эмоциональный аспект должен быть полностью исключен»[1].

И хотя в настоящее время когнитивно-языковые процессы принятия закона и его трактовки еще крайне мало разработаны, совместные усилия лингвистов и юристов уже позволяют в значительной степени выработать и систематизировать основные принципы языка права, определить наиболее продуктивные подходы к его использованию. В частности, «в основе герменевтического подхода и интерпретационных технологий языка права лежат принципы логико-семантической взаимокорреляции, смысловой ясности, точности и однозначности, категориально-понятийной эквивалентности»[2].

Однако на деле оказывается, что при вынесении судебных постановлений данные принципы бывают подвержены нарушениям. Представляется, что главными причинами этого является субъективный фактор, составляющие которого — недостаточная рациональность мышления, недостаточно высокая речевая грамотность, а также неспособность судьи преодолеть собственную симпатию и антипатию, предвзятость в отношении участников процесса.

Многолетняя практика проведения лингвистических исследований и составления заключений судебного эксперта и специалиста позволила выявить ряд логико-речевых ошибок, содержащихся в текстах некоторых судебных постановлений. Чаще всего в них встречаются логические противоречия, ложные противопоставления, отсутствие конкретики, смешение частного и общего, отсутствие обоснования, пересказ чужих слов вместо фиксации прямой речи, возможность двойственности толкования смысла, обусловленная неоднозначностью лексического значения слов или грамматического значения предложения.

Рассмотрим подробнее указанные ошибки на примере текста постановления, вынесенного судьей И. К. Федорцовым , суть которого сводится к выражению неудовольствия поведением адвоката А. Б. Сидорова (все фамилии, имена и отчества изменены) в судебном заседании и завершается обращением к президенту Адвокатской палаты N-ской области.

---

[1] *Рядчикова Е. Н., Хитарова Е. Г.* Когнитивно-языковые процессы принятия закона и его трактовки // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 172.

[2] *Шипков К. А.* Когнитивно-деривационный и интерпретационный потенциал языка права (на материале терминосферы «Теория государства и права») : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь : СтавГУ, 2004. С. 7.

1. Логические противоречия

В тексте указанного постановления говорится:

«В ходе судебного заседания 14 августа 2024 г. адвокат Сидоров А. Б., не обращая внимание на неоднократные замечания суда о необходимости соблюдения регламента судебного заседания, объяснил свое поведение тем, что не контролирует свои действия».

Противоречие заключается в том, что в рассматриваемом постановлении ничего не говорится о *действиях* адвоката А. Б. Сидорова. Понятие «действие» по отношению к человеку предполагает наличие конкретных поступков, определенных телодвижений. Однако ни о каких поступках адвоката А. Б. Сидорова судья И. К. Федорцов не сообщает. Поэтому из текста постановления невозможно понять, какие свои действия не контролирует адвокат А. Б. Сидоров, о каких ситуациях идет речь, как именно А. Б. Сидоров не соблюдал регламент судебного заседания.

2. Ложное противопоставление

Одним из противоречий в тексте указанного выше постановления судьи И. К. Федорцова является указание на то, что «*адвокат Сидоров А. Б. умышленно затягивает слушание дела, ставя в приоритет свои личные интересы».* Здесь личное противопоставляется общественному, однако судья И. К. Федорцов никак не поясняет, почему, по каким основаниям затягивание слушания дела является личным интересом адвоката А. Б. Сидорова. Это приводит к невозможности понимания данного высказывания.

Таким образом, противоречия, содержащиеся в тексте судебного решения, привели к тому, что не все слова и фразы текста итогового постановления имеют однозначное значение и понимание, ряд из них допускает различные трактовки.

3. Отсутствие конкретики, смешение частного и общего

В тексте рассматриваемого постановления указано, что в ответ на замечание судьи И. К. Федорцова адвокат А. Б. Сидоров ответил фразой о том, что он не контролировал свои действия и что высказывания адвоката А. Б. Сидорова «*о невозможности контролировать свои действия указывают на проявление неуважения к судебной власти и участникам процесса».* Отсюда невозможно однозначно трактовать, проявляет ли А. Б. Сидоров неуважение к судебной власти вообще или же к судебной власти на конкретном судебном заседании либо на всех заседаниях.

Адвокат Сидоров, со слов судьи Федорцова, говорил только о себе, о том, что это он сам не контролирует свои действия. Однако судья Федорцов каким-то образом переносит слова Сидорова о самом себе на судебную власть и на участников процесса. Поэтому совершенно непонятно, в чем конкретно проявляется неуважение адвоката А. Б. Сидорова к суду и к участникам процесса.

Кроме того, в тексте рассматриваемого постановления имеется пространная ссылка на Федеральный закон:

«В соответствии с Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" и Кодексом профессиональной этики адвоката адвокаты при всех обстоятельствах должны честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности всеми не запрещенными законодательством средствами. Нарушение адвокатами требований федерального законодательства, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, что, в свою очередь, подрывает авторитет адвокатуры, образует волокиту, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре».

Далее в тексте постановления, вынесенного судьей Федорцовым, не сказано, что адвокат Сидоров все это нарушает, поэтому неясно, для чего конкретно в текст частного постановления помещен этот абзац и следует ли из него, что адвокат А. Б. Сидоров исполняет свои обязанности нечестно, неразумно, недобросовестно, неквалифицированно, непринципиально и несвоевременно, нарушает ли он умышленно или по грубой неосторожности требования федерального законодательства, подрывая авторитет адвокатуры, образует ли волокиту. Если же адвокат А. Б. Сидоров все это совершал, то должно быть указано, какими именно своими действиями он это делал, однако такого указания, конкретизации не имеется. Поэтому невозможно установить, является ли этот перечень действий претензией суда к адвокату А. Б. Сидорову или не является.

Резолютивная часть постановления, вынесенного судьей Федорцовым, гласит:

«*Суд постановил: обратить внимание президента Адвокатской палаты N-ской области на действия адвоката Сидорова А. Б. при судебном рассмотрении уголовного дела в отношении Рябикина Ф. А. в целях недопущения подобного впредь».*

На какие конкретно действия адвоката Сидорова следует обратить внимание, в тексте далее не уточняется. Эта ошибка — отсутствие конкретики — сводит на нет смысл всего постановления, вынесенного судьей И. К. Федорцовым в отношении адвоката А. Б. Сидорова.

4. Отсутствие обоснования

Исходя из текста постановления, вынесенного судьей Федорцовым, претензии суда к адвокату Сидорову сводятся к тому, что последний игнорировал неоднократные замечания суда о необходимости соблюдения регламента судебного заседания. Словарное значение слова «регламент» следующее: «1. Правила, регулирующие порядок какой-н. деятельности… 2. Время, отведенное на собрании для речи, выступления»[3].

[3] Толковый словарь Ожегова // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/206310?ysclid=m376op0pip846420363.

Из данного определения следует, что у слова «регламент» есть два значения: одно из них касается порядка осуществления деятельности, другое относится к временны́м рамкам выступления. Тем не менее судья не поясняет, какой именно из этих двух параметров нарушил адвокат Сидоров (или же оба сразу). В тексте также отсутствует указание на конкретные действия А. Б. Сидорова, нарушающие регламент, в частности: какие именно правила, регулирующие порядок проведения судебного заседания, он нарушил и/или на какой период времени А. Б. Сидоров превысил время, отведенное ему для выступления (если такой ограничитель ему был установлен).

Косвенное указание на то, что судья имел в виду второе значение слова «регламент» — временно́е, содержится в высказывании: «*Суд считает, что своими действиями адвокат Сидоров А. Б. умышленно затягивает слушание дела, ставя в приоритет свои личные интересы».* Однако, во-первых, не указано, что это за действия; во-вторых, слова «*ставя в приоритет свои личные интересы*» не только не проясняют ситуацию, но еще больше ее запутывают, делают текст рассматриваемого определения непонятным. Так, если адвокат Сидоров превышал отпущенное ему для выступления время и при этом «ставил в приоритет свои личные интересы», значит, он на судебном заседании вел разговор не по обсуждаемым в суде темам, говорил не от имени своего подзащитного и не о его проблемах, а о себе лично, о своих собственных проблемах. Но в тексте частного определения не сказано, какие это личные интересы, в чем судья увидел и как определил умышленность его действий, а также почему умышленное затягивание слушания дела является личным интересом адвоката Сидорова.

Следовательно, мнение судьи Федорцова в этой части вынесенного им постановления не содержат реального обоснования претензий к адвокату Сидорову.

Помимо этого, претензии состояли в том, что адвокат Сидоров: а) умышленно превышал время, отпущенное на слушание дела; б) ставил во главу угла свои личные интересы, выступая на судебном заседании; в) проявлял неуважение к судебной власти и к участникам процесса, так как говорил о невозможности контролировать свои действия.

В тексте не указано, по каким основаниям суд считает, что адвокат Сидоров умышленно затягивает время, отпущенное на слушание дела: на какой срок он превысил регламент; в чем именно заключается факт приоритетности собственных интересов адвоката Сидорова в процессе его выступления на судебном заседании. Следовательно, данные претензии суда к адвокату А. Б. Сидорову не содержат обоснования.

Далее судья И. К. Федорцов в качестве обоснования проявления неуважения к судебной власти и к участникам процесса со стороны адвоката А. Б. Сидорова приводит «*его высказывания о невозможности контролировать свои действия».*

Обратимся к словарному значению понятия «неуважение»:

— «Неуваже́ние… отсутствие надлежащего уважения, непочтительность, пренебрежение»[4];
— «Неуважение к суду (contempt of court) — действия, которые препятствуют совершению правосудия или конституируют неуважение к законным

[4] Толковый словарь Ожегова // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/126302.

полномочиям суда. Неуважение к суду может быть подразделено на действия, совершенные в суде (например, непристойное поведение или отказ давать свидетельские показания), и действия, совершенные вне суда (например, запугивание суда или отказ подчиниться распоряжению суда)»[5].

Вполне очевидно, что в этих определениях неуважение трактуется как действие, направленное на объект речи, т.е. на слушателя или читателя текста. Однако адвокат Сидоров, сообщая о невозможности контролировать свои действия, говорит исключительно о себе, т.е. о субъекте речи, как о лице, производящем речь. При этом ни сам Сидоров, ни судья Федорцов не указывают и не обосновывают причину невозможности контролировать Сидровым свои действия (например, случайность, невнимательность, состояние здоровья, злонамеренность, помехи со стороны кого/чего-либо и т.п.). Поэтому слова Сидорова о невозможности контролировать свои действия нельзя считать обоснованием претензий суда, как это формулирует судья Федорцов.

Таким образом, наличие указанных логико-речевых ошибок привело к тому, что обоснования претензий суда к адвокату А. Б. Сидорову либо отсутствуют, либо не являются таковыми, как это представлено судьей И. К. Федорцовым.

5. Пересказ чужих слов вместо фиксации прямой речи

В тексте рассматриваемого постановления судья Федорцов не приводит непосредственно слова самого адвоката Сидорова, а передает их в пересказе, в форме косвенной речи. Но в этом случае невозможно судить о реальных словах Сидорова.

Как известно, косвенная речь — это способ передачи чужой речи, при котором воспроизводится только содержание высказывания, без сохранения его лексических, синтаксических и стилистических особенностей. Синтаксически косвенная речь представляет собой сложноподчиненное предложение, где в главном предложении передаются слова автора, а в придаточном — само высказывание. В лингвоэкспертологии такого рода языковые единицы не могут служить достоверным источником материала:

«Объектами лингвистической экспертизы являются тексты, непосредственно отображающие речевое событие, представляющее криминалистический интерес. Не принимаются в качестве объектов показания свидетелей, в которых пересказывается речевое событие… если предмет разбирательства — устная речь… так как имеет место подмена объектов исследования… На лингвистическую экспертизу в данном случае необходимо представлять фонограмму или видеофонограмму, непосредственно фиксирующую речевое преступление»[6].

В этой связи К. И. Бринев подчеркивает: «Необходимо различать *объект* экспертного исследования — речевое произведение, которое имело место в

[5] Бизнес : толковый словарь / Грэхэм Бетс, Барри Брайндли [и др.]. М. : Инфра-М ; Весь мир, 1998.

[6] *Мамаев Н. Ю.* Методические презумпции лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-9 : Истина в языке и праве : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2008. С. 277.

конкретном месте, в конкретное время, в конкретной обстановке, и *источник информации об этом речевом произведении*, который не равен этому речевому произведению»[7].

Это положение имеет отношение не только к производству судебной лингвистической экспертизы, но также и к пониманию того, что конкретно произнес адвокат А. Б. Сидоров, *«объясняя свое поведение»*. Остается незыблемым тот факт, что источник информации о речевом произведении не равен этому речевому произведению. Отсюда невозможно установить, какое именно свое поведение Сидоров объяснял, какими именно словами, сообщает ли Сидоров о невозможности контролировать свои действия вообще все и вообще всегда или только какие-то конкретные действия и только несколько раз в ситуации одного судебного заседания.

К сожалению, статистика психологических исследований говорит о том, что в первую очередь «принятие решения зависит от подсознания судьи, которое либо позволяет судье руководствоваться законом в этот момент, либо заставляет руководствоваться эмоциями и делать ошибки, кстати, не всегда исправляемые вышестоящей инстанцией. Там ведь тоже люди…»[8].

6. Возможность двойственности толкования смысла

Такие проблемы, как двойственность лексического значения слова, грамматической формы слова, грамматического значения предложения, изменение традиции употребления лексического значения и оценочности слов, особенности употребления в устной и письменной речи грамматических форм глагола, вызывающие неоднозначность толкования смысла, нередко приводят к непониманию смысла текста и к необходимости проведения судебных лингвистических экспертиз. Однако в некоторых случаях даже экспертиза не может быть осуществлена в силу нарушения правил русского языка автором речи[9].

Далее выясним, имеет ли однозначное значение и понимание содержание предложения постановления судьи И. К. Федорцова о том, что высказывания адвоката Сидорова *«о невозможности контролировать свои действия указывают на проявление неуважения к судебной власти и участникам процесса»*. Следует определить, в чем конкретно, исходя из этого предложения и из всего текста постановления, состоит «проявление неуважения к судебной власти и участникам процесса» со стороны адвоката А. Б. Сидорова.

---

[7] *Бринев К. И.* Судебная лингвистическая экспертиза. Методология и методика. 3-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2017. С. 66.

[8] *Хромых Л. Г.* Психология и суд. Какие когнитивные особенности участников процесса нужно учитывать для получения положительного решения? // URL: https://dzen.ru/a/yew4zcganwn8qmmx.

[9] Подробнее об этом см.: *Рядчикова Е. Н.* Проблема двоякого толкования смысла текста: из практики проведения судебных лингвистических экспертиз // Экология языка : сборник материалов III Региональной научно-практической конференции (15 декабря 2021 г.). Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2021.

В данной фразе судьи Федорцова делается акцент на неких действиях адвоката Сидорова. Выше в тексте постановления говорится, что действия А. Б. Сидорова, не понравившиеся судье И. К. Федорцову, заключаются в игнорировании адвокатом Сидоровым сделанных им замечаний о необходимости соблюдения регламента судебного заседания. Однако отсутствие действий (игнорирование, необращение внимания) со стороны адвоката Сидорова не может квалифицироваться именно как «действия». Необращение внимания, а также объяснение своего поведения адвокатом является не действиями, а коммуникативно-речевым поведением. Кроме того, судья не поясняет, на каком основании он определил умышленность не понравившихся ему действий А. Б. Сидорова и почему затягивание слушания дела является выгодным, приоритетным для адвоката.

О проявлении неуважения говорилось выше. Обратимся к понятию «неуважение к суду», помещенному в Справочнике по судебной лингвистической экспертизе, где сказано, что понятие «неуважение к суду» (ст. 297 УК РФ) предполагает «оскорбление любого участника судебного заседания», а также непременную конкретную адресацию, т.е. указание в речи «лица, которому адресовано оскорбительное действие, в том числе и оскорбительное высказывание»[10].

Однако судья Федорцов не приводит таких действий или высказываний адвоката Сидорова, которые были бы адресованы конкретному лицу или лицам. По этому основному параметру невозможно считать, что имело место проявление неуважения к суду со стороны адвоката Сидорова.

Другим указанным в этом же источнике признаком неуважения к суду является наличие прямого умысла: «Тогда умысел на совершение данного преступления будет эквивалентен умыслу на оскорбление участника судебного разбирательства или лица, осуществляющего правосудие: “Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что унижает честь и достоинство участников судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, и желает этого”»[11].

Однако судья Федорцов высказывает лишь мнение о том, что адвокат Сидоров умышленно затягивает слушание дела, и не приводит аргументов в пользу того, что Сидоров имел умысел, осознавал, что унижает честь и достоинство участников судебного разбирательства и что он желал этого. Таким образом, по этому субъективному параметру также невозможно считать, что имело место проявление неуважения к суду со стороны адвоката Сидорова.

Таким образом, лингвистическим исследованием установлено, что содержание предложения «*Суд считает, что своими действиями адвокат Сидоров А. Б. умышленно затягивает слушание дела, ставя в приоритет свои личные интересы, его высказывания о невозможности контролировать свои действия указывают на проявление неуважения к судебной власти и участникам процесса*» не имеет четкого однозначного значения и понимания и допускает различные трактовки. Исходя из этого предложения и из текста судебного постановления, установить, в чем конкретно состоит «проявление неуважения к судебной власти

[10] *Бринев К. И.* Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М. : Ленанд, 2019. С. 49—50.

[11] *Бринев К. И.* Указ. соч. С. 51.

и участникам процесса» со стороны адвоката А. Б. Сидорова, не представляется возможным.

Далее выясним, имеют ли однозначное значение и понимание содержащиеся в резолютивной части рассматриваемого постановления, вынесенного судьей И. К. Федорцовым, выражения «обратить внимание… на действия адвоката Сидорова Арсения Брониславовича при судебном рассмотрении уголовного дела», а также «в целях недопущения подобного впредь». Постараемся выявить, что конкретно подразумевается под этими выражениями.

В первую очередь следует опираться на данные словарей.

«Внима́ние… 1. Сосредоточенность мыслей или зрения, слуха на чем-н.»[12]. Синонимы к словосочетанию «обратить внимание» следующие: указать, сделать акцент, углядеть, выделить, кивнуть, ткнуть носом, акцентировать, засечь, приметить, упереть, заострить, уловить, особо отметить, заметить, сделать упор, выдвинуть на первый план, усечь, подчеркнуть, подметить, оттенить, показать, выпятить, заприметить»[13].

Отсюда следует, что обратить внимание — это проявить интерес к кому-либо или чему-либо, воспринять кого-либо или что-либо, направить свою деятельность на определенный объект, сосредоточиться на нем.

Исходя из этих данных, выражения «*обратить внимание», «на действия адвоката Сидорова Арсения Брониславовича при судебном рассмотрении уголовного дела»* можно понимать как призыв заметить, увидеть действия адвоката Сидорова, которые он совершал в процессе судебного рассмотрения уголовного дела. Однако невозможно установить, какие именно действия А. Б. Сидорова необходимо увидеть, так как ни о каких конкретных действиях, совершаемых им, в тексте судебного постановления не говорится. Неясно также, следует ли обратить внимание абсолютно на все действия адвоката Сидорова, произведенные им во время судебного заседания, или же только на какие-то конкретные его действия. Не указан характер действий Сидорова — оскорбительные, противоправные, унижающие чьи-то честь и достоинство и т.п. Поэтому невозможно однозначно понять рассматриваемую фразу.

Значение словосочетания «*в целях недопущения подобного впредь»* в рассматриваемом контексте установить невозможно, поскольку не указано, что конкретно имеется в виду под словом «подобное» и что с чем необходимо сравнивать, что чему уподобить, чего конкретно нельзя допускать впредь. Словарное значение слова «подобный» таково:[14] В тексте частного постановления говорится только о последствиях действий адвоката Сидорова, но не о самих действиях.

Кроме того, если бы в рассматриваемом выказывании речь шла о недопущении действий адвоката Сидорова, то, в соответствии с нормами и правилами русского языка должно быть так и написано: «в целях недопущения подобных действий впредь». Однако употребленное вместо этого слово «подобного» допускает

---

[12] Толковый словарь Ожегова // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/25214.

[13] Словарь русских синонимов // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/254285/обратить?ysclid=m37ov3pxnw213663471.

[14] Толковый словарь Ожегова // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/166282?ysclid=m37pj70kcu443565349.

и иные трактовки, не указывает на однозначное понимание и не предполагает такового. С позиций лингвистики выражение «в целях недопущения подобного впредь» в данном контексте может также относиться к судебному рассмотрению уголовного дела.

Таким образом, невозможно однозначно понять и трактовать фразу из постановления, вынесенного судьей Федорцовым, «в целях недопущения подобного впредь».

Итак, составление юридически значимого документа, а также принятие решения о вынесении судебного решения и определение того, каким именно будет данный текст, — это серьезный мыслительный процесс его авторов, сопряженный с анализом, компаративистской деятельностью, и как итог — получение судебного решения в виде правового акта без двоякого толкования. А неоднозначная трактовка судебного решения другими лицами, не совпадающая с изначальной мыслью его авторов, обусловлена в основном иным образом их мышления и экстралингвистическими причинами.

Всё сказанное убедительно подтверждает тот факт, что повышение грамотности устной и письменной речи преследует не только личностные, эстетические, но и сугубо утилитарные, практические задачи, от которых нередко зависит разрешение судебного спора между противоборствующими сторонами, а в ряде случаев и судьба других участников судебного заседания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бринев К. И.* Справочник по судебной лингвистической экспертизе. — М. : Ленанд, 2019. — 200 с.
2. *Бринев К. И.* Судебная лингвистическая экспертиза. Методология и методика. — 3-е изд. — М. : Флинта ; Наука, 2017.
3. *Куршакова Т. Д., Рядчикова Е. Н., Схаляхова С. Ш.* Манипулятивность и скрытая интенциональность формулировок вопросов для лингвистических экспертиз // Казанская наука. — 2022. — № 6. — С. 149—155.
4. *Мамаев Н. Ю.* Методические презумпции лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-9 : Истина в языке и праве : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. — Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2008. — С. 277—282.
5. *Рядчикова Е. Н.* Проблема двоякого толкования смысла текста: из практики проведения судебных лингвистических экспертиз // Экология языка : сборник материалов III Региональной научно-практической конференции (15 декабря 2021 г.). — Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2021. — С. 55—62.
6. *Рядчикова Е. Н., Хитарова Е. Г.* Когнитивно-языковые процессы принятия закона и его трактовки // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. — Серия : Гуманитарные науки. — 2022. — № 3. — С. 172—175.
7. *Шипков К. А.* Когнитивно-деривационный и интерпретационный потенциал языка права (на материале терминосферы «Теория государства и права») : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Ставрополь : СтавГУ, 2004.

Структурные особенности однокомпонентных терминов международного гуманитарного права в английском и русском языках

Надежда Ивановна ЧЕРНОВА,
заведующий кафедрой иностранных языков ИРИ МИРЭА — Российского технологического университета, доктор педагогических наук, профессор
chernova@mirea.ru
119454, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, д. 78

Анаит Гагиковна ДАВТЯН,
доцент кафедры иностранных языков ИРИ МИРЭА — Российского технологического университета, кандидат филологических наук, доцент
davtyan@mirea.ru
119454, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, д. 78

Наталья Ивановна ЕРЕМКИНА,
доцент кафедры иностранных языков ИРИ МИРЭА — Российского технологического университета, кандидат филологических наук
eremkina_n@mirea.ru
119454, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, д. 78

Аннотация. *Терминология международного гуманитарного права недостаточно изучена с точки зрения сопоставительного терминоведения, поэтому существует необходимость дополнения сведений о ее составе, закономерностях и направлениях развития в современных условиях. В статье представлены результаты исследования структурных (морфологических и словообразовательных) особенностей однокомпонентных английских и русских терминов международного гуманитарного права, что является частью большой научной работы, посвященной комплексному анализу терминосистемы данной правовой отрасли. Авторами был собран и изучен обширный корпус лексического материала, включающего 1 233 английских терминов и 1 131 русский термин международного гуманитарного права. В английские специальные единицы входят 434 однокомпонентных термина (34,33 % их общего числа). Что касается русских терминов, то они представлены в значительно меньшем объеме и включают всего 247 терминов (20,96 % совокупного числа специальных единиц). Полученные результаты позволяют утверждать, что в рамках исследуемой правовой сферы наиболее распространенными способами формирования терминов являются конверсия, морфологические, семантические и морфолого-синтаксические методы, а также явление специализации значений. Анализ морфемной структуры английских однокомпонентных терминов показал, что 42 % из них относятся к числу простых (непроизводных терминов), 45 % — к аффиксальным, и 13 % — к сложным терминам. Анализ русских однокомпонентных терминов выявил, что простые (непроизводные) термины составляют 78 %, аффиксальные —12 %, а сложные термины составляют 10 % от общего числа исследованных терминологических единиц.*

Ключевые слова: *терминология международного гуманитарного права, терминообразование, сопоставительный анализ, язык для специальных целей, однокомпонентные термины*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.100-110

© Чернова Н. И., Давтян А. Г., Еремкина Н. И., 2025

Nadezhda I. CHERNOVA,
Head of Foreign Languages Department
MIREA — Russian Technological University,
Dr. Sci. (Educational), Professor
chernova@mirea.ru
78, prosp. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

Anahit G. DAVTYAN,
Associate Professor of Foreign Languages Department
MIREA — Russian Technological University,
Cand. Sci. (Philology)
davtyan@mirea.ru
78, prosp. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

Natalya I. EREMKINA,
Associate Professor of Foreign Languages Department
MIREA — Russian Technological University,
Cand. Sci. (Philology)
eremkina_n@mirea.ru
78, prosp. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

Structural Features of Single-Component Terms of International Humanitarian Law in English and Russian

Abstract. *The terminology of international humanitarian law has not been sufficiently studied from the point of view of comparative terminology studies, therefore it is necessary to supplement the information on its composition, existing patterns and directions of its development in modern conditions. The article presents the results of the study of structural (morphological and word-formation) features of single-component English and Russian terms of international humanitarian law, which is part of a large scientific work devoted to a comprehensive analysis of the terminology of this legal branch. The authors collected and studied language material in the amount of 1233 English and 1131 Russian terms. In the list of English special units, single-component terms are presented in the amount of 434 units, which is 34.33 % of the total number of English terms. The list of Russian single-component terms includes 247 units, which is 20.96 % of the total number of Russian units. The findings demonstrate that the formation of single-component legal terms primarily include conversion, morphological and semantic derivation, morpho-syntactic methods, and the meaning of specialization. As a result of studying the morphemic structure of English single-component terms, it was concluded that simple (non-derivative) terms make up 42 % of this list, affixal terms — 45 %, and complex terms — 13 %. The results of the analysis of Russian single-component terms show that simple (non-derivative) terms make up 78 % of this list, affixal terms — 12 %, and complex terms — 10 %.*
Keywords: *terminology of international humanitarian law, term formation, comparative analysis, language for special purposes, single-component terms*

Интенсивное развитие в XXI столетии передовых технологических решений, включая достижения в области кибернетики, автоматизацию производственных процессов и создание инновационных типов вооружения, применяемого различными государствами в ходе вооруженных конфликтов, обусловливает возникновение нового круга специализированных лексико-терминологических единиц, нуждающихся в стандартизации и детальном лингвокультурологическом исследовании. Кроме того, эффективное разрешение вопросов, возникающих вследствие локальных столкновений, предполагает соблюдение норм национального и наднационального характера, отражающих культурные, религиозные и этнолингвистические особенности населения.

Следовательно, эволюционный характер становления и дальнейшего совершенствования терминосистемы международного гуманитарного права приобретает ключевое значение для поддержания глобального миропорядка и международной стабильности.

Более того, высокий уровень развития международного гуманитарного права является важнейшей характеристикой современного общества и отражает степень развития государства, а также качества жизни каждого гражданина. В таком широком контексте значимость английской и русской терминологических систем исследуемой нами правовой сферы определяется их востребованностью не только среди военнослужащих и юристов, работающих над укреплением мира, обеспечением безопасности и предотвращением вооруженных конфликтов, но и среди широкого круга гражданских лиц, нуждающихся в эффективной правовой защите в условиях войны. Это подчеркивает социальную значимость формирования и совершенствования данных терминосистем как с теоретической, так и практической точек зрения.

Исследования в сфере терминоведения демонстрируют устойчивую корреляцию между эволюцией конкретной профессиональной области знания и процессом формирования соответствующей ей терминологической системы.

Стремительный прогресс в области науки и техники неизбежно влечет за собой формирование и развитие новых научных дисциплин, а также появление новых терминологических единиц, обозначающих соответствующие понятия. В связи с этим ученые постоянно обращаются к теории термина, поскольку термин является ключевым элементом любой терминологической системы. Одной из приоритетных задач каждой науки является определение языковых единиц, предназначенных для обозначения изучаемых явлений. Эта проблема приобретает особую актуальность в области терминоведения — науки, которая устанавливает принципы систематизации понятий и их наименований во всех научных дисциплинах[1].

Необходимо подчеркнуть, что терминоведение служит индикатором уровня развития профессиональной когниции в любой области знания[2].

---

[1] *Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А.* Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 712.

[2] *Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А.* Особенности развития терминоведения в начале XXI века // Лингвистика и образование. 2021. Т. 1. № 1. С. 51.

Изучение функционирования терминосистемы международного гуманитарного права в разноструктурных английском и русском языках представляет особый научный интерес и сохраняет свою **актуальность** ввиду необходимости анализа механизмов формирования профессиональной компетенции в указанной области права, а также выявления специфики динамических процессов, протекающих в обоих рассматриваемых языках.

Важно подчеркнуть, что терминологический аппарат международного гуманитарного права остается слабо исследованным в контексте сопоставительного терминоведения. Актуальность настоящего исследования также заключается в выявлении потребности восполнить пробелы относительно состава современных английской и русской терминологических систем, определяющих основные тенденции и закономерности их эволюции, что позволит оптимизировать взаимодействие международных институтов и объединений.

В настоящем исследовании представлены результаты изучения однокомпонентных терминов, что является частью большой научной работы, посвященной комплексному анализу терминосистемы международного гуманитарного права. В статье рассматриваются структурные (морфологические и словообразовательные) особенности однокомпонентных английских и русских терминов данной правовой отрасли. **Объектом** нашего исследования выступают однокомпонентные термины международного гуманитарного права в английском и русском языках. **Предмет** исследования — структурные (морфологические и словообразовательные) особенности однокомпонентных терминологических единиц международного гуманитарного права в английском и русском языках. **Цель работы** заключается в выявлении основных структурных особенностей однокомпонентных английских и русских терминологических единиц исследуемой нами правовой отрасли.

В проведенном нами исследовании применялась многоаспектная **методология** для анализа однокомпонентных терминов международного гуманитарного права, как в английском, так и в русском языке. Используемые методы включают: *метод синхронного анализа*, способствующий систематической организации словарного запаса и установлению системных связей; *метод сравнительно-сопоставительного анализа*, позволяющий раскрывать особенности многоязычных терминов и формировать основу языка для специальных целей в области международного гуманитарного права; *метод когнитивно-концептуального анализа*, помогающий определить и обосновать особенности когнитивной профессиональной деятельности. Исследование также включает *сравнительный подход*, служащий инструментом для анализа понятий международного гуманитарного права в английском и русском языках при переводе юридических документов.

Материалом для данного исследования выступила терминология, используемая в международном гуманитарном праве, подобранная методом сплошной выборки из специализированных англо-русских юридических словарей, толковых и энциклопедических справочников, включая электронные версии. Для сбора данных привлекались следующие словари: Ильин Ю. Д. «Большой англо-русский и русско-английский юридический словарь»; Авдеева Т. Г., Алешин В. В., Ашавский Б. М. и др. «Словарь международного права»; Малько А. В. и др. «Юридический энциклопедический словарь»; Тихомирова Л. В.,

Тихомиров М. Ю. «Юридическая энциклопедия»; Буше-Сольнье Ф. «Практический словарь гуманитарного права».

В ходе исследования также были привлечены следующие справочные издания: Макушев П. В., Хридочкин А. В. «Международное право: словарь-справочник»; Додонов В. Н., Панов В. П., Румянцев О. Г. «Международное право: словарь-справочник» и др.

В рамках осуществления комплексного анализа английских и русских терминосистем международного гуманитарного права нами был систематизирован лексический материал объемом 1 233 единицы английского и 1 131 единица русского языка. Итогом процедуры отбора релевантных терминов стало создание специализированного глоссария, отражающего специфику рассматриваемой юридической сферы.

Важно отметить, что поиск и анализ ресурсов, связанных с областью права, вызывают определенные трудности, что обусловлено ее спецификой. В последние годы рядом исследователей предлагаются эффективные и действенные способы автоматизации поиска необходимой информации, которые могут служить ценным инструментом для специалистов и исследователей, когда необходимо ориентироваться в обширном и сложном ландшафте данных[3][4].

Наше исследование базируется на методологическом подходе, разработанном С. В. Гриневым-Гриневичем, согласно которому проводится дифференциация терминов по структурному признаку на однокомпонентные (слова-термины, односоставные термины) и многокомпонентные (термины-словосочетания, терминологические сочетания)[5].

Исходя из предложенного критерия классификации, представляется обоснованным выделение среди терминологических единиц международного гуманитарного права двух основных групп: однокомпонентных и многокомпонентных терминов, включающих двухкомпонентные, трехкомпонентные, четырехкомпонентные и более сложные конструкции.

Многокомпонентные термины, относящиеся к изучаемой области, будут описаны в рамках другого исследования.

Исследование содержания специализированных правовых лексикографических изданий свидетельствует о доминировании в структуре терминосистемы международного гуманитарного права однокомпонентных терминов. Эмпирический опыт подтверждает тенденцию использования однокомпонентных терминов преимущественно для обозначения общих концептов ввиду их фундаментальной роли в формировании категориального ядра терминологического аппарата указанной отрасли международного права.

---

[3] *Жафар К. С., Мохаммад А. А., Исса А. Х., Панов А. В.* Автоматизация поиска юридической информации на арабском языке: подход к поиску документов // Russ. Technol. J. 2024. № 12 (5). P. 7—16. URL: https://doi.org/10.32362/2500-316X-2024-12-5-7-16.

[4] *Kumar K., Parameswaran R.* Bibliometric analysis of holographic data storage literature // Russ. Technol. J. 2023. № 11 (2). P. 20—32. URL: https://doi.org/10.32362/2500-316X-2023-11-2-20-32.

[5] *Гринев-Гриневич С. В.* Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш : учеб. заведений. М. : Академия, 2008. С. 62.

Необходимо подчеркнуть, что в каждом национальном языке и отдельной научной дисциплине используемые термины характеризуются уникальными особенностями своей формальной организации, обусловленными спецификой обозначаемых ими научных областей.

Проведенный нами анализ формы терминологических единиц позволил установить следующую количественную картину распределения:

1. Среди английских специальных единиц доля однокомпонентных терминов составила 434 единицы (34,33 %), тогда как количество многокомпонентных терминов достигло 736 единиц (59,71 %). Отдельную группу составили аббревиатуры — 63 единицы (5,96 %).
2. Что касается русских специальных единиц, то здесь число однокомпонентных терминов составило 247 единиц (20,96 %), многокомпонентных терминов — 884 единицы (79,04 %), соответственно.

Результаты проведенного анализа терминосистемы международного гуманитарного права подтверждают обоснованность гипотезы о том, что процессы уточнения, дифференциации и обогащения правовых понятий, закрепляемых однокомпонентными терминами, стимулируют формирование многокомпонентных терминологических единиц. Вместе с тем рост объема терминологического аппарата поддерживается благодаря процессам заимствования и интеграции специальной лексики из других отраслей науки.

Важно отметить наличие в исследуемой нами правовой сфере лексических единиц, заимствованных из других отраслей научного познания. Настоящее исследование наглядно иллюстрирует тот факт, что процесс перехода лексемы из иных научных областей в сферу международного гуманитарного права посредством конверсии связан с трансформацией ее семантического содержания. Так, например, термин bilateralism (двусторонность), заимствованный из ***математики***, получил в международном гуманитарном праве новую интерпретацию, обозначающую процесс переговоров по вопросам внешней политики, осуществляемый между двумя сторонами. Термин pressure (давление), заимствованный из ***физики***, приобрел в гуманитарном праве новое значение, ассоциирующееся с состоянием тревожности или воздействием силы.

Таким образом, проведенное исследование установило, что среди проанализированных терминов английского языка удельный вес заимствованной лексики из других научных областей составляет 1,1 %, в то время как аналогичный показатель для русского языка достигает 1,8 %.

Среди русских терминов данной правовой отрасли доминирующим способом их формирования является семантический способ, заключающийся в переносе значений из других терминологических систем. Эта тенденция распространяется как на однокомпонентные, так и на многокомпонентные термины (например, термины «двусторонний», «многосторонний», «зоны», «проливы», «нота», «суперкислоты» и др.).

Изучение однокомпонентных терминов позволяет подтвердить наличие прямой зависимости между способами терминообразования и общими типологическими характеристиками конкретных языков. Было установлено, что формирование новых терминов часто осуществляется на основе уже устоявшихся

понятий, подвергаясь дальнейшей специализации и приобретению более узких смысловых оттенков.

Достигнутые в ходе исследования результаты дают основание полагать, что конверсия выступает одним из наиболее распространенных механизмов образования новых терминов в терминосистемах международного гуманитарного права как на английском, так и на русском языке. Анализ английских терминов данной отрасли демонстрирует, что путем субстантивации было сформировано 25,0 % однокомпонентных терминов.

Специфические черты процесса конверсии в русском языке определяются особенностями его грамматического строя, позволяющего образовывать отглагольные существительные как путем укорочения исходного глагольного корня, так и с применением словообразовательных аффиксов. Согласно проведенному исследованию, в русской терминологии международного гуманитарного права подобные случаи представляют 30,4 % общего количества терминов.

Расширение значения термина ведет к специализации соответствующего понятия, что приводит к возникновению видовых понятий, номинируемых многокомпонентными терминами. Подобные терминологические сочетания включают базовую лексическую единицу и зависимые слова, раскрывающие дополнительные признаки объекта номинации.

Исследование показало, что в данной правовой сфере наибольшую частоту употребления имеют такие способы образования терминов, как конверсия, морфологические, семантические, морфолого-синтаксические трансформации, а также процесс специализации значений.

Учитывая морфемную структуру однокомпонентных терминов, можно выделить следующие группы: простые термины (или непроизводные термины, корневые термины), содержащие только корневую морфему; аффиксальные термины (или аффиксные термины), состоящие из корневой и одной/нескольких аффиксальных морфем; сложные термины (или многокорневые термины), в состав которых входят две корневые морфемы и более.

Выделение группы *простых* терминов осуществлялось с учетом как непроизводных терминов, содержащих одну корневую морфему, так и терминов, структура которых включает корневую морфему вместе с формообразующим аффиксом (окончанием).

Иллюстрацией английских однокомпонентных простых (непроизводных) терминов служат такие единицы, как *appeal*, *attack*, *camp*, *chaos*, *conflict*, *right*, *search*, *war* и проч. Что касается русского языка, то аналогичными примерами однокомпонентных простых (непроизводных) терминов являются лексические единицы типа *акт*, *устав*, *союз*.

Сравнительный анализ полученных результатов свидетельствует о том, что простые термины занимают долю в 42 % в английской терминосистеме международного гуманитарного права и 78 % — в русской. Данное расхождение обусловлено, по нашему мнению, существенными различиями в грамматическом устройстве обоих языков.

Отечественный исследователь Л. Л. Нелюбин подчеркивает, что в тех языках, где начальная форма слов представлена одной морфемой, характерно активное использование безаффиксальных способов словообразования. Примером таких

языков являются английский, китайский, арабский и ряд других, относящихся к изолирующему типу. Напротив, языки с двухморфемной структурой слов, такие как русский, немецкий, французский (частично), принадлежат к флективному типу, характеризующемуся преобладанием аффиксальных способов словообразования[6].

Аффиксальные термины международного гуманитарного права, согласно проведенному анализу, неизменно представляют собой производные единицы, обладающие основой в виде корневой морфемы, называющей родовое понятие. Присоединяемый аффикс фиксирует принадлежность термина к новому понятию, выполняя роль маркера видового уровня категоризации. Результаты нашего исследования показывают, что наибольшее количество среди однокомпонентных терминов приходится на аффиксальные единицы: в английской терминосистеме международного гуманитарного права они составляют 45 %, в русской — 12 % от общего объема аналогичных терминов.

Обзор научно-исследовательской литературы, посвященной изучению терминологии, свидетельствует о том, что однокомпонентные *сложные слова* образуют класс языковых единиц, представляющих собой комбинацию компонентов различной морфемной природы. Специалисты в области терминоведения квалифицируют сложные термины как продукты морфолого-синтаксического способа терминообразования[7].

Одним из высокоэффективных способов образования терминов является сложение основ. Как утверждает В. М. Лейчик, высокая частотность данного способа обусловлена двумя факторами: постепенным увеличением сложности и глубины человеческих познаний[8].

Мы разделяем точку зрения С. В. Гринева-Гриневича, подчеркивающего повышенную популярность сложных терминов вследствие их цельнооформленности и отсутствия необходимости в дополнительной грамматической обработке первого компонента, что особенно актуально в письменных коммуникациях[9].

Проведенным исследованием установлено, что терминологическая система международного гуманитарного права характеризуется ограниченным присутствием сложных лексических образований по сравнению с терминами других морфологических типов. Анализ показывает, что в английской терминосистеме соответствующей правовой отрасли насчитывается 13 % сложных терминов, в то время как в русской — лишь 10 %.

Выполненный нами анализ подтвердил наличие текущего процесса трансформации ряда английских словосочетаний в цельнооформленные лексические единицы. Так, примером подобного преобразования служат термины: *aircraft military*, *aircraft civilian*, *bombproof*, *breastwork*.

Классическим исследованием, посвященным изучению определения границы между сочетанием слов и соответствующим ему сложным словом следует

---

6 *Нелюбин Л. Л.* Очерки по введению в языкознание : учебник. М. : МГОУ, 2007. С. 88.

7 *Гринев-Гриневич С. В.* Указ. соч. С. 49—56 ; *Лейчик В. М.* Терминоведение : предмет, методы, структура. 2-е изд., испр. и доп. М. : КомКнига, 2006. С. 53—57.

8 *Лейчик В. М.* Указ. соч. С. 53.

9 *Гринев-Гриневич С. В.* Указ. соч. С. 147—148.

считать работу «Лексикология английского языка» А. И. Смирницкого[10], в которой представлена характеристика особенностей сложного слова в английском языке.

В ходе анализа исследуемой терминосистемы было обнаружено, что в международном гуманитарном праве сложные термины формируются преимущественно путем простого сложения основ, например: *aircraft*, *bombproof*, *deadlock*, *quartermaster*, *warship*. В русской терминосистеме международного гуманитарного права образование сложных терминов чаще всего реализуется путем сложения основ с применением соединительных служебных морфем, например: *злоупотребление*, *правоприменение*, *правонарушение*, *миротворчество*. Русские сложные термины возникают как на базе исконных морфем (*самозащита*, *самооборона*, *самоопределение* и аналогичные), так и посредством интеграции заимствованных элементов (*биометрия*, *геноцид* и др.).

Таким образом, результаты проведенного анализа английских однокомпонентных терминов показывают, что простые (непроизводные) термины составляют в этом списке 42 %, аффиксальные — 45 % и сложные термины — 13 % (рис. 1).

Результаты проведенного анализа русских однокомпонентных терминов показывают, что простые (непроизводные) термины составляют в этом списке 78 %, аффиксальные — 12 % и сложные термины — 10 % (рис. 2).

Формально-структурный анализ английских и русских терминов международного гуманитарного права демонстрирует, что однокомпонентные термины обычно именуют родовые понятия, в то время как многокомпонентные термины обозначают видовые категории. Установлено, что однокомпонентные термины, обозначающие родовые понятия, выполняют ключевую роль в создании основного понятийного ядра терминосистемы. Вместе с тем отмечено, что в исследуемой правовой области однокомпонентные термины встречаются реже, нежели многокомпонентные. Важно подчеркнуть, что пропорции однокомпонентных и многокомпонентных терминов в анализируемых языках разной структуры находятся практически на одинаковом уровне.

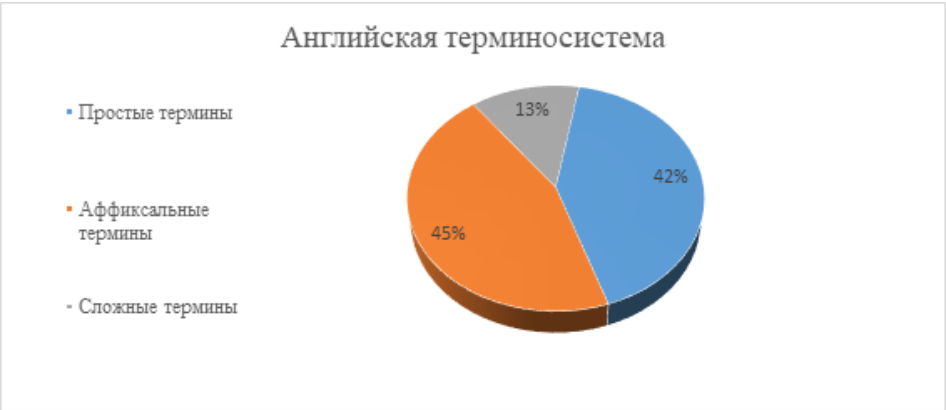


Рис. 1. Морфологическое строение однокомпонентных лексических единиц английской терминосистемы в сфере международного гуманитарного права

[10] *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. С. 114—137.

Рис. 2. Морфологическое строение однокомпонентных лексических единиц русской терминосистемы в сфере международного гуманитарного права

Важно отметить, что актуальность исследования формально-структурных характеристик терминологии международного гуманитарного права в английском и русском языках обусловлена современным развитием многоаспектных межгосударственных отношений в правовой сфере. В связи с этим возрастает необходимость выполнения переводов специальных текстов, точность, адекватность и эквивалентность которых напрямую зависят от систематизированности терминологий в соответствующих языках, особенно с учетом особенностей британского и американского вариантов английского языка.

Проведенное исследование позволило выявить и описать структурные (морфологические и словообразовательные) характеристики однокомпонентных терминов в английском и русском языках, формирующих терминологический минимум сферы международного гуманитарного права; обосновывать доминирующие способы терминообразования на заявленном материале, что свидетельствует о достижении поставленных целей исследования.

Итогом выполненного исследования также стала подробная характеристика структурных (морфологических и словообразовательных) особенностей однокомпонентных англоязычных и русскоязычных терминов, формирующих минимальный терминологический фонд международного гуманитарного права. Это позволило определить ключевые способы терминообразования на рассмотренном эмпирическом материале, подтвердив достижение поставленной цели исследования.

Исходя из изложенного выше, представляется возможным сделать вывод о том, что наше исследование однокомпонентных терминов международного гуманитарного права на английском и русском языках открывает широкие горизонты для дальнейших исследований в областях терминоведения, теории специального языка, лексикографии, терминографии, межкультурной коммуникации и переводоведения.

Полученные в результате проведенного исследования материалы обладают потенциалом внедрения в практику разработки терминологических справочников, содействуя процессу упорядочивания, гармонизации и установления единых стандартов отраслевых юридических терминов в сфере международного

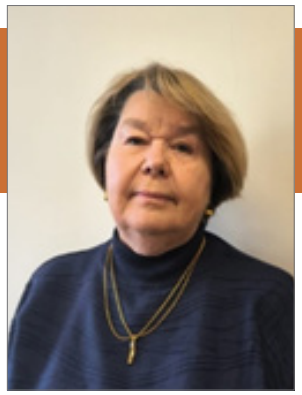
гуманитарного права. Собранный материал и полученные результаты сопоставительного исследования могут быть также применены в вузовских курсах по языкознанию, истории языкознания и истории английского языка, общей и частной лексикологии, терминоведению, теории перевода в правовой сфере.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гринев-Гриневич С. В.* Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш : учеб. заведений. — М. : Академия, 2008. — 304 с.
2. *Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А.* Особенности развития терминоведения в начале XXI века // Лингвистика и образование. — 2021. — Т. 1. — № 1. — DOI 10.17021/2021.1.1.49.70.
3. *Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А.* Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13. — № 3. — URL: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729.
4. *Жафар К. С., Мохаммад А. А., Исса А. Х., Панов А. В.* Автоматизация поиска юридической информации на арабском языке: подход к поиску документов // Russ. Technol. J. — 2024. — № 12 (5). — P. 7—16. — URL: https://doi.org/10.32362/2500-316X-2024-12-5-7-16.
5. *Лейчик В. М.* Терминоведение : предмет, методы, структура. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : КомКнига, 2006. — 256 с.
6. *Нелюбин Л. Л.* Очерки по введению в языкознание : учебник. — М. : МГОУ, 2007. — 199 с.
7. *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. — М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. — 260 с.
8. *Kumar K., Parameswaran R.* Bibliometric analysis of holographic data storage literature // Russ. Technol. J. — 2023. — № 11 (2). — P. 20—32. — URL: https://doi.org/10.32362/2500-316X-2023-11-2-20-32.

Вопросы теории и практики обучения иностранному языку права

Социокультурный компонент и культурно-исторические реалии в процессе обучения профессиональному иностранному языку для учащихся юридического вуза (на примерах немецкого языка)



Марина Анатольевна БИРЮКОВА,
заведующий кафедрой иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат культурологии, доцент
mabirjukova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В научной статье автор подробно рассматривает социокультурной компонент, а также культурно-исторические реалии в рамках обучения иностранному языку (немецкому) для обучающихся юридических вузов. В исследовании отмечается, что знание иностранного языка является недостаточным для успешной коммуникации, так как необходимо понимать культурную специфику, а также исторический контекст. В работе анализируются методы адаптации социокультурных аспектов в учебном процессе, что включает применение аутентичных материалов, тематических дискуссий, а также игрового моделирования. В научной работе приводятся успешные примеры, которые иллюстрируют взаимосвязь немецкой правовой системы, а также культурной специфики при изучении иностранного языка (немецкого). Рассматриваются в том числе и преимущества социокультурного подхода в рамках формирования межкультурной компетенции обучающихся. Автор приходит к выводу, что в настоящее время важно адаптировать учебные программы с учетом современных реалий и требований в контексте процесса глобализации.*
Ключевые слова: *высшее учебное заведение, юридическая специальность, иноязычная коммуникативная компетенция, современные технологии, социокультурные компоненты, исторические реалии, иностранный язык, немецкий язык*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.111-119

© Бирюкова М. А., 2025

Marina A. BIRJUKOVA,
Head of the Foreign Languages Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Cand. Sci. (Culturology), Assistant Professor
mabirjukova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Sociocultural Component and Cultural-Historical Realities in the Process of Teaching a Professional Foreign Language to Students of a Law School (Based on the Examples of the German Language)

Abstract. *In the scientific article, the author examines in detail the socio-cultural component, as well as cultural and historical realities in the context of teaching a foreign language (German) to students of law schools. In the study, the author notes that knowledge of a foreign language is insufficient for successful communication, since it is necessary to understand the cultural specifics, as well as the historical context. The work analyzes the methods of adapting socio-cultural aspects in the educational process, which includes the use of authentic materials, thematic discussions, and game modeling. The scientific work provides successful examples that illustrate the relationship between the German legal system and cultural specifics in learning a foreign language (German). The scientific work also considers the advantages of the socio-cultural approach in the context of the formation of intercultural competence of students. The author comes to the conclusion that at present it is important to adapt curricula taking into account modern realities and requirements in the context of the globalization process.*

Keywords: *higher education institution, legal specialty, foreign language communicative competence, modern technologies, socio-cultural components, historical realities, foreign language, German language*

На сегодняшний день образование требует от обучающихся как знания иностранного языка, так и общего понимания культурно-исторических контекстов. Знание иностранного языка особенно важно для обучающихся высших учебных заведений по юридическим направлениям, так как правовая система взаимосвязана с различными аспектами — социокультурными и историческими.

Цель научной работы — изучить и обосновать роль социокультурного компонента, а также культурно-исторических реалий в рамках процесса обучения иностранному языку (немецкому) обучающихся высших учебных заведений (юридических специальностей), в том числе разработать методические рекомендации для практического применения и внедрения в образовательный процесс.

Объект исследования — процесс обучения немецкому языку в рамках юридического образования, в том числе взаимодействие как между лингвистическими навыками, так и между социокультурными аспектами в контексте правовой сферы.

Предмет исследования — социокультурные аспекты, культурно-исторические реалии, которые оказывают значительное влияние на процесс обучения иностранному языку (немецкому). Данные компоненты включают правовые системы, а также этические нормы и профессиональные стандарты. Кроме того, в эти компоненты входят исторические события, формирующие правовую культуру страны изучаемого языка (Германии).

Научная новизна работы состоит в адаптации социокультурного компонента, разработке методических рекомендаций. Автор рассматривает влияние социокультурных факторов на процесс обучения иностранному языку (немецкому) в рамках юридического образования, предоставляя возможность определить их значение в процессе формирования профессиональной компетенции обучающихся. Также автором разработаны методические рекомендации для практического применения по адаптации социокультурных элементов в процесс обучения, что в данном случае повышает уровень подготовки обучающихся.

В научной работе предложены методы применения кейс-стадии, рассматриваются современные правовые вопросы, влияющие на развитие аналитического мышления и навыки аргументации. Данный фактор способствует не только глубокому пониманию иностранного языка (немецкого), но и правовой культуры в целом.

Автор подробно анализирует социокультурные компоненты, а также культурно-исторические реалии. Данные компоненты могут внедряться в процессе изучения иностранного языка (немецкого) для обучающихся юридических специальностей.

Социокультурный компонент в процессе обучения является важным, так как правовая культура нашей страны подразумевает как законы, так и способы их применения на территории страны.

«Формирование профессиональной подготовки студентов — это одна из отличительных черт программы по иностранному языку в большинстве вузов нашей страны. Однако иностранный язык не просто помогает студентам в развитии юридической практики, но и одновременно считается необходимой основой профессионального развития в этой деятельности. Если рассматривать изучение иностранного языка с профессиональной позиции, то это дает возможность во время обучения создавать и развивать заинтересованность студентов к самому предмету, делает учебу на данном курсе профессионально необходимой и потребует учета множества своеобразных условий, подобных методике обучения у каждого преподавателя»[1].

Адаптации интерактивных методов в процессе обучения и применение культурно-исторических материалов помогают как улучшить лингвистические навыки, так и сформировать общее понимание правовых систем. Это помогает

[1] *Балаян Н.* Иностранный язык как компонент профессиональной подготовки студентов юридического вуза в контексте глобализации // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : сборник материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 марта 2022 г. М., 2022. С. 41—46.

подготовить квалифицированных специалистов, которые смогут работать в международном правовом пространстве более эффективно в будущем[2].

Материалами исследования являются научные публикации по теме обучения профессиональному иностранному языку для студентов юридических высших учебных заведений, также использованы интернет-ресурсы с дидактическими материалами, цифровой контент рассматривается на примере немецкого языка.

Влияние социокультурного компонента и культурно-исторических реалий, которое изучается в рамках настоящей статьи, требует применения различных методов научного исследования. Основные методы, которые использованные при написании данной статьи, — синтез и анализ, контекстуальный анализ и сопоставительный анализ, конкретизация и абстрагирование, обзор литературы, наблюдение, сравнительный анализ[3].

В научной работе исследовались современные научные публикации по рассматриваемой тематике (о социокультурных компонентах и культурно-исторических реалиях).

Контекстуальный анализ применялся с целью изучения дидактических материалов, а также учебных программ, которые используются в данном формате обучения.

Сопоставительный анализ в научной работе применялся для определения преимуществ социокультурного компонента, а также его недостатков в сопоставлении с традиционными методами.

Подробно рассматривались успешные примеры социокультурного компонента в профессиональной подготовке будущих юристов в современном высшем профессиональном образовании в учебных заведениях.

В научной работе автор применяет комплексный теоретический подход, который соединяет социокультурную теорию, когнитивную лингвистику и прагматическую теорию. Важное внимание уделяется аспектам взаимосвязи языка и культуры изучаемого языка (немецкого).

Рассматриваемая в научной работе теория обращает внимание на то, что язык в первую очередь является инструментом процесса коммуникации, отражает культурную специфику и современные реалии в социуме. Данная теория предоставляет возможность не только правильно анализировать, каким образом культурный контекст оказывает влияние на общее восприятие иностранного языка (немецкого), но и как влияет данный контекст на употребление языка в профессиональной сфере.

«Социокультурный подход в изучении иностранного языка повышает мотивацию овладения языком, представляет детально историю и культуру иноязычных государств. Тематическая неограниченность социокультурного подхода в изучении иностранного языка открывает возможность реконструкции эволюции культурно-исторических условий на основе изучения разнообразия соответствующей

---

[2] *Бессараб Т. П.* Иностранный язык как способ профессиональной подготовки студентов-юристов // Актуальные вопросы современной педагогики : материалы VII Междунар. науч. конф. 2015. С. 136—138.

[3] *Протасова Н. А., Ессина И. Ю., Ефимова И. И., Семенова Э. В.* Иностранный язык как компонент профессиональной подготовки специалиста-юриста. М. : Юрист, 2015. С. 243.

лексики (в формате статьи — историко-правовой), является неотъемлемым средством для глубокого изучения реалий современного делового мира, формирует профессиональные знания будущего специалиста, способствует развитию коммуникативной культуры студента»[4].

В научной работе изучается влияние языковых структур, а также различных концептов, которые формируют общий подход к правовым понятиям. При когнитивном подходе обращается внимание на то, как обучающиеся воспринимают информацию и обрабатывают ее на немецком языке, в том числе связывают язык с культурным значением (специфика).

Также в работе подробно рассматриваются контекстуальные факторы, например, социокультурные и исторические, которые оказывают существенное влияние на значение и употребление иностранного языка (немецкого) в юридической практике.

Прагматика помогает глубоко понимать, как обучающиеся могут употреблять язык в ситуациях повседневной юридической деятельности, учитывая культурные нюансы[5].

Предполагается, что адаптация социокультурных компонентов, а также культурно-исторических реалий в рамках обучения иностранному языку (немецкому) оказывает положительное влияние на общий уровень профессиональной компетенции обучающихся (высших учебных заведений юридической направленности). Учащиеся, которые изучают иностранный язык (немецкий) с учетом социокультурной специфики, более глубоко понимают концепты и правовые нормы, что повышает способность студентов не только к анализу, но и к аргументации[6].

Для обучающихся высших учебных заведений (юридических специальностей) представляется важным более глубоко понимать, каким образом право в Германии взаимодействует с культурой.

Например, в Германии существует концепция *Rechtsstaat* (правовое государство — это доктрина в правовом мышлении континентальной Европы, берущая начало в немецкой юриспруденции), которая подразумевает верховенство закона и защиту прав граждан: *„Rechtsstaatlichkeit, Grundbegriff der Demokratie. Die gesetzgebende Gewalt ist an die verfassungsmäßige Ordnung gebunden, die vollziehende Gewalt und die Judikative an Gesetz und Recht“*(нем.)[7]. В переводе на русский язык это означает: «Верховенство права, фундаментальное понятие демократии. Законодательная власть связана конституционным порядком, исполнительная власть и судебная власть — законом и справедливостью».

---

[4] *Фокина С. П.* Развитие культурного интеллекта обучающихся юридических вузов средствами иностранного языка // Современный ученый. 2019. № 5. С. 62—66.

[5] *Чигарькова С. В. Солдатова Г. У.* Культурный интеллект как социально-психологический феномен: обзор концепции // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 27—38.

[6] *Шарнаускене Т. В., Михеева Н. Н., Фролагина Н. П.* Социокультурный подход в практике иноязычного общения (на примере текстов по юриспруденции) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2020. № 16. С. 101—109.

[7] *Ang S., Van Dyne Linn*. Handbook of cultural intelligence: theory, measurement, and applications // Routledge. 2015.

На современном этапе адвокат в Германии играет ключевую роль, является защитником прав граждан. Рассматривая роль адвоката, стоит подчеркнуть, что обучение должно включать в себя изучение не только этических норм, но и профессиональных стандартов, влияющих на поведение адвокатов в целом.

Например: *„Die anwaltliche Tätigkeit in Deutschland besteht in der Vertretung der Interessen ihrer Mandanten sowie in der Aufrechterhaltung von Recht und Ordnung“*(нем.)[8]. Перевод на русский язык: «Адвокатская деятельность в Германии как состоит в представлении интересов своих клиентов, так и поддерживает справедливость и правопорядок».

Отметим, что семейное право Германии в последнее время перетерпело существенные изменения. Их понимание представляется важным для изучения социальных норм и культурных традиций: *„Das deutsche Grundgesetz besagt, dass Frauen und Männer gleichberechtigt sind und der Staat die tatsächliche und substanzielle Gleichstellung der Geschlechter fördern muss. Deutschland bekennt sich zudem zu seinen Verpflichtungen zur Gleichstellung der Geschlechter nach europäischem Recht und internationalen Menschenrechtsnormen, beispielsweise durch die Ratifizierung des UN-Übereinkommens zur Beseitigung jeder Form von Diskriminierung der Frau und seines Fakultativprotokolls“* (нем.)[9]. В переводе на русский язык это означает: «В Основном законе Германии говорится, что женщины и мужчины равны и что государство должно содействовать реальному, фактическому гендерному равенству. Германия также привержена выполнению своих обязательств по обеспечению гендерного равенства в соответствии с европейским законодательством и международным правом в области прав человека, в том числе с учетом ратификации Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативного протокола к ней».

Рассматривая культурно-историческую специфику, стоит подчеркнуть, что немецкая правовая система претерпела существенные изменения по завершении Второй мировой войны. Подробный анализ Нюрнбергских процессов, а также их влияния на международное право предоставляет возможность обучающимся более глубоко понимать, каким образом исторические процессы и явления влияют на правовые нормы на современном этапе:

“Die Nürnberger Prozesse gelten als der wichtigste Bestandteil des alliierten Bestrafungsprogramms gegen führende Vertreter des NS-Regimes. Sie fanden vom 20. November 1945 bis 14. April 1949 statt und umfassten den Nürnberger Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher sowie mehrere sogenannte Nürnberger Nachfolgeprozesse” (нем.). Перевод на русский язык: «Нюрнбергский процесс считается важнейшей частью союзнической программы наказания ведущих представителей нацистского режима. Он проходил с 20 ноября 1945 г. по 14 апреля 1949 г. и включал Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками, а также несколько так называемых Нюрнбергских процессов-продолжений».

---

[8] *Currier K. A.* The Study of Law: a Critical Thinking Approach (Aspen College). 4th ed. by Katherine A. Currier. Walters Kluwer. 2015.

[9] *Gudykunst W. B.* Handbook of international and Intercultural Communication. 2nd ed. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, Inc. 2001.

Стоит отметить, что падение Берлинской стены также являлось основным этапом для Германии и для правовой системы страны. Обучающиеся должны изучать не только иностранный язык (немецкий), но и современные политические трансформации. Последние влияют не только на законодательство, но и на современное правоприменение: *„Mehrere Faktoren und Entwicklungen machten letztlich 1989 den Fall der Mauer und damit die Vereinigung Deutschlands möglich. So erzwangen die Reformen des sowjetischen Staatspräsidenten Michail Gorbatschow, die Wirtschaftskrise, die Massenflucht der Menschen in den Westen und die friedlichen Demonstrationen der DDR-Bürgerinnen und — Bürger das Ende der DDR-Diktatur“*(нем.)[10]. Перевод на русский язык: «Несколько факторов и событий в конечном итоге сделали возможным падение Берлинской стены и, таким образом, объединение Германии в 1989 г. Реформы Президента СССР Михаила Горбачева, экономический кризис, массовый исход людей на Запад и мирные демонстрации граждан ГДР привели к концу диктатуры ГДР».

Рассмотрим примеры практических подходов в процессе обучения.

Пример 1. Кейс-стадии. Подробный анализ кейс-стадии (дела и практика Судов в Германии) предоставляет возможность обучающимся не только знать, но и понимать культурно-исторические контексты, которые оказывают влияние на судебные решения. Анализ стадии дает возможность обучающимся использовать теорию на практике, помогает развитию аналитического мышления[11].

Пример 2. Проведение дискуссии. При организации и проведении дискуссий по правовым вопросам, например, миграционной политики, а также защиты персональных данных (безопасности) обращают внимание на социокультурные аспекты, предоставляя возможность обучающимся развивать не только навыки аргументации, но и навык публичного выступления[12].

Пример 3. Практика в юридических учреждениях. Посещение различных юридических фирм, судов дает возможность обучающимся наблюдать за практикой юристов, а также за судебными процессами, позволяет обучающимся соединить теорию с практикой[13].

Пример 4. Применение мультимедийных ресурсов. Просмотр документальных фильмов, а также подкастов по юридической тематике, освещение правовых вопросов в зарубежных странах (например, в Германии) могут являться базой для дискуссии и для анализа материалов (с учетом культурного контекста)[14].

В процессе исследования было определено, что адаптация социокультурной специфики (и культурно исторических аспектов) в рамках процесса изучения

[10] *Klein S. L.* Legal Education in the United States and England: a Comparative analysis Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. Vol. 13. Loy. L. A. Int'l & Comp. L. J. 1991. P. 601—641.

[11] *Hackney Blackwell Amy*. The Essential law dictionary. Sphinx publishing, an Imprint of Sourcebooks, Inc., 2008.

[12] URL: http://linguis.net/quotes-about-languagelearning/свободный.

[13] URL: http://www.consultant.ru/edu/news/interview/professii/professiya_yur ist_ mezhdunarodnogo_prava/levakin.

[14] URL: http://www.consultant.ru/edu/news/interview/professii/professiya_yur ist_ mezhdunarodnogo_prava/levakin.

иностранного языка (немецкого) для обучающихся высших учебных заведений (юридической направленности) повышает профессиональные навыки.

Использование комплексного теоретического подхода, который включает в себя социокультурную теорию, а также когнитивную лингвистику и другие теории, дает возможность понимать не только роль языка, но и культуру изучаемого языка и права.

Проведенное исследование подтверждает предположение, что уровень профессиональной подготовки обучающихся высших учебных заведений юридической направленности зависит от влияния социокультурных компонентов.

Применение культурно-исторических материалов в рамках изучения иностранного языка помогает лучше усваивать немецкий язык, улучшает навыки межкультурного взаимодействия. Использование в учебном процессе различных кейс-стадий и интерактивных методов обучения предоставляет возможность обучающимся развивать аналитическое мышление, использовать полученные знания в практической деятельности[15].

Результаты проведенного исследования продемонстрировали, что обучающиеся, которые проходят обучение с учетом культурной специфики, более глубоко усваивают правовые концепты, активно развивают навыки межкультурного взаимодействия.

Практическое применение полученных результатов может ориентироваться на разработку учебно-методических пособий, которые включают в себя не только социокультурные элементы, но и успешные примеры юридической практики в зарубежных странах (могут включать различные тексты о правовых системах в Германии), материалы судебных дел, современные этические вопросы.

Адаптация методики активного обучения, например, применение ролевого моделирования, а также проведение дебатов и кейс-стадий предоставляет возможность обучающимся использовать иностранный язык (немецкий) в современных реалиях.

Представляется возможным сопоставить полученные результаты обучающихся, которые проходили обучение по традиционной программе и с применением предложенных автором методик.

Перспективы дальнейших исследований могут ориентироваться на проведение дополнительных исследований с участием выборки обучающихся разных юридических высших учебных заведений, чтобы определить общие тенденции.

Также представляется возможным проанализировать долгосрочные результаты адаптации социокультурных компонентов в рамках учебного процесса, чтобы более глубоко понимать, как эти компоненты влияют на будущую карьеру обучающихся и их профессиональную деятельность в перспективе.

Кроме того, необходимо проводить сопоставительный анализ между разными языками, например, между английским и немецким. В процессе возможно определить общее и специфическое в юридическом немецком языке.

Необходимо продолжить исследование современных методов активного обучения, а также изучить влияние данных методов на общее усвоение иностранного

[15] URL: https://www-bmfsfj-de.translate.goog/bmfsfj/meta/en/equality/gender-equality-policy?_ ,свободный.

языка (немецкого) и правовых понятий в целом. Важно устанавливать партнерское взаимодействие с юридическими учреждениями, чтобы предоставлять возможность обучающимся пройти стажировку и использовать теорию на практике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Балаян Н.* Иностранный язык как компонент профессиональной подготовки студентов юридического вуза в контексте глобализации // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : сборник материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 марта 2022 г. — М., 2022. — С. 41—46.
2. *Бессараб Т. П.* Иностранный язык как способ профессиональной подготовки студентов-юристов // Актуальные вопросы современной педагогики : материалы VII Междунар. науч. конф. — 2015. — С. 136—138.
3. *Протасова Н. А., Ессина И. Ю., Ефимова И. И., Семенова Э. В.* Иностранный язык как компонент профессиональной подготовки специалиста-юриста. — М. : Юрист, 2015.
4. *Фокина С. П.* Развитие культурного интеллекта обучающихся юридических вузов средствами иностранного языка // Современный ученый. — 2019. — № 5. — С. 62—66.
5. *Чигарькова С. В. Солдатова Г. У.* Культурный интеллект как социально-психологический феномен: обзор концепции // Национальный психологический журнал. — 2018. — № 4 (32). — С. 27—38.
6. *Шарнаускене Т. В., Михеева Н. Н., Фролагина Н. П.* Социокультурный подход в практике иноязычного общения (на примере текстов по юриспруденции) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. — 2020. — № 16. — С. 101—109.
7. *Ang S., Van Dyne Linn.* Handbook of cultural intelligence: theory, measurement, and applications // Routledge. — 2015. — 414 p.
8. *Currier K. A.* The Study of Law: a Critical Thinking Approach (Aspen College). 4th ed. by Katherine A. Currier. — Walters Kluwer. — 2015. — 702 p.
9. *Gudykunst W. B.* Handbook of international and Intercultural Communication. — 2nd ed. — Thousand Oaks, CA : Sage Publications, Inc. 2001. — 500 p.
10. *Hackney Blackwell Amy.* The Essential law dictionary. — Sphinx publishing, an Imprint of Sourcebooks, Inc., 2008. — 562 p.
11. *Klein S. L.* Legal Education in the United States and England: a Comparative analysis Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. — Vol. 13. — Loy. L. A. Int'l & Comp. L. J., 1991. — P. 601—641.

Использование искусственного интеллекта: методические риски при обучении иностранному языку студентов юридического вуза

Ольга Ивановна ГАБУНИЯ,
доцент кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук
ogabunia@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Наталия Федоровна ЕЖОВА,
доцент кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кандидат филологических наук, доцент
nfezhova@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В настоящее время наблюдается бурное развитие нейросетей в различных сферах жизни. За считанные секунды инструменты искусственного интеллекта по запросу пользователя готовы сгенерировать планы уроков, презентации, тексты, учебные материалы и проч. Чат-боты способны не только ответить на вопрос и предоставить необходимый комментарий, но и дать рекомендации по улучшению выполняемых заданий. В связи с этим в преподавательско-педагогической среде возникает вопрос: может ли преподаватель иностранного языка не просто противостоять методическим рискам, неизбежно возникающим в процессе цифровизации высшего образования, но и сделать ИИ своим надежным помощником, а образовательный процесс — благодаря достижениям науки и техники — более качественным и эффективным. В статье авторы делают попытки разобраться в данной проблеме, а также приводят примеры методической работы со студентами юридического вуза, изучающими иностранный язык в условиях развития ИИ.*

Внедрение ИИ в образовательный процесс действительно открывает новые возможности для обучения иностранным языкам, однако сопряжено с рядом методических рисков. В статье рассматриваются ключевые проблемы, связанные с использованием ИИ в преподавании иностранного языка студентам-юристам, включая снижение роли преподавателя, недостаточную адаптацию к профессиональной лексике, риски некорректного перевода и некоторые этические аспекты. В целях повышения эффективности образовательного процесса предлагаются рекомендации по минимизации данных рисков.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, методические риски, обучение иностранному языку, юридическое образование, интерпретация юридических понятий и терминов, цифровизация образования, профессиональная этика юристов*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.120-130

© Габуния О. И., Ежова Н. Ф., 2025

Olga I. GABUNIJA,
Associate Professor, the English Department ,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Linguistics)
ogabunia@gmail.com
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Natalia F. EZHOVA,
Associate Professor, the English Department,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Linguistics);
Associate Professor, the Foreign Languages Department ,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
nfezhova@gmail.com
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Use of Artificial Intelligence: Methodology Risks in Foreign Language Teaching to Law University Students

Abstract. *Currently, the development of neural networks in various fields of life is rapidly growing. Artificial intelligence (AI) tools can generate lesson plans, presentations, texts, and other educational stuff in seconds upon user's request. Chatbots can not only answer questions and provide necessary feedback but also make useful recommendations for improving results. This raises the question within the teaching community: can foreign language teachers not only counteract the methodological risks that inevitably arise with the digitalization of higher education, but also utilize AI as a reliable assistant, making the educational process more efficient and effective thanks to advances in science and technology? In this article, the authors attempt to fully understand this problem in the context of AI development and provide some examples of methodology work with law school students studying foreign languages.*

The introduction of AI into the educational process does indeed open up new opportunities for foreign language teaching, but it is associated with a number of methodology risks. This article examines some key issues associated with the use of AI in teaching foreign languages to law students, including the diminished role of the teacher, insufficient adaptation to professional vocabulary, the risks of inaccurate translation, and certain ethical aspects. To improve the effectiveness of the educational process, recommendations are offered to minimize these risks.

Keywords: *artificial intelligence, methodology risks, foreign language teaching, legal education, interpretation of legal concepts and terms, digitalization of education, legal ethics*

В последние годы интерес к искусственному интеллекту (ИИ) в мировом сообществе существенно возрос. Технологии ИИ проникают буквально во все области жизни: промышленность, финансы, сферу обслуживания, медицину и образование. Искусственный интеллект активно внедряется и в юридическое образование, оказывая на него все более существенное влияние, меняя как методы преподавания и подходы к профессиональной подготовке будущих юристов, так и содержание учебных программ. Благодаря технологиям ИИ студенты получают возможность работать с продвинутыми инструментами ИИ, развивая навыки, необходимые для работы в цифровой правовой среде. Кроме того, ИИ может анализировать успеваемость студентов и адаптировать учебные материалы, предлагая преподавателям индивидуальные рекомендации для каждого студента.

Одним из преимуществ ИИ является то, что его можно использовать для создания интерактивных учебных материалов, таких как виртуальные симуляции судебных процессов, обучающие игры и видеоролики, а также для разработки новых форм обратной связи для студентов. Кроме того, для студентов из отдаленных регионов и с разным уровнем подготовки ИИ может сделать юридическое образование более доступным.

Современное образование активно интегрирует технологии ИИ, включая чат-боты, автоматизированные системы перевода и адаптивные платформы. В контексте обучения иностранному языку студентов-юристов ИИ может способствовать развитию языковых навыков, однако его применение требует тщательного методического анализа, поскольку интеграция ИИ в образование наряду с преимуществами породило немало проблем и вызовов, которые встали перед образовательными учреждениями и всеми участниками образовательного процесса.

Международный альянс Digital Education Council (Совет по цифровому образованию) опубликовал результаты опроса преподавателей вузов из разных стран об их отношении к использованию ИИ в образовании. В нем участвовали более 1 600 преподавателей из 52 вузов в 28 странах Северной и Латинской Америки, Европы, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. Больше половины опрошенных (61 %) сообщили, что применяют генеративный ИИ в преподавательской работе, создавая учебные материалы (75 %), вовлекая студентов на занятиях (45 %), проверяя студенческие работы на плагиат (28 %) и др.

Всего лишь 9 % опрошенных считают, что роль преподавателя в связи с развитием генеративных нейросетей не изменится. Заметных же изменений в своих профессиональных обязанностях ждут 46 %, умеренных — 27 %. Еще 18 % уверены, что в образовании и методах преподавания произойдет настоящая трансформация. Более половины преподавателей (57 %) в целом позитивно настроены в отношении нейросетей, 30 % выразили нейтральную позицию, и только 13 % относятся к ним негативно. Отметим, что неизбежные изменения в роли преподавателей и их методов — не самый простой вопрос, ожидающий ответа в ближайшем будущем.

О каких же рисках в образовательном процессе может идти речь? Главные опасения, как оказалось, связаны с влиянием генеративных нейросетей на результаты обучения — 83 % опрошенных преподавателей считают, что студенты оценивать сгенерированный ИИ контент не способны критически, а 82 %

опасаются, что студенты станут слишком полагаться на ИИ и, соответственно, перестанут учиться сами.

Что касается рисков в контексте преподавания иностранного языка студентам юридического университета, то здесь следует учитывать, что юридическая лексика отличается, во-первых, высокой степенью формализации, во-вторых, наличием терминов с узкоспециальным значением, в-третьих, прямой зависимостью от национальных правовых систем. Все это создает дополнительные сложности при использовании ИИ, который интерпретирует профессиональный юридический контекст не всегда корректно.

Применение ИИ в обучении иностранному языку обладает значительным потенциалом, однако требует определенной методической доработки. Ключевыми направлениями минимизации рисков являются адаптация технологий под профессиональные нужды, сохранение ведущей роли преподавателя и обеспечение точности лингвистического анализа.

Проблемами рисков использования ИИ в образовании занимались такие ученые, как А. В. Шишкова, С. А. Никитин[1], Л. Н. Духанина, А. А. Максименко[2], П. М. Лукичев, О. П. Чекмарев[3], С. М. Курьян, М. А. Петрушкевич[4], А. П. Иванова[5], С. В. Титова[6] и др. Проведенный анализ исследовательских работ вышеупомянутых ученых позволяет сделать вывод о том, что использование искусственного интеллекта в обучении иностранному языку студентов-юристов представляет собой перспективное направление в рамках цифровизации образования. С одной стороны, ИИ-технологии предлагают беспрецедентные возможности для автоматизации рутинных процессов, персонализации обучения и доступа к актуальным языковым ресурсам. С другой стороны, выявленные методические риски — от некорректного перевода специальной терминологии до проблем с конфиденциальностью данных — свидетельствуют о необходимости разработки комплексной системы контроля качества процессов.

П. В. Сысоев отмечает: «В образовании искусственный интеллект — это ряд современных технологий, позволяющих компьютеру на основе нейросетевых

---

1 *Шишкова А. В., Никитин С. А.* Технологии искусственного интеллекта и роботизация в инклюзивном образовании: проект применения и этические аспекты // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика : материалы 1-й Международной научно-практической конференции. М., 2017. Т. 4. С. 296—306.

2 *Духанина Л. Н., Максименко А. А.* Проблемы имплементации искусственного интеллекта в сфере образования // Перспективы науки и образования. 2020. № 4 (46). Р. 23—35.

3 *Курьян С. М., Петрушкевич М. А.* Этические принципы применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе // МНКО. 2025. № 2 (111).

4 *Лукичев П. М., Чекмарев О. П.* Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 485—502.

5 *Иванова А. П.* Искусственный интеллект в сфере права и юридической практике: основные проблемы и перспективы развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4 : Государство и право. 2021. № 1. С. 90—98.

6 *Титова С. В.* Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам: аналитический обзор // Вестник Моск. ун-та. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 18—37.

алгоритмов, обученных за счет сбора и анализа больших объемов данных, реализовывать методики обучения конкретным дисциплинам по индивидуальной траектории, имитировать речемыслительную деятельность человека»[7]. В качестве основных методических рисков применения искусственного интеллекта в обучении иностранному языку студентов-юристов можно выделить следующие факторы:

— ограниченную адаптацию ИИ к юридической терминологии, например, большинство языковых моделей ИИ (ChatGPT, DeepL) основаны на общеупотребительной лексике и текстах, что может приводить к некорректному переводу или интерпретации юридических терминов (термины *consideration* (в договорном праве — встречное удовлетворение) или *article* (статья (закона)) требуют точного контекстного перевода, который не всегда обеспечивается ИИ);
— снижение роли преподавателя и коммуникативной практики, что происходит за счет автоматизации выполнения языковых и речевых упражнений ИИ и связано с потерей живого взаимодействия, необходимого для развития навыков профессиональной юридической коммуникации;
— вероятность некорректного перевода и интерпретации правовых терминов и понятий и, как следствие, возникающие ошибки перевода, вызванные несовершенством ИИ, которые могут привести к искажению смысла норм права, что недопустимо при переводе юридической профессиональной терминологии (неправильный перевод термина *force majeure* как «*чрезвычайные обстоятельства*» вместо «*обстоятельства непреодолимой силы*» может повлечь методические и профессиональные ошибки);
— этические и конфиденциальные аспекты в использовании ИИ, предполагающие обработку персональных данных, включая возможное введение конфиденциальной юридической информации.

Примеры типичных методических рисков применения ИИ в обучении иностранному языку студентов юридических вузов:

1. Ограниченная адаптация ИИ к юридической терминологии:

— переводчик на основе ИИ (например, Google Translate) может перевести английский термин *bail* просто как *«залог»,* но в юридическом контексте было бы правильнее «*освобождение под залог*»;
— термин *construction* может быть понят ИИ как *«строительство»,* тогда как в рамках юридического дискурса термин означает *«толкование (нормы права/закона)»;*
— термин *custody* ИИ понимается как *«опека, попечительство»*, т.е. в контексте семейного права, в то время как в уголовном праве этот термин имеет значение *«содержание под стражей, заключение под стражу».* Таким образом, контекстуальный фон высказывания ИИ в ином контексте нивелируется.

[7] *Сысоев П. В.* Персонализированное обучение на основе технологий искусственного интеллекта: насколько готовы современные студенты к новым возможностям получения образования // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 2. С. 51—71.

2. Снижение роли преподавателя и коммуникативной практики:

— студент использует ChatGPT для подготовки устного выступления на английском языке, однако обратной связи по интонации, жестам и убедительности аргументации не получает, что в юридической практике критично;
— ИИ-тренажеры (например, языковые боты) помогают в запоминании слов, но навыков спонтанной речи в судебных прениях или переговорах не развивают;
— автоматическая проверка эссе ИИ может пропустить логико-смысловые ошибки и неточности в аргументации, которые преподаватель непременно заметил бы и исправил.

3. Вероятность некорректного перевода и интерпретации юридических понятий и терминов:

— в договоре фраза *time is of the essence* означает «*сроки имеют ключевое значение*», но ИИ переводит ее как «*время — суть*», что смыла в юридическом контексте не имеет;
— в российском законодательстве термин «*злоупотребление правом*» при автоматическом переводе на английский может превратиться в *abuse of law* или *abuse of a right*, хотя в судах общего права Англии и Уэльса при рассмотрении исков из злоупотребления правом это понятие трактуется иначе — *unjust enrichment (неправомерное/необоснованное обогащение) или bad faith (недобросовестность);*
— *terms and conditions* — это не *«положения и условия договора»,* как бы перевел ИИ, а просто *«условия договора»*; в свое время в договорном праве были распространены оба термина, поэтому для большей точности их указывали рядом, при этом *terms* обозначало «то, о чем стороны договорились», а *conditions* — «при каких обстоятельствах эти договоренности достигаются»; сейчас же это стандартное юридическое клише и его прямой перевод смысла не несет.

4. Этические и конфиденциальные аспекты:

— студент для перевода загружает в ChatGPT конфиденциальный договор, нарушая тем самым принципы адвокатской тайны (*attorney-client privilege* — право клиента на конфиденциальность общения с адвокатом);
— ИИ-платформа запоминает введенные данные, и впоследствии фрагменты учебных работ студентов могут неожиданно появиться в ответах другим пользователям;
— алгоритмы ИИ, обученные на моделях западных правовых систем, могут давать некорректные рекомендации по употреблению терминов из, например, исламского или китайского права.

Ошибки при переводе юридической терминологии ИИ:

1. Ошибки в переводе узкоспециальных терминов

Одной из наиболее серьезных проблем является некорректный перевод профессиональной юридической терминологии. Например, английский термин *estoppel*, имеющий в правовом дискурсе специальное значение «*процессуальный отвод, или лишение стороны права оспаривания ранее занятой позиции*», ИИ-системы часто переводят просто как «*остановка»* или «*препятствие»,* полностью искажая юридический смысл термина. Еще один пример: заимствованное

французское выражение *force majeure* должно переводиться как «*обстоятельства непреодолимой силы*», однако ИИ предлагает свой вариант «*чрезвычайные обстоятельства*», что адекватным юридическим эквивалентом считаться не может. Термин *tortfeasor* из области деликтного права ИИ может перевести как «*нарушитель договора»* вместо правильного — «*причинитель вреда*», создавая тем самым путаницу между договорными и внедоговорными обязательствами.

2. Проблемы с контекстной интерпретацией

ИИ-системы часто не улавливают некоторые нюансы юридического словоупотребления. Например, фразу *The defendant pleaded nolo contendere* ИИ может перевести как «*Подсудимый не стал спорить*», тогда как правильный перевод должен отражать специальное процессуальное значение: «*Подсудимый заявил об отказе оспаривать обвинение без признания вины»*. Аналогично выражение *The court granted summary judgment* должно переводиться как «*Суд вынес решение в порядке упрощенного судопроизводства*», однако ИИ часто дает подстрочный вариант «*Суд подвел итоговое решение*», что особенностей процессуального производства не отражает.

3. Ошибки в системах автоматического составления документов

Серьезные проблемы возникают и при попытке использовать ИИ для составления юридических документов. Например, при запросе на составление искового заявления о взыскании убытков по английскому праву система может использовать термин *compensation* вместо технически точного *liquidated damages*, что существенно меняет правовую природу требований. Аналогично, при подготовке юридического заключения о форс-мажоре ИИ часто различия в регулировании этого института в разных правовых системах не учитывает, смешивая понятия *act of God* (США) и *форс-мажор* (российское право).

4. Ложные аналогии между правовыми системами

ИИ-системы, обученные на общих текстах, часто создают ложные эквиваленты между институтами разных правовых систем. Например, английский институт *trust* ИИ может переводить как *«доверительная собственность»*, хотя в российском праве полноценного аналога не существует. Аналогичная проблема возникает с термином *notary*: различий между нотариусом в США, который лишь удостоверяет подписи клиентов, и нотариусом в странах ЕС, обладающим значительно более широкими полномочиями, ИИ не проводит.

5. Проблемы конфиденциальности

Серьезный риск нарушения конфиденциальности возникает при использовании публичных ИИ-систем. Например, если студент введет в чат-бот фрагмент реального договора NDA (*non-disclosure agreement* — соглашение о неразглашении информации), то эти данные могут попасть в обучающую выборку и впоследствии появляться в ответах другим пользователям, что представляет собой серьезное нарушение норм профессиональной этики.

В качестве рекомендаций по преодолению методических рисков использования искусственного интеллекта в обучении иностранному языку студентов-юристов можно выделить:

1) комбинированный подход: сочетание ИИ с традиционными методами (дискуссии, анализ кейсов, ролевые игры);

2) контроль качества перевода: обязательная проверка преподавателем результатов работы студентов с ИИ при переводе юридических текстов;
3) использование специализированных ИИ-инструментов: внедрение платформ, адаптированных под юридическую лексику (например, на базе корпуса судебных решений);
4) повышение цифровой грамотности — обучение студентов навыкам критического анализа при оценке результатов работы ИИ.

Комбинированный подход: интеграция традиционных и цифровых методов

Эффективное обучение требует разумного сочетания ИИ-технологий с классическими педагогическими приемами. Например, после того как с помощью нейросетевых сервисов (DeepL, Google Translate) юридический текст подвергается автоматизированному переводу, следует организовать детальный разбор результатов перевода. На практическом занятии студенты могут:

— сравнивать машинный перевод с профессиональными эталонами (судебными решениями, официальными переводами международных договоров);
— анализировать типичные ошибки в терминологии (например, когда *indemnity* ошибочно переводится как *«компенсация»* вместо *«возмещение убытков»*);
— моделировать реальные правовые ситуации на основе переведенных документов (проведение переговоров, составление исковых заявлений).

Для развития навыков устной речи с целью генерации диалоговых сценариев (*адвокат-клиент, судья-обвиняемый*) с последующим разбором и коррекцией неточностей в живой дискуссии с преподавателем эффективно использовать ИИ-ассистентов (ChatGPT, Replika).

Многоуровневый контроль качества перевода

Ключевым элементом методики должна стать система проверки ИИ-переводов. Рекомендуется следующий алгоритм:

1) предварительный анализ преподавателем «*проблемных*» терминов, которые чаще всего ИИ искажаются (например, *fiduciary duty* должно переводиться как *«фидуциарная обязанность»,* а не *«доверительная ответственность»);*
2) сравнительный анализ, проводимый студентами:
— сопоставление ИИ-перевода с аутентичными профессиональными переводами (например, официальными переводами решений ЕСПЧ);
— выявление контекстуальных ошибок (в случае, когда *specific performance* ошибочно переводится как *«конкретные действия»* вместо *«исполнения обязательств в натуре»*);
3) финальная экспертная верификация с привлечением юристов — носителей языка.

Специализированные ИИ-решения для юридической лингвистики

Для профессиональной подготовки следует использовать узкоспециализированные инструменты:

1) Переводческие платформы:
— *Smartcat* с подключенными юридическими глоссариями;
— *Linguee* с примерами из реальной судебной практики.
2) Аналитические системы:
— *Lexis+AI* для поиска судебных прецедентов по ключевым фразам;
— *Clio* для генерации и проверки шаблонов документов.
3) Практические задания:
— Анализ кейсов из BAILII (British and Irish Legal Information Institute — База судебных решений Британского и Ирландского Института правовой информации) с последующей обработкой в ChatGPT+Wolfram;
— Сравнительный анализ ИИ-трансляции и профессионального юридического комментария.

Повышение цифровой грамотности и развитие критического мышления у студентов юридических университетов, изучающих иностранный язык

Крайне необходимо формировать у студентов-юристов надежную систему проверки ИИ-контента:

1) Разбор типичных ошибок:
— кейс: в контексте права доверительной собственности (*Trust law*) ИИ переводит *equity* как «*справедливость*»;
— решение: объяснение различий между *equity* (право справедливости) и *fairness*.
2) Алгоритмы верификации: при обнаружении сомнительного перевода работа с авторитетными источниками:
— официальные правовые базы (для права ЕС — Curia);
— общепризнанные учебные пособия и словари (*Blackstone's EU Treaties* и др.).

Дополнительные меры безопасности:

1) Совершенствование этики работы с ИИ:
— запрет на использование конфиденциальных данных (например, при заключении соглашений о мировых сделках);
— ограничения на обработку персональных данных из учебных кейсов.
2) Интеграция ИИ в юридическую практику:
— привлечение практикующих юристов для разбора сложных случаев;
— анализ различий в терминологии системы общего права и континентального права (*common-law system vs civil-law system)*.

Именно подобный комплексный подход позволяет максимально использовать преимущества ИИ, сохраняя при этом необходимый уровень профессиональной точности и отвечая требованиям современного юридического образования. Технологии выступают здесь не как замена, а как эффективный инструмент, требующий грамотного методологического и методического сопровождения.

Ключевым условием эффективного внедрения ИИ в образовательный процесс юридических вузов является соблюдение принципа разумного баланса между технологическими инновациями и традиционными педагогическими подходами. Как показывает исследование, наиболее продуктивной стратегией становится комбинированная модель, где ИИ выполняет вспомогательные функции (первичный перевод, генерация учебных материалов), а ключевые аспекты профессиональной языковой подготовки — формирование коммуникативных навыков, анализ сложных правовых текстов, коррекция терминологических неточностей — остаются под контролем преподавателя-эксперта.

Особое значение в данном методологическом подходе приобретает развитие цифровой грамотности всех участников образовательного процесса. Предполагается, что студенты-юристы должны овладеть не только иностранным языком, но и навыками критической оценки ИИ-контента, понимания характерных для автоматизированных систем ограничений и принципов работы с профессионально ориентированными цифровыми инструментами. Параллельно требуется совершенствование самих ИИ-решений через разработку специализированных лингвистических корпусов, юридических глоссариев и адаптивных алгоритмов, учитывающих особенности различных правовых систем.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке:

1) стандартизированных методик интеграции ИИ в учебные программы юридических вузов;
2) специализированных оценочных инструментов для мониторинга качества ИИ-перевода юридических текстов;
3) этических кодексов использования ИИ в профессиональной языковой подготовке;
4) изменяющихся тактических и стратегических концепций в роли преподавателя иностранного языка в рамках формирования у студентов-юристов языковых, коммуникативных, аналитических и исследовательских навыков.

Таким образом, при условии методически обоснованного внедрения и постоянного контроля качества искусственный интеллект способен стать ценным инструментом в подготовке юристов, сочетающих профессиональные компетенции с высоким уровнем языковой подготовки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Духанина Л. Н., Максименко А. А.* Проблемы имплементации искусственного интеллекта в сфере образования // Перспективы науки и образования. — 2020. — № 4 (46). — С. 23—35.
2. *Иванова А. П.* Искусственный интеллект в сфере права и юридической практике: основные проблемы и перспективы развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Серия 4 : Государство и право. — 2021. — № 1. — С. 90—98.
3. *Курьян С. М., Петрушкевич М. А.* Этические принципы применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе // МНКО. — 2025. — № 2 (111).

4. *Лукичев П. М., Чекмарев О. П.* Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13. — № 1. — С. 485—502.
5. *Сысоев П. В.* Персонализированное обучение на основе технологий искусственного интеллекта: насколько готовы современные студенты к новым возможностям получения образования // Высшее образование в России. — 2025. — Т. 34. — № 2. — С. 51—71.
6. *Титова С. В.* Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам: аналитический обзор // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 18—37.
7. *Шишкова А. В., Никитин С. А.* Технологии искусственного интеллекта и роботизация в инклюзивном образовании: проект применения и этические аспекты //Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика : материалы 1-й Международной научно-практической конференции. — М., 2017. — Т. 4. — С. 296—306.

Эффективность формирования языковой компетенции у будущих юристов с использованием технологий интернет-бота

Петр Ильич ГАЛЬЦОВ,
преподаватель кафедры английского языка, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук
pigalcov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Статья посвящена исследованию эффективности использования телеграм-бота в формировании языковой компетенции у студентов-юристов. Автор рассматривает телеграм-бот как дополнительное средство обучения иностранному языку, обладающее широкими функциональными возможностями: интеграции аудиоматериалов, проведения викторин, организации диалогов и монологов, использования изображений и соревновательных элементов. В экспериментальном обучении, проведенном в течение семестра, выявлено, что использование чат-бота способствует значительному росту лексических и грамматических навыков, а также улучшению коммуникативных умений. Фонетический компонент показал умеренный рост, что объясняется изначально более высоким уровнем его сформированности. Отмечается, что доступность, интерактивность и персонализация бота усиливают вовлеченность студентов в процесс и облегчают практику вне учебных занятий. Автор подчеркивает, что телеграм-бот не является полной заменой традиционных методов обучения, а выступает, скорее, вспомогательным средством для ликвидации пробелов и улучшения уже имеющихся навыков.*

Ключевые слова: *телеграм-бот, информационные технологии, обучение иностранному языку, функции чат-ботов, эксперимент, языковая компетенция, особенности чат-ботов, интерактивность*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.131-138

© Гальцов П. И., 2025

Petr I. GALTSOV,
Lecturer of the Department of the English language
of the Kutafin Moscow State University (MSAL),
Cand. Sci. (Philology)
pigalcov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Effectiveness of the Formation of Language Competence in future Lawyers Using Internet-bot Technologies

Abstract. *The article is devoted to the study of the effectiveness of the use of telegram-bot in the formation of language competence in law students. The author considers telegraphy-bot as an additional means of foreign language teaching, with wide functional possibilities: integration of audio materials, holding quizzes, organization of dialogues and monologues, use of images and competitive elements. In the experimental training conducted during the semester, it was found that the use of chat-bot contributes to a significant increase in lexical and grammatical skills, as well as improving communication skills. The phonetic component showed a moderate growth, which is explained by the higher level of its formation. It is noted that accessibility, interactivity and personalization of the bot enhance students' engagement and facilitate practice outside of the classroom. The author stresses that the telegram bot cannot be a complete replacement for traditional teaching methods, but rather is an auxiliary tool to fill gaps and improve existing skills*
Keywords: *telegram-bot, information technologies, teaching foreign language, chatbot functions, experiment, linguistic competence, features of chat-bots, interactivity*

Актуальность исследования перспектив обучения языкам с применением телеграм-бота и пользовательского контента определена, в частности, тем, что телеграм-бот дает доступ к обширному инструментарию и может поддерживать коммуникативную функцию обучения. Функциональность, доступность и распространенность мессенджера делают возможной разработку сложных программ — телеграм-ботов, которые обладают способностью реализовывать образовательные функции для изучения иностранного языка или выполнения отдельных функций преподавателя, адаптируя условия образовательной практики.

Применение чат-ботов для целей языкового образования или обучения в принципе рассмотрено в достаточно малом количестве научных статей. Так, например, в работе Р. Р. Гатулина и Д. А. Колупаевой применение телеграм-ботов и мессенджера с его программными возможностями рассматривается с позиции таких преимуществ, как ускорение коммуникации, вовлечение в учебный процесс, в том числе во внеучебное время, удобство структурирования и хранения материалов (безграничное хранение в облачном доступе), удобство мониторинга успеваемости за счет фиксации результатов в чатах, доступность приложения и

бесплатный функционал, стимулирование открытого взаимодействия, возможности по накоплению обратной связи и др.[1]

К. В. Кириу, Е. Е. Попова и Ю. Г. Маковецкая придерживаются такой позиции: чат-боты являются самой перспективной технологией в реалиях дистанционного образования, поскольку в ней раскрываются особенные перспективы персонализации, выдачи рекомендаций, внедрения дополнительных функций, автономности, масштабируемости и др.[2]

М. А. Шумилина и А. В. Коробко фокусируются на особенностях разработки телеграм-бота для целей обучения. Авторы раскрывают эффективность и простоту реализации таких функций чат-бота, как управление контентом, структурирование контента, обработка входящих запросов, распределение ролей среди пользователей и преподавателей, поиск курсов, организация тестирования в режиме реального времени, рассылка, сопровождение, обратная связь и др.[3] Управление и структурирование контента являются ключевыми функциями при построении образовательного процесса. Распределение ролей реализует игровую функцию.

Мы хотим сделать акцент и на такой функции, как интегрирующая. Эта функция, помимо простого управления контентом, может также адаптировать и подстраивать контент под уже имеющуюся систему, как компьютерную, так и образовательную.

П. В. Сысоев и Е. М. Филатов, раскрывая преимущества и проблемы применения чат-ботов в обучении иностранному языку, выделяют такие преимущества, как увеличение мотивации, развитие речевых умений, доступность независимо от локации, снижение уровня тревожности. В качестве рисков (спорных вопросов) авторы исследования выделяют: неготовность перехода от работы с преподавателем к работе с машиной, неуниверсальный характер и невозможность достижения владения языком на высшем уровне, шаблонность и некоторую ограниченность[4].

С. О. Шереметьева и соавторы в контексте функциональности чат-ботов в системе языкового образования определяют ведущее значение информационного обогащения их аппаратной части в целях покрытия потребностей в организации коммуникаций и создания условий адаптации чат-бота под конкретного пользователя[5]. Однако для каждого человека потребности и степень вовлеченности во взаимодействии с телеграм-ботом разные. Для максимального раскрытия

---

1 *Гатулин Р. Р., Колупаева Д. А.* Использование мессенджера Telegram для реализации технологии электронного обучения в вузе // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 11—12 (15—16). С. 31—33.

2 *Киуру К. В., Попова Е. Е., Маковецкая Ю. Г.* Новые технологии дистанционного обучения в системе высшего и дополнительного профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75—3. С. 196—199.

3 *Шумилина М. А., Коробко А. В.* Разработка чат-бота на языке программирования Python в мессенджере Telegram // Научные известия. 2022. № 28. С. 47—54.

4 *Сысоев П. В., Филатов Е. М.* Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник ТГУ. 2023. №1. С. 66—72.

5 *Шереметьева С. О., Бабина О. И., Зиновьева А. Ю., Неручева Е. Д.* К вопросу о разработке информационно-насыщенных чат-ботов в гуманитарной сфере коммуникации // Вестник ЮУрГУ. Серия : Лингвистика. 2022. № 4. С. 65—71.

потенциала и развития данных способностей следует больше продвигать обучение информационным технологиям, особенно программированию чат-ботов (но это другая область исследования).

В эксперименте И. В. Осляковой об удержании внимании студентов при традиционном обучении было выявлено, что бóльшая часть испытуемых в общей выборке (91,7 %) не способна удерживать внимание дольше 40 минут. Только 8,3 % испытуемых способны удерживать высокую концентрацию внимания при обучении в течение более одного часа[6]. Это свидетельствует о том, что информация должна поступать постепенно. В технологии телеграм-бота есть возможность планировки контента и его постепенного наполнения и изменения.

А. С. Мартынова предполагает, что пользовательский контент, такой как мемы, определенным образом влияет на запоминание лексики студентами[7]. Мы считаем, что интернет-мемы действительно способствуют вовлечению студентов в процесс обучения и его упрощению. В то же время мы хотим акцентировать внимание на том, что переизбыток мемов может негативно сказаться на образовании. Слишком большое их количество может отвлекать и менять вектор внимания студентов. Следует соблюдать баланс между слишком неформальным и формальным подходами к проведению занятия и контролировать количество мемов в процессе обучения.

Цель исследования — выявить эффективность использования технологии телеграм-бота в обучении иностранному языку будущих юристов. Для этого нам надо проанализировать теоретические основы формирования языковой компетенции, изучить потенциал телеграм-бота как средства обучения, провести эксперимент по внедрению телеграм-бота в учебный процесс, оценить результаты и сделать выводы о целесообразности применения данной технологии.

Говоря о языковой компетенции, мы акцентируем внимание на развитии языковых навыков — фонетической, лексической, грамматической, коммуникативной компетенций.

К фонетическим навыкам мы относим: определение типа слога в словах, выявление ударения, способность интонировать слова или части предложений, поддерживать стабильную скорость чтения.

К лексическим навыкам относятся: практика лексических единиц, использование их в устной и письменной речи, определение контекста перевода единиц в конкретных языковых ситуациях.

К грамматическим навыкам отнесем использование грамматических конструкций вместе с лексическими единицами.

Коммуникативными навыками в данном случае выступают способность вести простейший диалог или монолог, подключая все остальные языковые компетенции.

Наше исследование должно проверить, способен ли телеграм-бот удовлетворить развитие языковой компетенции, практикуя данные навыки.

---

[6] *Ослякова И. В.* Перспективы обучения языкам с применением телеграм-бота и пользовательского контента // Образование и право. 2023. № 7. С. 334—341.

[7] *Мартынова А. С.* Применение интернет-мемов в процессе обучения технической лексике для студентов агроинженерного направления // МНИЖ. 2021. № 6—4 (108). С. 114—118.

Для этого мы рассмотрели интерактивные функции чат-бота:

Выведение аудиозаписей. Аудиофайлы являются очень эффективным средством развития фонетических навыков. В случае с чат-ботом при правильной конфигурации они становятся легкодоступными для использования. Ко всему прочему, интерфейс бота позволяет помещать задания для фонетической практики в непосредственной близости с самими файлами, тем самым упрощая работу для тех, кто имеет сложности с пониманием иностранного языка.

Создание викторин с множеством ответов. Викторины в чат-боте, помимо функции среза уровня знаний, также могут выполнять функцию практики для лексических и грамматических единиц. С использованием интерфейса «кнопок» практика приобретает высокую степень интерактивности.

Система подсчетов и соревновательный элемент. Создание соревновательного элемента дает дополнительную мотивацию для студентов. Эффективной показала себя система подсчетов с дополнительными условиями. Например, при достижении определенного счета могут открываться новые возможности, задания, файлы. Ступенчатая система делает обучение более структурным и понятным.

Выведение изображений и взаимодействие с ними. Взаимодействие с изображениями разбавляет большое количество обычного текста. Возможность развития визуальных навыков поиска или описания картинки также помогает развивать языковую компетенцию.

Задания через общение в чате. Подключение элемента диалога с чат-ботом в формате «вопрос — ответ» создает ощущение легкости повседневного общения. Программирование заданий может быть полезно для развития всех типов языковых навыков. Также с использованием нейросетей и интеграцией их в чат-бот границы использования последнего в рамках развития языковой компетенции стираются.

Сам эксперимент включал в себя следующие этапы:

1) констатирующий;
2) формирующий;
3) контрольный.

На констатирующем этапе мы определили исходный уровень языковой компетенции в экспериментальной группе. По результатам выяснилось, что лексический и грамматический навыки имеют пробелы, в то время как фонетический развит на приемлемом уровне. Коммуникативный навык находится на уровне ниже среднего из-за отсутствия практики в прошлом. В процентном соотношении степень развитости навыков выглядит следующим образом: фонетический навык — 70 %, лексический — 40 %, грамматический — 50 %, коммуникативный — 45 %.

На формирующем этапе мы внедрили в образовательный процесс телеграм-бот и использовали его на протяжении семестра. Чат-бот использовался как дополнительный инструмент практики языковых навыков. Практика навыков подразумевала следующие аспекты:

— фонетический — открытые и закрытие слоги, ударение, чтение на скорость, контрольное чтение;
— лексический — практика лексики по теме «Юриспруденция»;

— грамматический — практика грамматических конструкций: Present Simple, Present Continuous, Present Perfect, Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Passive Voice, Conditionals, Infinitive, Gerund, Modals;
— коммуникативный — ответы на вопросы и создание простейших диалогов и монологов по темам: What is Law?, English Court System, Forms of Business Organization.

Контрольный этап включал итоговое очное тестирование и анализ полученных знаний. Результаты развития языковых навыков выглядят следующим образом: фонетический навык — 70—80 %; лексический — 40—70 %; грамматический — 50—75 % коммуникативный — 45—70 %.

По результатам мы видим, что фонетический навык поднялся, но и не очень значительно. Это свидетельствует об уже имеющейся хорошей базе, но ограниченности возможностей телеграм-бота довести ее до идеала.

Лексический навык показал самый высокий рост благодаря интерактивности и доступности бота на протяжении занятий и вне их, а также благодаря его понятному интерфейсу. В результате опроса студентов выявлены задания, которые особенно выделены ими при работе с телеграм-интерфейсом: упражнения на подбор правильного варианта (multiple choice), задания на вставку пропущенных слов, интерактивные диалоги с выбором ответов, мини-игры (викторины, задание «правда/ложь»).

Грамматический навык был реализован путем заданий на предложения — переводы, а также на викторины с выбором правильного ответа. Эксперимент показал, что составлять викторины через чат-боты оказывается очень удобно благодаря модульной системе и возможности контроля за базой данных. Вот так выглядит примерный код модуля data, в котором хранятся данные по викторинам:

```
PS_QUIZ = [(I ___ in Moscow. [live, lives], live),
(My brother ____ in a hospital. [work, works], works),
(He doesn't _____ day and night. [work, works], work),
(Does she _____ French? [speak, speaks], speak),
(I ___ up at half past 8. [wake, wakes], wake),
(My brother doesn't _____ hands. [wash, washes], wash),
(This pupil _____ telephone on the lesson. [play, plays], plays),
(They don't _____ guitar. [play, plays], play)…]
```

Как видим, варианты представлены *словарями*, в которых находятся кластеры единиц, называемых *кортежами*. В кортежах единицы расположены в следующем порядке: предложение (I ___ in Moscow.), варианты [live, lives] и правильный вариант live. Сам код написан довольно просто и дает возможность дополнять его, соблюдя пунктуацию.

Фонетический навык был закреплен через особый режим практики — чтение на время. Был написан код, который отвечает за выдачу картинок с текстом для студентов. При этом включается таймер, по истечении определенного времени картинка закрывается. Контроль осуществляется педагогом. Если вердикт положителен, можно переходить к следующему упражнению. Если не удалось уложиться вовремя — можно попробовать еще раз. Время чтения и количество ошибок во время чтения являются ключевыми факторами итогового вердикта.

Код содержит удобную структуру и является неизменным, может быть использован и доработан с добавлением функций, новых картинок и условий прохождения.

Но хочется также затронуть недостатки использования чат-ботов в образовании. Например, высокая точность ответов, запрограммированная в телеграм-ботах, чаще всего не дает возможность увидеть нюансы того или иного языкового явления. Недостатком является и то, что пользователи могут слишком полагаться на телеграм-бот, теряя при этом способность к самостоятельному поиску информации. Поэтому доступ к чат-ботам должен тщательно контролироваться.

Еще одним решением может стать создание чат-бота с ограниченным функционалом, который направлен только на отработку тем и доступ к основным лексическим единицам. Использование и интеграция нейросетей в этом плане должны происходить постепенно и в ограниченном количестве.

В заключение хотелось бы сказать, что телеграм-бот показывает высокую степень эффективности в образовательном процессе. Его интеграция в процесс обучения ведет к значительному улучшению навыков студентов, изучающих юридическую тематику. К его преимуществам можно отнести: круглосуточную и быструю доступность, понятный интерфейс, индивидуализацию обучения.

При этом телеграм-бот может быть использован только как дополнительное средство обучения. Несмотря на его преимущества, он не способен заменить стандартные обучающие средства. Однако его потенциал все еще полностью не раскрыт. При дальнейшем развитии информационных программ и добавлении интерактивных возможностей в него в будущем чат-бот может стать еще эффективнее при интеграции в обучающий процесс.

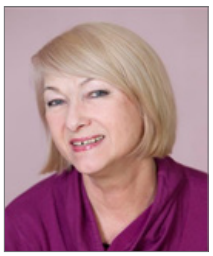
БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гатулин Р. Р., Колупаева Д. А.* Использование мессенджера Telegram для реализации технологии электронного обучения в вузе // Санкт-Петербургский образовательный вестник. — 2017. — № 11—12 (15—16). — С. 31—33.
2. *Киуру К. В., Попова Е. Е., Маковецкая Ю. Г.* Новые технологии дистанционного обучения в системе высшего и дополнительного профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. — 2022. — № 75—3. — С. 196—199.
3. *Мартынова А. С.* Применение интернет-мемов в процессе обучения технической лексике для студентов агроинженерного направления // МНИЖ. — 2021. — № 6—4 (108). — С. 114—118.
4. *Ослякова И. В.* Перспективы обучения языкам с применением телеграм-бота и пользовательского контента // Образование и право. 2023. — № 7. — С. 334—341.
5. *Сысоев П. В., Филатов Е. М.* Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник ТГУ. — 2023. — №1. — С. 66—72.
6. *Шереметьева С. О., Бабина О. И., Зиновьева А. Ю., Неручева Е. Д.* К вопросу о разработке информационно-насыщенных чат-ботов в гуманитарной сфере

коммуникации // Вестник ЮУрГУ. — Серия : Лингвистика. — 2022. — № 4. — С. 65—71.
7. *Шумилина М. А., Коробко А. В.* Разработка чат-бота на языке программирования Python в мессенджере Telegram // Научные известия. — 2022. — № 28. — С. 47—54.

Эффективные методы обучения и способы освоения правовой лексики студентами юридических вузов

Марина Витальевна КИСКИНА,
доцент кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук
mvkiskina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9



Елена Петровна ТКАЧЕВА,
старший преподаватель кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
eptkacheva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье исследуются и освещаются наиболее эффективные методы обучения и способы освоения правовой лексики студентами юридических вузов. Подчеркивается важность успешного освоения правовой лексики студентами-юристами для способности анализировать юридические понятия разных стран. Освоение большого массива правовой терминологии является непростой задачей, поэтому авторы предлагают использование наиболее эффективных методов, которые могут помочь студентам. В статье уделяется внимание видам семантизации лексики, работе с дефинициями, значению контекста. Затрагиваются вопросы значения семантизации синонимов и антонимов, важности фонетической ассоциации. Авторы предлагают использовать на занятиях игровые методы обучения. Уделяется внимание этимологическому анализу слов, словообразованию, наличию интернациональной правовой лексики. Затрагивается эффективное использование кроссвордов и органиграмм. Уделяется внимание успешному использованию деловых игр и презентаций. Основываясь на личном опыте, авторы делают вывод, что лишь комплексный подход использования различных методов обучения способствует успешному освоению правовой лексики.*

Ключевые слова: *методы обучения, правовая лексика, семантизация, контекст, дефиниции, кроссворды, органиграммы, деловые игры, презентации*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.139-146

© Кискина М. В., Ткачева Е. П., 2025

Marina V. KISKINA,
Associate Professor of English Department of
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Philology)
mvkiskina@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Elena P. TKACHEVA,
Senior Lecturer of English Department
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
eptkaceva@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Effective Teaching Methods and Ways of Mastering Legal vocabulary by Students of Universities of Law

Abstract. *The article examines and covers the most effective teaching methods and ways to master legal vocabulary by students of Universities of law. The importance of the successful mastering of legal vocabulary by law students for the ability to analyze legal concepts of different countries is emphasized. Mastering a large array of legal terminology is not an easy task, so the authors suggest using the most effective methods that can help students. The article focuses on the types of vocabulary semantics, working with definitions, the meaning of the context. The significance of the semantics of synonyms and antonyms, the importance of phonetic association is touched upon. The authors suggest using game-based teaching methods in the auditorium. Attention is paid to the etymological analysis of words, word formation and the existence of international legal vocabulary. The effective use of crosswords and organigrams is touched upon. Attention is paid to the successful use of business games and presentations. Based on personal experience, the authors conclude that only an integrated approach to using various teaching methods contributes to the successful mastering of legal vocabulary.*

Keywords: *teaching methods, legal vocabulary, semantics, context, definitions, crosswords, organigrams, business games, presentations*

Современные реалии требуют от студентов юридических вузов не только теоретических знаний в области права, но и освоения профессионального иностранного языка. Сей факт является непреложной истиной, так как Российская Федерация поддерживает международные отношения с иностранными государствами на всех уровнях. Нам необходимы юристы, способные работать с международными документами, налаживать контакты с иностранными предприятиями, участвовать в политической и экономической жизни нашей страны. Поэтому изучение иностранного языка на профессиональном уровне является обязательным для получения высшего образования в Российской Федерации.

Как правило, студенты поступают в вузы с базовым знанием грамматики, общей лексики, в той или иной степени способны работать с устным и письменным текстом. Соответственно, с профессиональной лексикой на иностранном языке они сталкиваются впервые на занятиях в вузе. На данном этапе на преподавателей иностранного языка ложится непростая задача помочь студентам-юристам освоить, запомнить и использовать в речи правовую лексику.

Освоение правовой лексики на иностранном языке способствует развитию профессионального мышления, так как юридические термины в разных языках отражают особенности различных правовых систем. У будущих юристов развивается способность анализировать, сравнивать и разграничивать правовые понятия разных стран. Юридическая лексика позволяет отследить исторические особенности и правовые реалии иностранных государств.

При освоении правовой лексики у студентов появляется возможность обучаться за рубежом. Так, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) предоставляет своим студентам возможность получить полугодовое обучение в юридических вузах Турции и Китая (по обмену). Обучающиеся живут и учатся на территориях данных вузов. Им предоставляется возможность выбрать определенный набор дисциплин. По окончании периода обучения студенты сдают экзамены по пройденным дисциплинам. Все лекции и практические занятия проходят на английском языке. Такой обмен обучающимися позволяет совершенствовать не только теоретические знания в области юриспруденции, но и совершенствовать практические навыки овладения иностранным языком в правоведении.

Освоение правовой лексики студентами юридических вузов предполагает запоминание большого количества терминов, словосочетаний, понятий, дефиниций. В связи с этим преподавателям иностранного языка наряду с традиционными методами обучения необходимо применять современные методы, которые будут способствовать освоению правовой лексики студентами юридических вузов. Необходимо использовать действенные практикоприменимые методы, которые обеспечивают не только запоминание правовой лексики, но и развитие способности к использованию этой лексики в будущей профессиональной деятельности.

В данной статье рассматриваются эффективные, на наш взгляд, методы и способы освоения правовой лексики студентами Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), которые используют преподаватели кафедры английского языка.

Логичным является тот факт, что в начале изучения каждой темы на практическом занятии вводится новая лексика. Введение (семантизация) правовой лексики является важным этапом в процессе обучения, так как в этот период происходит раскрытие значений слов и словосочетаний с целью их полного понимания и адекватного использования в речи. Основные виды семантизации — беспереводные и переводные. Стоит отметить, что в контексте современной методики преподавания иностранного языка беспереводные виды семантизации лексических единиц являются предпочтительными. Их, в свою очередь, можно разделить на вербальные, где используются наглядные материалы, жесты, мимика, и невербальные, где задействованы текст, подбор антонимов и синонимов, словообразование, ассоциации.

Хотелось бы подробнее остановиться на эффективности некоторых способов семантизации. Использование наглядных материалов всегда интересно

студентам и способствует зрительному и слуховому запоминанию слов. Например, при изучении темы «Судебный процесс» (Trial) студентам можно продемонстрировать на экране зал судебного заседания со всеми его участниками. Можно также предложить студентам самим распределить верные места участников судебного процесса (прокурор, судья, присяжные и т.д.).

В контексте темы «Интерпол» затрагивается такое понятие, как «цветные уведомления Интерпола». В связи с этим можно зайти на официальный сайт Интерпола и продемонстрировать студентам, что из себя представляют данные документы и наглядно показать, какая информация в них содержится.

Контекст имеет особое значение при изучении правовой лексики. Контекстное погружение достаточно эффективно, так как позволяет анализировать аутентичные юридические документы, выявлять термины и через «окружение» понимать перевод на родной язык.

Отдельное слово или словосочетание сложнее запомнить, так как нет ассоциаций с определенной ситуацией. А в контексте лексические единицы становятся более понятными и простыми для запоминания. Контекст помогает понять, как слова сочетаются с другими словами, как создаются конструкции. Практика показывает, что эффективнее запоминать слово с определенным значением в словосочетании или даже в предложении. Такой подход к освоению лексики позволяет студентам в дальнейшем правильно и четко выстраивать монологическую и диалогическую речь на иностранном языке.

«С психологической, равно как и с лингвистической, точки зрения несомненно за основную установку следует принять, что слова должны усваиваться в контексте. Значения слов легче семантизируются, если они вписаны в осмысленный контекст»[1].

Существует ряд так называемых контекстуальных упражнений: семантизация слова при подстановке подходящего слова из ряда данных (слова не подходят по контексту, а неизвестное семантизируется в контексте). Замена русского слова или словосочетания из ряда данных на иностранном языке. Полезными в данном ключе являются упражнения «множественный выбор».

Введению новой правовой лексики способствуют дефиниции. Готовые дефиниции полезны при семантизации новой лексики, когда студенты имеют возможность догадаться о значении слова или словосочетания. Введение лексических единиц способом толкования (дефиниции) особенно эффективно, если слова, определяющие значение, известны студентам. Работа с дефинициями развивает лингвистическую компетенцию студентов, мышление, способность видеть суть понятия, выделять его основные признаки.

Студентам можно предложить самим дать определение значению слова. Прежде чем переходить к этой работе, следует обсудить с обучающимися правила формирования дефиниции:

— определение должно строго соответствовать термину;

— определение строится по модели «что — это что»;

[1] *Зеленская А. А., Каменская Э. Е., Медведева И. Л., Рафикова Н. В.* Психологические аспекты взаимодействия слова и текста. Тверь, 1998. С. 158.

— определение формируется по принципу «от родовых признаков (т.е. наиболее общих) к видовым (т.е. более узким)»[2].

В аудитории, с практической точки зрения, работу с дефинициями можно организовать следующим образом: на карточках напечатать слова или словосочетания, на других карточках — дефиниции. Разделить студентов на две команды. Каждая команда должна как можно быстрее соотнести карточки с терминами и дефинициями. Или же каждый студент тянет карточку со словом и устно дает к нему определение. И наоборот — обучающийся зачитывает дефиницию с карточки и угадывает термин.

Семантизация синонимов и антонимов в системе с другими, уже известными словами и словосочетаниями может также быть эффективной. Синонимы помогают наиболее точно выразить мысль, могут выполнять функцию уточнения, детализации. Следует отметить, что синонимы в правовой литературе на иностранном языке помогают разъяснять узкоспециальные термины и латинизмы. Также синонимы позволяют избегать повторения слов (to fight crime — to combat crime).

Антонимия предполагает наличие слов, противопоставленных по значению. Антонимы, являясь контрастными словами, тесно связаны между собой. Будучи взаимоисключающими понятиями, они как бы предполагают друг друга (plaintiff — defendant).

В качестве упражнений на запоминание синонимов и антонимов студентам можно предложить следующее: написать на доске ряд слов и попросить найти в тексте или подобрать по памяти синонимы/антонимы. Запоминанию синонимов и антонимов способствует составление студентами словосочетаний, предложений и небольших связных текстов в качестве домашнего задания. На занятии учащихся можно попросить зачитать свои произведения, а одногруппникам поставить задачу услышать как можно больше синонимичных или антонимичных слов.

Познавательно будет предложить студентам сравнить разные договоры, правовые акты, судебные решения, законы на предмет выявления синонимов и различий в их терминологии.

Неплохим подспорьем в освоении иноязычной правовой лексики может служить фонетическая ассоциация. Такой метод позволяет расширить словарный запас, повышает мотивацию и интерес к новым знаниям. Фонетическая ассоциация предполагает, что слова в русском и иностранном языке могут иметь похожее звучание. Студентов можно попросить придумать языковые созвучия и обменяться ими на занятиях с целью более успешного запоминания лексики (court — кот).

Нам представляется возможным иногда на занятиях применять игру «Крокодил»: один из студентов жестами изображает некий термин или словосочетание из списка изучаемой лексики, а одногруппники должны его угадать и произнести четко вслух. Такой метод освоения иноязычной правовой лексики вызывает интерес и желание запомнить как можно больше слов.

В качестве игрового элемента на занятиях можно использовать, как бы странно это ни звучало, теннисный мяч. Такой метод требует быстрой реакции и вызывает скорость припоминания, позволяет разнообразить занятие, повторить и

[2] *Каменских А. С.* Развитие мышления на уроках английского языка посредством работы с дефинициями // Молодой ученый. 2021. № 53 (395). С. 23—232.

закрепить материал, сменить вид деятельности. Например, преподаватель озвучивает тему с целью закрепления определенной лексики, кидает мяч одному из студентов. От обучающегося требуется назвать слово на заданную тему, антоним или синоним к слову.

Еще один вариант: преподаватель называет тему и передает мяч по кругу. Студенты передают мяч друг другу, называя слова по теме. Можно играть на выбывание: учащийся, не назвавший слово, выбывает из игры.

Иногда случается так, что в один день в той или иной группе проходят сдвоенные занятия по иностранному языку. Два языковых семинара подряд студентам выдержать непросто. В такие моменты игровые методы освоения иностранной лексики помогают не только разнообразить учебный процесс, но и могут быть полезными, несмотря на свою развлекательную составляющую.

Нам представляется интересным предложить студентам ознакомиться с правовыми идиомами. В специализированных словарях можно найти их перевод. Студентам в качестве домашнего задания можно предложить найти идиомы, зачитать их, попробовать догадаться об их значении (on a case-by-case basis — в индивидуальном порядке) и соотнести с похожими идиомами в русском языке (to be above the law — быть вне закона).

В связи с тем, что студенты юридических вузов, как правило, изучают латинский язык, полезным будет прибегнуть к этимологическому разбору терминов и словосочетаний (деликт — delictum — правонарушение). Этимологический анализ на занятиях по иностранному языку способствует развитию лингвистического мышления. В английском языке существует большое количество слов, заимствованных из латинского языка. Знание наиболее распространенных корней латинского происхождения помогает понять значения слов (например, от корня audio — лат. Слушать образованы audience, auditorium). Этимологический анализ позволяет раскрыть историю слов, смысловые особенности, что важно для точного понимания и запоминания юридических терминов. Например, латинское словосочетание habeas corpus дословно означает «ты должен иметь тело». В современном английском языке оно означает «судебный приказ о доставке обвиняемого в суд».

Следует обратить внимание на значительное количество интернациональной правовой лексики, что существенно облегчает запоминание таких терминов (criminal code — уголовный кодекс; suicide — суицид). Но необходимо предупредить студентов о том, что не всегда термины в русском и иностранном языке совпадают по своему звучанию: Ministry of Foreign Affairs — Министерство иностранных дел. Слово affair не может быть переведено как афера.

При освоении правовой лексики следует напомнить студентам о таком явлении, как словообразование. В английском языке способы словообразования следующие: аффиксация, словосложение и сокращение. Аффиксация представляет собой присоединение суффикса или префикса к основе исходного слова (to punish — punishment; legal — illegal). Словосложение представляет собой образование нового слова при соединении двух основ (by-laws; shareholder). Сокращение представляет собой сокращение конца слова (Lord Justice — LJ).

Таким образом, с помощью моделей словообразования студенты имеют возможность существенно пополнить свой словарный запас юридических терминов.

На наш взгляд, полезным и эффективным при освоении и закреплении правовой лексики на иностранном языке также является составление тематических кроссвордов. Данный вид деятельности способствует успешному усвоению изучаемой лексики. Поиск нужных слов позволяет тренировать память, проявлять сообразительность, развивает логическое мышление. Многие исследования подтверждают, что регулярное использование кроссвордов на занятиях по иностранному языку позволяет улучшить краткосрочную и долговременную память. Немаловажным является то, что кроссворды можно использовать в группах студентов с разным уровнем владения иностранным языком. Решение и составление тематических кроссвордов повышает мотивацию к изучению иностранного языка, способствует проявлению творческих способностей и позволяет студентам применять свои знания на практике. При работе с кроссвордами задействована также зрительная память, что что позволяет запомнить не только сами термины, но и их верное написание (орфографию).

При введении новой лексики можно предложить студентам готовый кроссворд. Следует распечатать студентам сетку кроссворда или же начертить ее на доске. Учащиеся читают дефиниции или вопросы и отгадывают слова. При этом особое значение приобретает эффект соревновательности. Можно предложить студентам решать кроссворды в парах на время.

На этапе закрепления лексики в качестве домашнего задания студентам можно предложить составить кроссворды самим. Такой метод представляется нам достаточно эффективным, так как обучающимся необходимо не только включить термины в сетку кроссворда, но и создать определение или вопрос к каждой единице. В дальнейшем на занятии студенты могут обменяться своими работами и решить кроссворды своих одногруппников. В данном случае имеет огромное значение развитие аналитического мышления.

Также полезным при освоении лексики на иностранном языке будет составление органиграмм (схем). Такой метод позволяет систематизировать правовую иноязычную лексику, структурировать ее. Органиграммы показывают отношения между словами (синонимы, антонимы, ассоциативные связи, словообразование), позволяют группировать слова логически. Визуализация в данном случае также способствует сохранению терминов в долговременной памяти.

Можно предложить студентам следующее задание: в центре доски написать термин, учащиеся подбирают ассоциативные с ним связи из новой лексики и из пройденного материала. Это могут быть антонимы, синонимы, прилагательные, глаголы, предлоги, словообразовательные элементы. Или же написать термин на доске, провести от него несколько стрелок, далее предложить ряд определений, читая которые, студенты должны подобрать ассоциацию к каждой стрелке. Также учащиеся могут составить собственные органиграммы в качестве домашнего задания.

Деловая игра на занятиях иностранного языка в юридических вузах имеет особое значение, так как позволяет рассмотреть ситуации, приближенные к реальным условиям профессиональной деятельности. Данная методика позволяет формировать профессиональную иноязычную коммуникативную компетенцию будущего юриста.

Деловые игры способствуют интеграции изучаемой студентами правовой лексики на иностранном языке с профессиональными навыками. Конечно, деловые игры требуют тщательной подготовки: разработки сценария, распределения ролей. Более сложные роли следует отдать студентам с достаточным владением иностранным языком, менее сложные — более слабым участникам. Данный вид деятельности всегда увлекает студентов, позволяет проявить не только свои знания, но и артистизм и взаимопомощь.

Деловые игры на занятиях по иностранному языку могут быть весьма разнообразными: имитация судебного разбирательства, консультация клиента юристом, совместная работа над заключением договора, собеседование на соискание должности юриста и т.д.

Презентация может также служить эффективным методом освоения правовой лексики на иностранном языке. При демонстрации презентации термины изучаются не изолированно, а в рамках конкретной темы. Визуализация облегчает понимание значений слов и словосочетаний. Студенты имеют возможность использовать новую лексику в логически связанных предложениях. Слушающие воспринимают информацию визуально и на слух, что вдвойне способствует успешному освоению нужной лексики.

Опираясь на собственный опыт, можно сделать вывод, что не существует единого высокоэффективного метода обучения правовой лексике. Комплексный подход в использовании разных методов обучения позволяет достичь значительных успехов в освоении правовой лексики студентами юридических вузов. Такой разносторонний подход позволяет не просто запоминать слова и словосочетания, а формировать устойчивый словарный запас, что является неотъемлемой частью языковой компетенции современного юриста.

БИБЛИОГРАФИЯ

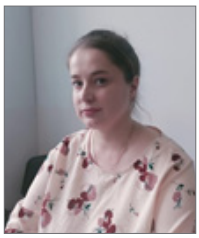
1. *Зеленская А. А., Каменская Э. Е., Медведева И. Л., Рафикова Н. В.* Психологические аспекты взаимодействия слова и текста. — Тверь, 1998.
2. *Каменских А. С.* Развитие мышления на уроках английского языка посредством работы с дефинициями // Молодой ученый. — 2021. — № 53 (395). — С. 230—232.

Использование QR-кодов в процессе обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку в контексте диалога культур

Аннотация. *В статье рассмотрены возможности применения QR-кодов в процессе обучения юристов-студентов иностранным языкам, а также показаны преимущества данного подхода. Авторы показывают конкретные примеры использования QR-кодов в учебных материалах, а также описываемые результаты исследований, подтверждающие эффективность этого метода обучения. Понимание иностранного языка в контексте диалога культур имеет большое значение для успешной юридической практики, и использование QR-кодов может стать новым инструментом в достижении этой цели. Авторы считают, что использование QR-кодов обладает значительным дидактическим потенциалом. Во-первых, данный метод позволяет создать интерактивное окружение, где студенты могут взаимодействовать с различными материалами, включая аудио, видео, статьи и другие ресурсы, связанные с культурными аспектами и правовыми системами разных стран. Во-вторых, использование QR-кодов обеспечивает быстрый и удобный доступ к дополнительным образовательным ресурсам через мобильные устройства. Студенты могут просканировать QR-код с помощью камеры своего смартфона или планшета и мгновенно получить доступ к материалам, таким образом, минимизируется необходимость поиска информации в Интернете или в библиотеке. В-третьих, использование QR-кодов способствует развитию навыков самостоятельной работы и исследования.*

Ключевые слова: *QR-код, образовательное пространство, студенты-юристы, иностранный язык, диалог культур, педагогическая технология, профессионально ориентированное обучение, интерактивное обучение*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.147-158



Ольга Ивановна МИШУРОВА,
старший преподаватель кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), соискатель степени кандидата наук
oimishurova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Светлана Васильевна ГУЗЕЕВА,
доцент кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат педагогических наук, доцент
svguzeeva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© Мишурова О. И., Гузеева С. В., 2025

Olga I. MISHUROVA,
Senior Lecturer of English Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctoral student
oimishurova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Svetlana V. GUZEEVA,
Associate professor of English Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Pedagogy, Associate Professor
svguzeeva@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Applying QR Codes in the Process of Teaching Law Students a Professionally Oriented Foreign Language in the Context of Dialogue of Cultures

Abstract. *In this article the possibilities of appliance of QR codes in the process of teaching foreign languages to law students and also the advantages of this approach are considered. The authors show specific examples of appliance of QR codes in teaching materials, as well as the described results of research confirming the effectiveness of this teaching method. Understanding of a foreign language in the context of cultural dialogue is of great importance for successful legal practice, and the use of QR codes can become a new tool in achieving this goal. The authors believe that the use of QR codes has a significant didactic potential. Firstly, this method allows creating an interactive environment where students can interact with various materials, including audio, video, articles and other resources related to cultural aspects and legal systems of different countries. Secondly, the use of QR codes provides quick and convenient access to additional educational resources through mobile devices. Students can scan a QR code with the camera of their smartphone or tablet and instantly access the materials, thus minimising the need to search for information on the internet or in the library. Thirdly, the use of QR codes promotes the development of independent work and research skills.*
Keywords: *QR code, educational space, law students, foreign language, dialogue of cultures, pedagogical technology, professionally oriented training, interactive training*

В современном обществе, где информационные технологии развиваются стремительными темпами, использование QR-кодов в образовательном пространстве для межкультурной коммуникации и культурной интеграции[1] становится все более популярным и широко применяемым инструментом. С помощью QR-кодов можно передавать информацию и обеспечивать быстрый доступ к ней, что, оптимизируя обучение, делает их идеальным дидактическим

[1] *Гальчук О. В.* Использование информационно-коммуникационных технологий в контексте диалога культур в современном образовательном пространстве // Информационно-коммуникационные технологии в современном образовательном пространстве : сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического семинара. М. : ИХОиК РАО, 2019. С. 36—42.

инструментом. На наш взгляд, одним из основных преимуществ использования QR-кодов в процессе обучения является повышение интерактивности и активного вовлечения студентов в образовательный процесс. Вместо традиционной формы передачи информации, предполагающей чтение и перевод текстов, механическое выполнение упражнений из учебника, студенты могут самостоятельно исследовать и получать информацию, отсканировав QR-коды на различных ресурсах и получить доступ к интерактивным заданиям, видеороликам, аудиозаписям и другим материалам, способствующим развитию языковой компетенции, тем самым успешно решается проблема оптимизации обучения как научно обоснованного выбора процесса обучения, который выдающимся советским педагогом Ю. К. Бабанским рассматривался с точки зрения успешности решения учебных задач[2].

Повышение эффективности обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку является важной задачей, решением которой занимаются преподаватели кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Т. А. Аганина[3], Е. А. Дегтярева[4], Н. Ю. Ильина[5], Л. А. Киселева[6], О. С. Ковригина[7], К. Я. Матияшина[8], Н. Б. Ченцова[9] и др.

---

[2] *Бабанский Ю. К.* Оптимизация процесса обучения: общедидактический аспект. М. : Педагогика, 1977.

[3] *Аганина Т. А.* Функционально-тематические модули по иностранному языку для магистрантов юридических специальностей // Язык специальности: актуальные вопросы теории и практики : избранные тезисы докладов международной научно-практической конференции, 2013—2016 гг., Москва, 1 января 2013 г. — 31 декабря 2016 г. / отв. ред. В. О. Филиппов. М. : Макс Пресс, 2017. С. 22—23.

[4] *Дегтярева Е. А., Ильина Н. Ю.* Сочинительные фразеологизмы в англоязычной юридической терминологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 10 (86). С. 56—61.

[5] *Ильина Н. Ю.* Изучение английского языка в меняющемся мире // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума / Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6—8 апреля 2023 г. : в 3 ч. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 361—364.

[6] *Ильина Н. Ю., Киселева Л. А.* Межкультурная коммуникация в профессиональных мультикультурных сообществах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 11 (51). С. 54—58.

[7] *Ковригина О. С.* Экологический подход к преодолению языковых Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума / Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6—8 апреля 2023 г. : в 3 ч. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 376—379.

[8] *Ильина Н. Ю., Матияшина К. Я.* Учебное пособие для специалистов в сфере прокурорской деятельности как средство формирования профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы : сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции) : в 3 ч. Москва, 8—12 апреля 2024 г. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 315—318.

[9] *Киселева Л. А., Ченцова Н. Б.* Особенности организации и контроля самостоятельной работы студентов-юристов заочной формы обучения // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума / Универ-

Цель нашей статьи — рассмотреть основные аспекты применения QR-кода в повседневной практике обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку в контексте диалога культур.

Педагогическая технология «диалог культур» основана на идеях М. М. Бахтина (культура как диалог), В. С. Библера (концепция диалога), В. С. Выготского (идея внутренней речи) и в современном образовательном пространстве используется и как «компонент обучения соответствующим навыкам поиска решения разнообразных задач»[10], и как «реализация потребности во взаимодействии, взаимопомощи, взаимообогащении»[11]. Информационно-коммуникативные технологии, являясь неотъемлемой частью российского образовательного пространства, оптимизируют учебный процесс, оказывая активное влияние на процесс обучения и воспитания студентов, так как изменяют схему передачи знаний и методы обучения[12].

Методы и принципы исследования

Методологической основой исследования явились современные исследования в области методологии педагогики и общей теории образования (Ю. К. Бабанский); теории диалога культур в современном научно-гуманитарном знании (М. М. Бахтин, В. С. Библер, В. С. Выготский); анкетирование студентов-юристов и преподавателей иностранного языка гуманитарных вузов; наблюдение за учебной деятельностью студентов; изучение методик применения современных информационно-коммуникативных технологий в образовании, которые рассматривались автором на основе принципов конкретности, объективности, системности и диалогичности.

Обсуждение

QR-коды представляют собой двухмерные штрих-коды, которые содержат информацию в виде текста или ссылки на веб-страницы. Они могут быть легко отсканированы с помощью смартфона или планшета, что делает их удобными для использования в различных сферах жизни, включая образование.

Как показывает практика, мобильные устройства и приложения легко интегрируются в учебный процесс, делают его более эффективным и способствуют выстраиванию индивидуальных образовательных траекторий. Современные студенты имеют доступ к большому объему информации из мировых источников

ситет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6—8 апреля 2023 г. : в 3 ч. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 380—383.

[10] *Демшина А. Ю.* Технология «Диалога культур» в обучении искусствоведов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 4 (33). С. 179—183.

[11] *Севач А. В.* Диалог культур в контексте межкультурных коммуникаций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 4 (36). С. 106—109.

[12] *Яковлев А. И.* Информационно-коммуникационные технологии в дистанционном обучении : доклад на круглом столе «ИКТ в дистанционном образовании». М. : МИА, 1999.

через свои гаджеты[13]. Современная образовательная среда диктует новые условия предоставления теоретических и практических знаний при обучении студентов в вузах. Считается, что качественное образование возможно только в условиях новой парадигмы, ориентированной на применение информационно-коммуникационных технологий[14], например QR-кодов.

Представляется, что перед внедрением в образовательный процесс новых технологий необходимо проанализировать их преимущества и определить их дидактический потенциал.

Итак, QR-коды могут быть использованы для совершенствования навыков чтения и лучшего понимания прочитанного[15]. Можно создавать QR-коды, содержащие различные тексты или отрывки из юридической литературы на иностранном языке. Отсканировав код, студенты могут детально работать над текстом, его переводом и анализом. Это помогает студентам ознакомиться с особенностями профессионально ориентированного иностранного языка.

Кроме того, использование QR-кодов позволяет индивидуализировать процесс обучения. Преподаватели могут создавать персонализированные QR-коды со ссылками на упражнения и задания, которые соответствуют уровню и специализации каждого студента. Таким образом, студенты могут выбирать задания, соответствующие их потребностям и уровню владения языком. Это позволяет каждому студенту работать в своем темпе и сосредоточиться на конкретных навыках или темах.

Кроме того, использование QR-кодов способствует активному взаимодействию студентов и преподавателей. Преподаватели могут создавать QR-коды со ссылками на опросы, обратную связь или другие формы активного участия студентов. Студенты могут сканировать коды и сразу же получать обратную связь или участвовать в дискуссии на определенную тему, что помогает создать более личностно-ориентированную и интерактивную образовательную среду.

Однако при использовании QR-кодов необходимо учитывать некоторые возможные ограничения или проблемы. Так, не все студенты могут иметь доступ к устройствам с возможностью сканирования QR-кодов или не уметь пользоваться соответствующими приложениями. Это может создавать некоторые неудобства или неравенство в доступе к информации. Поэтому при использовании QR-кодов в образовательном процессе необходимо обеспечить альтернативные способы доступа к информации для всех студентов (например, распечатанный материал).

Таким образом, использование QR-кодов в процессе обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку имеет множество

---

[13] *Бурлуцкая Н. А.* QR-коды как средство повышения мотивации обучения // Наука и перспективы. 2016. № 1.

[14] *Коннова З. И., Семенова Г. В.* Технологии дополненной и виртуальной реальностей: инновации в обучении иностранным языкам в вузе // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. № 3.

[15] *Матияшина К. Я.* История применения онлайн-инструментария для формирования умений профессиональной межкультурной коммуникации в современном университете // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 3 (836). С. 107—117.

преимуществ. QR-коды повышают интерактивность образовательного процесса, способствуют развитию навыков чтения и понимания, индивидуализации процесса обучения и активному взаимодействию студентов и преподавателей. Однако необходимо учитывать ограничения и обеспечивать равный доступ к информации для всех студентов.

Одним из главных преимуществ использования QR-кодов в образовательном процессе является возможность обеспечить быстрый и удобный доступ к дополнительным материалам. Часто учебники или лекции не могут вместить всю необходимую информацию, но с помощью QR-кодов студенты могут получить доступ к дополнительным материалам в виде видео-, аудио-, интерактивных тестов и других ресурсов, которые помогут им лучше понять и запомнить материал.

Другим преимуществом использования QR-кодов является возможность обратной связи между преподавателем и студентами. С помощью QR-кодов студенты могут легко отправлять свои задания или отчеты преподавателю, что упрощает процесс проверки и оценки. Кроме того, преподаватели могут использовать QR-коды для организации опросов или определения уровня понимания студентов. Это позволяет преподавателям быстро отслеживать уровень усвоения знаний студентов и адаптировать материалы или методы обучения в соответствии с их потребностями.

Еще одним преимуществом использования QR-кодов является возможность создания интерактивных заданий или игр, которые могут способствовать более эффективному запоминанию материала. QR-коды могут быть размещены в различных местах, например на стендах или на страницах учебников, и студенты могут сканировать их, чтобы получить доступ к заданиям или играм. Такой подход делает учебный процесс более интересным и вовлекающим, что может повысить мотивацию студентов к изучению иностранного языка.

Кроме того, использование QR-кодов способствует развитию навыков самостоятельной работы у студентов. Сканирование QR-кодов требует от студентов самостоятельности и активного участия в обучении. Они должны уметь найти необходимую информацию, сканировать QR-коды и анализировать полученные материалы. Такой подход развивает навыки поиска и анализа информации, которые студенты могут применять не только в учебе, но и в своей будущей профессиональной деятельности.

По нашему мнению, использование QR-кодов в процессе обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку дает множество преимуществ: обеспечивает быстрый доступ к дополнительным материалам, облегчает коммуникацию между преподавателями и студентами, способствует интерактивному обучению и развивает навыки самостоятельной работы, снимает психологические барьеры, связанные с изучением иностранного языка[16]. Все это позволяет студентам более эффективно изучать иностранный язык и готовиться к своей будущей профессиональной деятельности в юридической сфере.

[16] *Гузеева С. В., Матияшина К. Я.* Психологические барьеры студентов при изучении юридического английского языка // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 10 (86). С. 43—50.

Основные результаты

Для большего понимания осведомленности преподавателей иностранного языка о данной образовательной технологии нами было проведено анкетирование, содержащее следующие вопросы:

1. Что такое QR-код:
   a) кодированный изображение, хранящий информацию;
   b) устройство для сканирования документов;
   c) метод обучения иностранным языкам.
2. Какие данные могут быть закодированы в QR-коде:
   a) текстовая информация;
   b) ссылки на веб-страницы;
   c) все вышеперечисленное.
3. Как можно считать QR-код:
   a) с помощью мобильного приложения для сканирования;
   b) с помощью фотоаппарата;
   c) с помощью специального сканера.
4. В каких областях может быть использован QR-код:
   a) реклама и маркетинг;
   b) образование и педагогика;
   c) все вышеперечисленное.
5. Для чего QR-код используется в педагогической сфере:
   a) для быстрого доступа к дополнительным материалам;
   b) для автоматической регистрации посещаемости;
   c) для облегчения процесса проверки домашних заданий.
6. Какие преимущества имеет использование QR-кода в педагогике:
   a) увеличение интерактивности и мотивации студентов;
   b) улучшение доступности и эффективности обучения;
   c) все вышеперечисленное.
7. Какие недостатки могут быть у QR-кода в образовательном процессе:
   a) ограниченная доступность сканеров;
   b) ограниченная скорость передачи данных;
   c) отсутствие поддержки на некоторых устройствах.

Далее приведем полученные нами результаты:

— на первый вопрос более 90 % респондентов ответили, что QR-код — это кодированное изображение, хранящее информацию;
— на второй вопрос 85 % преподавателей ответили, что QR-коды содержат ссылки на веб-страницы;
— на третий вопрос почти все респонденты ответили, что QR-код можно считать с помощью камеры мобильного телефона;
— все опрошенные считают, что применение QR-кодов возможно во всех областях общественной жизни;
— на пятый вопрос мнения разделились: 55 % считают, что QR-коды можно использовать для быстрого доступа к дополнительным материалам, 45 % полагают, что таким образом можно облегчить процесс проверки домашнего задания;

— на шестой вопрос был дан однозначный ответ, что применения QR-кодов в педагогике способствует увеличению интерактивности и мотивации студентов;
— в качестве недостатка преподаватели отметили, что не у всех обучающихся может отсутствовать современный мобильный телефон.

Как показали результаты нашего анкетирования, в котором приняли участие 73 преподавателя иностранного языка в гуманитарных вузах, а также анализ научно-практических статей, в настоящее время в педагогическую терминологию прочно вошло понятие «QR-код», однако в методическом понимании и употреблении этого термина остается много белых пятен.

QR-коды являются уникальным инструментом, который может быть эффективно использован в образовательном процессе для обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку. Они предоставляют возможности для интерактивного и гибкого обучения, которые соответствуют требованиям современного поколения студентов и содействуют развитию их профессиональных навыков, а также языковой личности студентов[17].

QR-коды могут служить в качестве моста между учебником и дополнительными материалами, которые помогут студентам более глубоко понять материал и расширить свой словарный запас. Например, преподаватель может разместить QR-коды на страницах учебника, которые будут вести к онлайн-словарю или глоссарию специализированной юридической терминологии на иностранном языке. Таким образом, студенты смогут быстро получить доступ к разъяснениям и дополнительным примерам использования терминов без необходимости тратить время на поиск информации в других источниках.

QR-коды могут быть использованы для проведения интерактивных междисциплинарных семинаров, уроков-викторин (и многих других форм учебных занятий) на основе использования, например очень важного для будущих юристов ораторского искусства, литературы, возможностей театра. Например, при работе над темой «Русские юристы и русская классическая литература» QR-коды помогут разместить огромный массив информации на темы «А. Н. Островский: от студента-юриста к создателю русского драматического театра»[18] или «Юридический аспект названия первой пьесы А. Н. Островского “Банкрот” (“Свои люди — сочтемся”)», что не только поможет студентам повысить свой уровень знаний, но и добавит некоторую познавательно-игровую составляющую в процесс обучения.

Преподаватель может разместить QR-коды с вопросами, соответствующими уровню восприятия, который позволяет зрителю или слушателю открыть и увидеть за событийной стороной произведения его глубинное смысловое значение

[17] *Мишурова О. И.* Технологии обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11 (111). С. 178—185.

[18] *Гальчук О. В.* Использование информационно-коммуникационных технологий в контексте диалога культур в современном образовательном пространстве // Информационно-коммуникационные технологии в современном образовательном пространстве : сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического семинара. М. : ИХОиК РАО, 2019. С. 36—42.

(контекст — текст — подтекст)[19] на различных **учебных станциях с QR-кодами** в классной комнате или в других местах, где проводится занятие. Студенты, используя свои мобильные устройства, сканируют QR-коды и отвечают на поставленные вопросы. Это не только позволяет проверить знания студентов, но и развивает их способность решать задачи и принимать решения в команде.

QR-коды могут быть использованы для создания мнемонических карт, которые помогут студентам запомнить сложные правила грамматики или формулы. Преподаватель может создать набор карт с QR-кодами, каждый из которых будет ссылаться на страницу или видеоролик, содержащий дополнительные пояснения и примеры использования определенной грамматической конструкции или правила. Это позволит студентам повторять и закреплять материал в любое удобное время, что способствует более эффективному усвоению информации.

QR-коды могут быть использованы для создания индивидуальных учебных планов, которые помогут студентам самостоятельно организовать свое обучение и отслеживать свое продвижение. Преподаватель также может создать набор QR-кодов, каждый из которых будет ссылаться на конкретный учебный материал или задание, соответствующее индивидуальным потребностям и способностям студентов. Такие учебные планы будут мотивирующим фактором и помогут студентам достигать поставленных целей в обучении.

Использование QR-кодов в процессе обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку предоставляет преподавателям и студентам новые возможности для более эффективного и интерактивного обучения. QR-коды могут быть использованы для доступа к дополнительным материалам, проведения на уроках викторин, создания мнемонических карт и индивидуальных учебных планов. Такие технологии позволяют студентам развивать навыки самостоятельной работы и повышает их мотивацию к изучению иностранного языка.

Основные критерии оценки эффективности рассматриваемого метода и его преимущества для студентов-юристов, обучающихся профессионально ориентированному иностранному языку, следующие.

Первым критерием оценки эффективности использования QR-кодов является степень усвоения учебного материала. Студенты должны овладеть не только базовыми знаниями языка, но и специфической терминологией, связанной с юридической сферой. Использование QR-кодов позволяет студентам получить доступ к дополнительным материалам, таким как статьи, законодательные акты, судебные решения, что способствует глубокому и систематическому изучению предмета.

Второй критерий оценки — увлекательность обучения. Использование QR-кодов добавляет интерактивности в процесс обучения, что делает его более привлекательным для студентов. Они могут самостоятельно исследовать, искать информацию и решать различные задачи, используя свои навыки чтения и понимания иностранного языка. Это создает атмосферу сотрудничества и активного

[19] Проблема одаренности в современном научном знании и образовательном пространстве : сборник научно-практических материалов по итогам Всероссийского научно-практического кластера. М. : ИХОиК РАО, 2021.

взаимодействия между преподавателем и студентами, что положительно влияет на качество обучения.

Третьим критерием оценки эффективности является скорость и доступность обучающего материала. QR-код позволяет студентам моментально получить доступ к дополнительным материалам, необходимым для расширения их знаний и улучшения навыков владения иностранным языком. Это очень удобно и экономит время, которое ранее было бы потрачено на поиск и оформление дополнительной информации.

Преимущества использования QR-кодов в обучении профессионально ориентированному иностранному языку являются очевидными. Во-первых, QR-коды могут быть размещены на различных материалах, таких как учебники, презентации, что позволяет студентам легко получить доступ к дополнительным ресурсам, связанным с учебным материалом. Во-вторых, использование QR-кодов позволяет индивидуализировать процесс обучения, учитывая различные уровни знаний и потребности каждого студента. Они могут самостоятельно выбирать исследуемый материал, вносить изменения в задания, проверять свои знания, давать самооценку.

Заключение

Оценка эффективности использования QR-кодов в обучении профессионально ориентированному иностранному языку на основе диалогического принципа свидетельствует о том, что данный метод является полезным и эффективным инструментом для студентов-юристов. Он способствует более глубокому усвоению учебного материала, высокой скорости и доступности обучающего материала, делает обучение более увлекательным.

Преимущества использования QR-кодов включают возможность индивидуализации обучения и учета потребностей каждого студента. Следовательно, QR-коды могут быть охарактеризованы как эффективное инновационное средство в обучении студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку в контексте диалога культур.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аганина Т. А.* Функционально-тематические модули по иностранному языку для магистрантов юридических специальностей // Язык специальности: актуальные вопросы теории и практики : избранные тезисы докладов международной научно-практической конференции 2013—2016 гг., Москва, 1 января 2013 г. — 31 декабря 2016 г. / отв. ред. В. О. Филиппов. — М. : Макс Пресс, 2017. — С. 22—23.
2. *Бабанский Ю. К.* Оптимизация процесса обучения: общедидактический аспект. — М. : Педагогика, 1977. — 256 с.
3. *Бурлуцкая Н. А.* QR-коды как средство повышения мотивации обучения // Наука и перспективы. — 2016. — № 1.

4. *Гальчук О. В.* Использование информационно-коммуникационных технологий в контексте диалога культур в современном образовательном пространстве // Информационно-коммуникационные технологии в современном образовательном пространстве : сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического семинара. — М. : ИХОиК РАО, 2019. — С. 36—42.
5. *Гальчук О. В.* Фольклорно-мифологические мотивы в драматургии А. Н. Островского: методический аспект // Педагогика искусства. — 2022. — № 4. — С. 67—72.
6. *Гузеева С. В., Матияшина К. Я.* Психологические барьеры студентов при изучении юридического английского языка // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 10 (86). — С. 43—50.
7. *Дегтярева Е. А., Ильина Н. Ю.* Сочинительные фразеологизмы в англоязычной юридической терминологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 10 (86). — С. 56—61.
8. *Демшина А. Ю.* Технология «Диалога культур» в обучении искусствоведов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2017. — № 4 (33). — С. 179—183.
9. *Ильина Н. Ю., Киселева Л. А.* Межкультурная коммуникация в профессиональных мультикультурных сообществах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 11 (51). — С. 54—58.
10. *Ильина Н. Ю.* Изучение английского языка в меняющемся мире // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума / Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6—8 апреля 2023 г. : в 3 ч. — М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — С. 361—364.
11. *Ильина Н. Ю., Матияшина К. Я.* Учебное пособие для специалистов в сфере прокурорской деятельности как средство формирования профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы : сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции) : в 3 ч. Москва, 8—12 апреля 2024 г. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — С. 315—318.
12. *Киселева Л. А., Ченцова Н. Б.* Особенности организации и контроля самостоятельной работы студентов-юристов заочной формы обучения // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума / Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6—8 апреля 2023 г. : в 3 ч. — М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — С. 380—383.
13. *Ковригина О. С.* экологический подход к преодолению языковых Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума / Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6—8 апреля 2023 г. : в 3 ч. — М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — С. 376—379.
14. *Коннова З. И., Семенова Г. В.* Технологии дополненной и виртуальной реальностей: инновации в обучении иностранным языкам в вузе // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2021. — № 3.

15. *Матияшина К. Я.* История применения онлайн-инструментария для формирования умений профессиональной межкультурной коммуникации в современном университете // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — Образование и педагогические науки. — 2020. — № 3 (836). — С. 107—117.
16. *Мишурова О. И.* Технологии обучения студентов-юристов профессионально ориентированному иностранному языку // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11 (111). — С. 178—185.
17. Проблема одаренности в современном научном знании и образовательном пространстве : сборник научно-практических материалов по итогам Всероссийского научно-практического кластера. — М. : ИХОиК РАО, 2021. — 136 с.
18. *Севач А. В.* Диалог культур в контексте межкультурных коммуникаций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2010. — № 4 (36). — С. 106—109.
19. *Яковлев А. И.* Информационно-коммуникационные технологии в дистанционном обучении : доклад на круглом столе «ИКТ в дистанционном образовании». — М. : МИА, 1999. — 14 с.

Искусственный интеллект в развитии лингвистического опыта студентов неязыковых вузов (на примере преподавания английского языка в юридическом вузе)

Аннотация. *Исследование роли искусственного интеллекта в активизации лингвистического опыта студентов неязыковых вузов на занятиях английского языка является актуальной темой для современного высшего образования. Использование вариативности цифровых технологий в процессе преподавания английского языка студентам нелингвистических вузов обеспечивает разработку новых подходов к образовательному процессу. В статье рассматриваются результаты применения искусственного интеллекта в преподавании английского языка студентам бакалавриата юридических специальностей. Задания, созданные с помощью современных технологий, дают возможность моделировать иноязычную среду для активизации лингвистического опыта студентов, развития межкультурной коммуникации, а также формирования знаний в иноязычной профессиональной сфере. Результатом исследований по применению разработанных заданий является повышение качества образования в сфере иностранного языка, усиление мотивации, а также применение знаний в профессиональной сфере на международном уровне. Использование инструментов искусственного интеллекта позволяет моделировать лингвистический опыт студентов в профессиональной сфере, используя английский язык как еще одну компетенцию специалиста в сфере юриспруденции.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, английский язык для специальных целей, высшее образование, нелингвистический вуз, юридические специальности, лингвистический опыт, педагогическое моделирование*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.159-166

Елена Николаевна ПОЛЮДОВА,
доцент кафедры иностранного языка Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат педагогических наук
info@rut-miit.ru
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9

© Полюдова Е. Н., 2025

Elena N. POLYUDOVA,
Department of Foreign Language
of the Russian University of Transport (MIIT),
Cand. Sci. (Pedagogy)
info@rut-miit.ru
9/9, ul. Obraztsova, Moscow, Russia, 127994

Artificial Intelligence in the Development of Linguistic Experience of Non-Linguistic University Students (on the Example of Teaching English at a Law University)

Abstract. *The study of the role of artificial intelligence in activating the linguistic experience of students of non-language universities in English classes is a contemporary topic for modern higher education. Using the variability of digital technologies in the process of teaching English to students of non-linguistic universities provides new approaches to the educational process. The article considers the results of the application of artificial intelligence for legal specialties in teaching English to undergraduate students. Tasks created with the help of modern technologies provide an opportunity to model a foreign-language environment to activate students' linguistic experience, develop intercultural communication, as well as form knowledge in the foreign-language professional sphere. The result of research on the application of the developed tasks is to improve the quality of education in the field of foreign language, increase motivation and apply information in the professional sphere at an international level. The use of artificial intelligence tools allows modeling the linguistic experience of students in the professional sphere, using English as another competence of a specialist in the field of jurisprudence.*
Keywords: *Artificial intelligence, English for special purposes, higher education, non-linguistic university, legal specialties, linguistic experience, pedagogical modeling*

Цифровая трансформация современного образования, характеризующаяся активным внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ), открывает новые горизонты для методики преподавания иностранных языков. Особую актуальность этот процесс приобретает в неязыковых вузах, где изучение иностранного языка является не целью, а инструментом для решения профессиональных задач. В условиях ограниченного количества аудиторных часов и разнородного уровня подготовки студентов традиционные методы обучения зачастую оказываются недостаточно эффективными. В этой связи возникает необходимость поиска инновационных подходов, способных активизировать лингвистический опыт студентов, сделав обучение комплексным: персонализированным, интерактивным и профессионально ориентированным.

Цель данной статьи — проанализировать потенциал искусственного интеллекта в развитии лингвистического опыта студентов неязыковых вузов на примере

преподавания английского языка для юридических специальностей в нелингвистическом вузе. В работе рассматривается теоретическое содержание понятия «лингвистический опыт», предлагаются конкретные задания с применением ИИ и оценивается их эффективность.

Обзор литературы

Понятие лингвистического опыта является центральным для данного исследования, рассмотрение которого основывается на содержательном аспекте понятия «опыт». По версии М. Фасмера, этимологически «опыт» происходит от корня «пыт-» и означает «пробное молоченье» — действия с зерном для подготовки его к использованию[1]. В. И. Даль приводит глагол «опытать, опытывать» в значении «опросить, допросить, изведать, искусить»[2]. Таким образом, опыт — это испытание, проба, попытка, знание, полученное через практику и осмысление. Опыт в языке существует как показатель результата достижения человеком чего-то нового, неизвестного. Важной чертой является его постоянное развитие, изменчивость, незавершенность: первое, пробное молоченье, после которого следует полноценная деятельность, обработка урожая.

В самом слове заложен механизм развития познания, приобретение знаний в процессе практической деятельности (один из синонимов, приводимый В. И. Далем, — изведка). Обратим внимание на выделяемые В. И. Далем черты человека, обладающего опытом, опытного: «искусившийся опытом, бывалый, знающий и умеющий, живший, видавший, делавший много, привычный к какой работе, сведущий не только на словах, но и на деле»[3]. Опытность становится сродни знанию и, как пишет В. И. Даль, нередко заменяет ученье. Опытный человек много видел, много делал в какой-либо сфере деятельности, осмыслил это, и в результате обладает знанием, о котором может и рассказать, но может и продемонстрировать свои знания на практике. Этот человек, безусловно, заслуживает уважения, такое опытное знание признается как драгоценное, неповторимое, свойственное человеку определенной профессии.

Обобщая существующие определения, можно выявить следующие свойства опыта:

1) развитие и сформированность умений и навыков на основе деятельности;
2) характеристика личности человека: любознательность, неуспокоенность в поиске нового;
3) формирование в процессе проб и попыток в определенных условиях деятельности, которые затем перерастают в знания.

Применительно к изучению иностранного языка лингвистический опыт можно определить как совокупность знаний, навыков и умений, приобретенных в

[1] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986—1987. Т. 3. С. 147.

[2] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Терра, 1995. Т. 3. С. 688—689.

[3] *Даль В. И.* Указ. соч. С. 689.

процессе изучения и практического применения языка, позволяющих эффективно использовать его для достижения профессиональных целей. Это не статичное знание, а динамический процесс, включающий цифровую грамотность, критическое мышление и навыки самостоятельного обучения.

Современные исследователи, например С. А. Золотарева[4] и К. М. Куликова[5], подчеркивают, что цифровые инструменты в целом и ИИ в частности значительно повышают эффективность обучения и способствуют формированию лингвистического опыта в рамках как основного, так и факультативного курсов. С. Е. Каплина[6] и А. В. Ткаченко[7] отмечают широкие возможности ИИ, позволяющие объединять изучение иностранного языка с тематикой профессионально ориентированных материалов. Н. А. Копылова, Ш. А. Оцоков и М. А. Слепнева[8] акцентируют внимание на широте возможностей мобильных приложений в преподавании иностранных языков для специальных целей. Работы зарубежных исследователей, в частности G. L. Liu[9] и F. Tang[10], обращают особое внимание на роль мотивации и удовольствия от изучения языка, а также развитие критического мышления через использование цифровых иммерсивных технологий. Однако, несмотря на растущий интерес, проблема целенаправленного использования именно ИИ для развития лингвистического опыта в контексте юридического образования изучена недостаточно.

Проблема и методы исследования

Основная проблема данного исследования заключается в поиске эффективных методов активизации лингвистического опыта, который бы выходил за рамки

---

[4] *Золотарева С. А.* Эффективность использования цифровых инструментов при обучении английскому языку студентов неязыкового вуза // Преподаватель XXI век. 2024. № 2—1. С. 131—139.

[5] *Куликова К. М.* Разработка факультативного курса «Основы искусственного интеллекта» в рамках иноязычного обучения в профессиональных целях в неязыковом вузе // МНКО. 2024. № 2 (105) С. 327, 329, 332.

[6] *Каплина С. Е.* Особенности обучения иностранному языку студентов неязыковых направлений в условиях цифровизации современного образования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2024. № 1. С. 14, 21, 23.

[7] *Ткаченко А. В.* Possibilities of implementing digital tools in teaching English to modern specialists in the customs sphere // МНКО. 2024. № 5 (108). С. 219—221.

[8] *Копылова Н. А., Оцоков Ш. А., Слепнева М. А.* Мобильная поддержка иноязычного профессионального образования в профильной сфере // МНКО. 2025. № 1 (110). С. 40.

[9] *Liu G. L., Zhang Y., Zhang R.* Examining the relationships among motivation, informal digital learning of English, and foreign language enjoyment: An explanatory mixed-method study // ReCALL. 2024. Vol. 36. No. 1. P. 78.

[10] *Tang F.* Understanding the role of digital immersive technology in educating the students of English language: does it promote critical thinking and self-directed learning for achieving sustainability in education with the help of teamwork? // BMC psychology. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 1—14.

пассивного усвоения лексики и грамматики и был направлен на формирование способности применять язык в реальных профессиональных ситуациях. Традиционные методы часто не обеспечивают необходимой персонализации, оперативной обратной связи и погружения в аутентичный профессиональный контекст. Для решения этой проблемы было проведено исследование, в котором использовался комплекс методов. Теоретический анализ был направлен на изучение научной литературы по проблеме использования ИИ в образовании и лингводидактике. Педагогический эксперимент заключался в апробации заданий, разработанных с использованием ИИ, в группах студентов-юристов. Метод педагогического наблюдения дал возможность собрать данные о мотивации, вовлеченности и академическом прогрессе студентов. Обобщение результатов и формулирование выводов было проведено с помощью аналитического метода.

В качестве решения предлагается интеграция инструментов ИИ в учебный процесс преподавания английского языка для юридических специальностей по следующим ключевым направлениям:

1. *Персонализация обучения.* И позволяет адаптировать контент под уровень и потребности каждого студента. Алгоритмы могут анализировать ошибки и предлагать индивидуальные траектории повторения и закрепления материала.
2. *Автоматизация обратной связи.* Системы на основе ИИ (например, Grammarly, QuillBot) способны мгновенно проверять письменные работы студентов — от эссе до юридических документов — не только грамматику, но и стиль, адекватность использования терминологии и логику изложения.
3. *Создание интерактивных и аутентичных учебных ситуаций.* Чат-боты и генеративные модели (например, на базе GPT) могут имитировать реальные профессиональные сценарии: диалог с клиентом, судебные прения, переговоры с коллегами.

Задания такого типа основываются на характеристиках опыта. Моделирование профессиональных ситуаций на основе деятельности не только интернализирует знания, но и развивает умения и навыки в процессе попыток в определенных условиях. Поиск новых решений на основе знаний в условиях интерактивного диалога с ИИ позволяет активизировать мотивацию студентов, проявлять любознательность, пытливость в поиске нового.

Рассмотрим примеры заданий для студентов-юристов.

Задание 1. Чат-бот для юридической практики. Целью данного задания является развитие навыков устной речи в рамках юридического дискурса по определенной тематике. Как отмечает П. И. Лобеева[11], чат-боты позволяют практиковать язык в интерактивном режиме, способствуя лучшему усвоению материала. Студенты взаимодействуют с чат-ботом, который выступает в роли клиента. Так, при изучении темы Civil Law могут быть инициированы диалоги в рамках данной юридической проблематики и соответствующей изученной лексики (например, *trespass*, *nuisance*, *injunction*. My neighbor is violating the boundaries of my land plot. What can I do?). Студент должен задать уточняющие вопросы, проанализировать

[11] *Лобеева П. И.* Методическая модель обучения фразовым глаголам английского языка с использованием чат-ботов // Вестник ТГУ. 2024. № 5. С. 1283.

ситуацию и дать предварительную консультацию на английском языке, используя соответствующую лексику.

Задание 2. Автоматическая проверка и составление юридических документов. Целью данного вида заданий является формирование навыков профессионального письма на определенную юридическую тему с соблюдением стилистических особенностей и формата. Студенты пишут договор или меморандум на английском языке. ИИ-инструмент (например, специализированный модуль в ChatGPT или DeepSeek в формате DeepThink) проверяет текст на соответствие юридическим клише, точность терминов (например, различие между *shall* и *must*), структуру и логику. По мнению Е. Е. Кувшиновой[12], ИИ позволяет автоматизировать проверку заданий, экономя время преподавателя и предоставляя студенту мгновенную обратную связь. С одной стороны, это эффективная практика для работы с документацией на иностранном языке, с другой — преподаватель может положиться на обоснованную обратную связь со стороны ИИ. Наиболее важной частью работы в этом формате является отработка стандартизированного стиля наряду с подробными комментариями со стороны ИИ о недочетах и вариантах их исправления.

Задание 3. Генерация и анализ юридических кейсов с целью развития аналитического и критического мышления. Как подчеркивает F. Tang[13], цифровые иммерсивные технологии способствуют развитию критического мышления и самостоятельного обучения. По запросу либо студентов (продвинутый уровень), либо преподавателя (начальный уровень) ИИ генерирует краткое описание казуса по международному праву или сравнительной юриспруденции (например, Generate a case study on a copyright infringement dispute between a US and a EU company). Студенты анализируют кейс, идентифицируют правовые проблемы и предлагают решение, аргументируя его на английском языке. В данном задании комплексно объединяются различные виды речевой деятельности, от чтения кейса до создания списка аргументов и их представления в устном виде.

В процессе работы с использованием заданий подобного вида среди студентов 1-го курса бакалавриата юридических специальностей были получены следующие результаты. Повышение мотивации отметили 85 %: в процессе опросов студенты отмечали, что занятия с использованием ИИ стали более увлекательными и практико-ориентированными. С точки зрения академической успеваемости качество выполнения письменных работ по составлению и пониманию юридических документов в экспериментальной группе улучшилось на 25 % по сравнению с контрольной группой, обучавшейся без использования указанных заданий. Прогресс в развитии профессионально-языковых компетенций выражался в умении студентов воспринимать юридическую терминологию в аутентичных контекстах, строить аргументацию и вести профессиональный диалог. Задания такого типа позволили студентам повысить цифровую грамотность, расширить спектр использования ИИ, освоить навыки эффективного и критического взаимодействия с ИИ как с инструментом для решения профессиональных задач.

---

[12] *Кувшинова Е. Е.* Применение искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Гуманитарий Юга России. 2024. №2. С. 82.

[13] *Tang F.* Op. cit. P. 10.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что искусственный интеллект является мощным инструментом для развития лингвистического опыта студентов неязыковых вузов. Интеграция ИИ в образовательный процесс позволяет перейти от пассивного усвоения языка к активному его «проживанию» и использованию в смоделированных профессиональных ситуациях. Это способствует не только улучшению языковых навыков, но и формированию профессиональной идентичности будущего юриста, готового к работе в международной среде. Важно подчеркнуть, что ИИ не заменяет преподавателя, а трансформирует его роль. Преподаватель становится фасилитатором, куратором и наставником, который помогает студентам критически оценивать информацию, выбирать подходящие инструменты и развивать коммуникативные навыки, не поддающиеся автоматизации.

Перспективы дальнейших исследований могут быть определены в следующих направлениях. На основе широкого спектра современных эмпирических исследований необходимы аналитические обзоры приемов и способов использования ИИ в педагогической практике.

При определении наиболее эффективных тенденций применения ИИ возможна разработка комплексных методик, сочетающих использование ИИ с другими цифровыми технологиями (VR, AR) с целью создания глубоко иммерсивных образовательных сред для более обширного поля моделирования лингвистического опыта студентов. Важно проведение лонгитюдных исследований для оценки долгосрочного воздействия ИИ на профессиональную карьеру выпускников.

В рамках правомочности использования ИИ и его вариантов остро стоит вопрос разработки этических кодексов и рекомендаций по использованию ИИ в образовании, направленных на предотвращение плагиата, обеспечение конфиденциальности данных и критическое восприятие информации, генерируемой ИИ. В аспекте формирования профессиональной компетентности преподавателей иностранных языков необходимы создание и апробация курсов повышения квалификации для преподавателей по работе с ИИ-инструментами в образовательном процессе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Терра, 1995. — Т. 3. — С. 688—689.
2. *Золотарева С. А.* Эффективность использования цифровых инструментов при обучении английскому языку студентов неязыкового вуза // Преподаватель XXI век. — 2024. — № 2—1. — С. 131—139.
3. *Каплина С. Е.* Особенности обучения иностранному языку студентов неязыковых направлений в условиях цифровизации современного образования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. — 2024. — № 1. — С. 14—23.

4. *Копылова Н. А., Оцоков Ш. А.*, *Слепнева М. А.* Мобильная поддержка иноязычного профессионального образования в профильной сфере // МНКО. — 2025. — № 1 (110). — С. 38—42.
5. *Кувшинова Е. Е.* Применение искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Гуманитарий Юга России. — 2024. — №2. — С. 75—84.
6. *Куликова К. М.* Разработка факультативного курса «Основы искусственного интеллекта» в рамках иноязычного обучения в профессиональных целях в неязыковом вузе // МНКО. — 2024. — № 2 (105) — С. 327—332.
7. *Лобеева П. И.* Методическая модель обучения фразовым глаголам английского языка с использованием чат-ботов // Вестник ТГУ. — 2024. — № 5. — С. 1275—1289.
8. *Ткаченко А. В.* Possibilities of implementing digital tools in teaching English to modern specialists in the customs sphere // МНКО. — 2024. — № 5 (108). — С. 219—221.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М. : Прогресс, 1986—1987. — Т. 3.
10. *Liu G. L., Zhang Y., Zhang R.* Examining the relationships among motivation, informal digital learning of English, and foreign language enjoyment: An explanatory mixed-method study // ReCALL. — 2024. — Vol. 36. — No. 1. — P. 72—88.
11. *Tang F.* Understanding the role of digital immersive technology in educating the students of English language: does it promote critical thinking and self-directed learning for achieving sustainability in education with the help of teamwork? // BMC psychology. — 2024. — Vol. 12. — No. 1. — P. 1—14.

Коммуникативный тренинг на разных этапах овладения иностранным языком в вузе

Жанна Георгиевна ПОПОВА,
преподаватель кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат психологических наук
ggpopova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В данной статье представлена авторская технология проведения коммуникативного тренинга на разных этапах овладения студентами иностранным языком в вузе, в том числе и на уровне среднего профессионального образования, включенного в систему вуза. Автор обозначает проблематику и специфику такого вида тренинга, дает свое определение коммуникативного тренинга в процессе овладения студентами иноязычной речевой деятельностью в вузе, отличное от имеющегося в научной литературе, что составляет его теоретическую новизну. Оригинальность статьи заключается в разработанной автором технологии коммуникативного тренинга с подробным описанием его этапов. Уделяется большое внимание роли преподавателя в разработанном коммуникативном тренинге, которая определяется как роль наставника и эксперта. Автор также демонстрирует свою оригинальную разработку коммуникативного тренинга на конкретном примере, что может представлять научно-практический интерес в плане обмена опытом в педагогической деятельности.*

Ключевые слова: *коммуникативный тренинг, иноязычная речевая деятельность в вузе, коммуникативно-деятельностный подход, антропоцентрическая парадигма, технология проведения коммуникативного тренинга, специфика коммуникативного тренинга, содержание коммуникативного тренинга, критерии отбора учебного материала, этапы коммуникативного тренинга, характеристики коммуникативного тренинга, роль преподавателя как наставника и эксперта*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.167-174

© Попова Ж. Г., 2025

Zhanna G. POPOVA,
Teacher of the English Language Department
of the Kutafin Moscow State University (MSAL),
Cand. Sci. (Psychology)
ggpopova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Communicative Training at Various Stages of Foreign Language Acquisition at the University Level

Abstract. *This article presents the author's technology for conducting communicative training at different stages of foreign language acquisition by university students, including the secondary vocational education integrated into the university system. The author addresses the issues and specifics of this type of training, offering her original definition of communicative training for students' foreign language speech activity in higher education that differs from the existing ones in the scientific literature, thereby establishing its theoretical novelty. The originality of this article lies in the author's developed communicative training technology with a detailed description of its stages. The teacher's role in the developed communicative training is also emphasized and defined as the mentor and the expert. The author presents her original communicative training design with the specific example, which may be of scientific and practical interest for experience sharing in pedagogical practice.*
Keywords: *communicative training, foreign language speech activity in higher education, communicative-activity approach, anthropocentric paradigm, technology of the communicative training, specifics of communicative training, content of communicative training, criteria for selecting teaching material, stages of the communicative training, characteristics of communicative training, the role of the teacher as the mentor and expert*

Приступая к рассмотрению вопроса коммуникативного тренинга, сразу оговорюсь, что речь в данной статье будет идти о коммуникативном тренинге в процессе овладения студентами иноязычной речевой деятельностью. Такой вид тренинга не идентичен психологическому тренингу, который имеет свою специфику и другую форму организации, но имеет и сходные черты, поскольку и тот, и другой вид тренинга происходит в малой группе, в результате обоих тренингов достигается развитие личности в целом.

Тема коммуникативного тренинга активно обсуждается в научном профессиональном сообществе, признается востребованность коммуникативного тренинга в преподавании иностранных языков в вузе. Однако проведенный анализ научной литературы по данной теме показывает, что на сегодняшний день не существует единого, общепризнанного в научном плане определения коммуникативного тренинга применительно к овладению студентами иноязычной речевой

деятельностью в вузе, соответственно, нет единого понимания того, как такой тренинг должен проводиться в технологическом и системном плане.

В связи в этим предлагаю свое *определение коммуникативного тренинга в процессе овладения студентами иноязычной речевой деятельностью в вузе* — это такой вид тренинга, который, являясь системным образовательным продуктом, ставит своей целью развитие иноязычного профессионального образования студентов и их личности в целом.

Как показал аналитический обзор научной литературы по данной тематике, прежде всего для нелингвистических вузов на уровне магистратуры, востребованность коммуникативных тренингов в вузе отмечается многими исследователями, которые видят перспективность данного направления. Однако, на мой взгляд, востребованность коммуникативного тренинга очевидна не только на уровне магистратуры нелингвистических вузов, но и на уровне бакалавриата, специалитета, а также на уровне среднего профессионального образования (СПО), встроенного в систему вуза. Другое дело, что требования к проведению коммуникативного тренинга на уровне СПО, бакалавриата, специалитета и магистратуры различны, и это необходимо принимать во внимание, продумывая содержательно-целевой компонент коммуникативного тренинга, исходя из целей высшего образования и среднего профессионального образования, закрепленных в федеральных образовательных стандартах.

В настоящее время интерес к коммуникативному тренингу в практике преподавания иностранного языка в вузе возрастает, у студентов всех уровней обучения после пандемии появился запрос на «реальное общение» в очном формате. Коммуникативный тренинг в процессе овладения студентами иноязычной речевой деятельностью в вузе является востребованным, так как связан с реальными образовательными и личными запросами самих студентов.

В основе разработки и проведения коммуникативного тренинга в процессе овладения студентами иноязычной речевой деятельности в вузе z использую *коммуникативно-деятельностный подход*[1].

Реализация коммуникативно-деятельностного подхода осуществляется через специально созданные для каждого конкретного тренинга упражнения на развитие коммуникативных умений аудирования, чтения, говорения и письма, отобранные по критериям и содержанию заявленной темы, а также через решение конкретных коммуникативных задач, которые ставятся перед студентами вуза в процессе проведения коммуникативного тренинга на иностранном языке.

Разработанный коммуникативный тренинг осуществляется в русле *антропоцентрической парадигмы*[2], т.е. с учетом запросов студентов как равноправных

[1] *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1972 ; *Зимняя И. А.* Психологические основы обучения говорению на иностранном языке. М. : Просвещение, 1985 ; *Дмитренко Т. А.* Современные технологии обучения иностранному языку в системе высшего образования : учебное пособие. М. : МПГУ, 2020 ;

[2] *Гальскова Н. Д.* Основные парадигмальные черты современной методической науки // Иностранные языки в школе. 2011. С. 2—11 ; *Крупченко А. К.* Стратегии современной языковой политики России // Аксиология иноязычного образования. Вып. 3 : Материалы V Международной научно-практической конференции. М. : Издательство Академии по-

участников всего образовательного процесса в проведении коммуникативного тренинга (тема, содержание, цели обучения — языковые, профессиональные, личные).

Роль преподавателя в разработанной мною технологии коммуникативного тренинга — это роль *наставника и эксперта*, который создает необходимую обучающую атмосферу на занятии в вузе и предоставляет студентам возможность использовать и практиковать иностранный язык, концентрируясь на использовании языка и процессе обучения иностранному языку в учебной группе — *сообществе.* Студенты учатся через сотрудничество и обмен опытом, развивая не только речевые умения, но и столь востребованные сегодня на профессиональном рынке труда «мягкие» навыки — soft skills — умения работать в команде через иноязычную коммуникацию и сотрудничество.

Отбор содержания для коммуникативного тренинга рассматривается через призму преподавания и обучения и в итоге ориентируется на конечный результат — компетенцию по ФГОС ВО и СПО и компетентность студентов как личностное интегральное понятие.

Отбор учебного материала для проведения коммуникативного тренинга производится по критериям: научной значимости, аутентичности, практической значимости, соответствия учебного материала возрастному уровню студентов, соответствия иноязычного учебного материала уровню владения студентами иностранным языком, проблемной ориентированности учебного материала, развития положительной мотивации студентов в процессе проведения коммуникативного тренинга, а также по критерию развития всех видов иноязычной речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение, письмо) в процессе проведения коммуникативного тренинга.

Разработанная технология проведения коммуникативного тренинга включает в себя следующие этапы:

1 этап — предварительный (Warm — up) — ввод студентов в тему коммуникативного тренинга. На данной этапе преподаватель интервьюирует каждого студента, выясняя личную заинтересованность в теме и ожидания, связанные с этим тренингом. Цель — оценить установки студентов, и использовать их в положительном ключе, мотивируя их тем самым на активное включение в процесс коммуникативного тренинга. На данном этапе также реализуются аксиологический подход, учитывающий запросы и потребности самих студентов.

2 этап — представление преподавателем теоретического материала по теме коммуникативного тренинга в форме интерактивной лекции.

3 этап — просмотр аутентичного видео по теме коммуникативного тренинга и обсуждение его.

4 этап — чтение аутентичного источника (статьи) по теме коммуникативного тренинга и подготовка минипроекта.

5 этап — выступление групп с презентацией своего минипроекта и оценка его результатов экспертными группами.

вышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2016. С. 14—25.

6 этап — организация обратной связи со студентами по результатам проведения коммуникативного тренинга.

7 этап — саморефлексия преподавателя по результатам проведения коммуникативного тренинга.

Характеристики коммуникативного тренинга включают: работу в парах, в группе, работу в диаде — ведущий (преподаватель) и группа; правила группы — доброжелательное отношение друг к другу, положительная психологическая обстановка (поддержки и сотрудничества); преподаватель — наставник и эксперт; цель коммуникативного тренинга, которую принимают и разделяют все участники группы.

Коммуникативный тренинг, представляя собой *системный образовательный продукт*, должен быть подчинен одной цели, иметь одно содержание и длиться в течение одного или с перерывом двух академических часов. Тема тренинга может быть связана с темой учебно-методического материала, используемого в процессе обучения студентами, а также разработана исходя из интересов и будущей профессиональной специализации студентов.

В качестве примера приведу разработанный мною коммуникативный тренинг по востребованной в студенческой среде теме — Тайм-менеджмент с подробным методическим комментарием.

1 этап — ввод в тему (Warm-up)

Good morning, dear students! How are you?

The theme of our training today is “Time management”.

Please define your expectations of this training.

Студенты делятся своими ожиданиями.

The theme of our training today is “Time management”.

Please define your expectations of this training.

Студенты делятся своими ожиданиями.

Ввод в тему коммуникативного тренинга осуществляется через погружение студентов в среду иноязычного общения, знакомства с ними, установлению Rapport.

Преподаватель обозначает тему коммуникативного тренинга — “Time management” и просит студентов поделиться своими ожиданиями от тренинга — Prediction. Таким образом студенты определяют свои цели.

2 этап — представление преподавателем теоретического материала по теме коммуникативного тренинга в форме интерактивной лекции.

Before we start, please answer the following questions: What do you know about time management? Are you a good time manager? Is it important to gain time management skills in your field? Why?

And now let me touch upon some theoretical and practical points of defining what Time management is based on the following book — Time Management which was written by Brian Tracyt. Перед проведением интерактивной лекции преподаватель активизирует речемыслительную деятельность студентов, предлагая им подискутировать на тему предстоящего тренинга (Discussion).

Во время прослушивания интерактивной лекции — Academic listening — по теме Time Management развиваются умения письма — Taking notes while listening.

3 этап — просмотр аутентичного видео по теме коммуникативного тренинга и обсуждение его.

Listen to the following video and make an outline of the presentation by taking down the key ideas that are being shared by the speaker:

URL: https://www.youtube.com/watch?v=wxba4ewskrc

Work in mini-groups and share your outlines with you classmates. Choose one representative from each group to present your ideas before the whole group. Ask questions and evaluate each work group by the following criteria: content; language; structure.

What ideas did you find interesting? Why? Support your ideas. Group feedback.

На данном этапе коммуникативного тренинга студентам предлагается посмотреть аутентичное видео по теме заявленного тренинга. Аудирование живой аутентичной речи способствует развитию мотивации у студентов. На данном этапе происходит развитие умения аудирования (*S*kim listening / Listening for gist), а также аудирование с пониманием основного содержания, с извлечением основной информации; ознакомительное аудирование, а также развитие умения письма (Taking notes while listening).

На этом этапе коммуникативного тренинга также происходит развитие умения говорения (монолог по изучаемой теме Oral reporting / Oral report; путь сверху вниз, обсуждение строится на основе текста), создается условно-речевая ситуация, метод — коммуникативный, предлагается групповая дискуссия — Group free discussion.

4 этап — чтение аутентичного источника (статьи) по теме коммуникативного тренинга и подготовка минипроекта.

And now please work in mini-groups and read the following articles:

URL: https://corporatefinanceinstitute.com/resources/careers/soft-skills/time-management-list-tips;

URL: https://www.bbc.com/worklife/article/20170612-why-you-should-manage-your-energy-not-your-time; URL: https://www.bbc.com/worklife/article/20180904-why-time-management-so-often-fails.

Your task is to prepare a mini-project: memo — your top tips for Time management.

Be ready to present your mini-project before the audience.

На данном этапе коммуникативного тренинга происходит развитие умения чтения с выборочным извлечением информации из трех предложенных статей по актуальным проблемам тайм-менеджмента, что предполагает также развитие умения письма по заявленной теме: Making notes while reading; Product-oriented writing; Note-making.

5 этап — выступление групп с презентацией своего минипроекта и оценка его результатов экспертными группами.

Каждая группа представляет свой минипроект перед аудиторией, другие группы выступают в роли экспертов, доброжелательно оценивая своих коллег по заявленным критериям оценки.

На данном этапе коммуникативного тренинга каждая минигруппа представляет защиту своего минипроекта — Reporting-back по заявленной теме, а затем осуществляется оценка его результатов экспертными группами — Evaluating group work.

6 этап — организация обратной связи со студентами по результатам проведения коммуникативного тренинга.

And now please give me your feedback: what was the most interesting and useful for you today?

Студенты в формате обратной связи подводят итоги проведенного коммуникативного тренинга. На данном этапе осуществляется обратная связь — Feedback, которая необходима для оценки эффективности проведенного тренинга.

7 этап — саморефлексия преподавателя по результатам проведения коммуникативного тренинга.

Критерием успешности коммуникативного тренинга могут стать различные варианты оценки эффективности коммуникативного тренинга: профессиональное тестирование; анкетные данные обратной связи, полученные как от самих участников коммуникативного тренинга, так и от независимых экспертов.

Коммуникативный тренинг в процессе овладения студентами иноязычной речевой деятельности может обладать содержательными и организационными возможностями и эффективно использоваться в процессе обучения студентов иностранному языку на разных этапах овладения иностранным языком в вузе.

Однако реализация этих возможностей будет возможна при продуманной технологии проведения коммуникативного тренинга как системного образовательного продукта, разрабатываемого преподавателем под конкретную тему определенного курса английского языка по конкретным специальностям высшего образования, исходя из целей высшего и среднего профессионального образования, закрепленных в федеральных образовательных стандартах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М. : ИКАР, 2009.
2. *Гальскова Н. Д.* Основные парадигмальные черты современной методической науки // Иностранные языки в школе. — 2011. — С. 2—11.
3. *Дмитренко Т. А.* Современные технологии обучения иностранному языку в системе высшего образования : учебное пособие. — М. : МПГУ, 2020.
4. *Зимняя И. А.* Психологические основы обучения говорению на иностранном языке. — М. : Просвещение, 1985.
5. *Крупченко А. К.* Стратегии современной языковой политики России // Аксиология иноязычного образования. — Вып. 3 : материалы V Международной научно-практической конференции. — М. : Издательство Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2016. — С. 14—25.
6. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. — М. : Просвещение, 1972.
7. *Мильруд Р. П., Максимова И. Р.* Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам // Инространные языки в школе. — 2000. — № 4. — С. 9—16.
8. *Пассов Е. И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. — М. : Русский язык, 1989.
9. *Сафонова В. В.* Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. — М. : Еврошкола, 2004.

10. *Ricards Jack C.* Communicative Language Teaching Today. — New York : Cambridge University Press, 2006.
11. *Richards Jack C., Theodore Rodgers*. Approaches and Methods in in Language Teaching. — 2nd ed. — New York : Cambridge University press, 2001.
12. *Skehan P.*. Second language acquisition research and task-based instruction // J. Willis and D. Willis (eds). Challenge and change in Language Teaching. — Oxford : Heinemann, 1996.
13. *Swan M.* Language teaching is teaching language // IATEFL Annual Conference report. — 1996. — P. 34—38.
14. *Willis Jane*. A Framework for Task-based Learning. — Harlow : Longman, 1996.

Способы повышения мотивации к изучению иностранного языка в юридическом вузе

Эльвира Борисовна ТЕРЕХОВА,
старший преподаватель кафедры иностранных языков, Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ebterekhova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье обозначена проблема, с которой столкнулось современное высшее юридическое образование, а именно противоречие между низким уровнем сформированности мотивационно-ценностного отношения к учебной деятельности обучающегося и современными требованиями общества и государства к подготовке специалистов юридического профиля. На основе анализа учебно-воспитательного процесса в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) автором приведены рекомендации по использованию технологий, которые наиболее эффективно стимулируют изучение иностранного языка, что приводит к росту как профессиональных юридических, так и общекультурных компетенций. Автор также говорит о влиянии общего культурного уровня студента на рост гражданственности и необходимости отстаивания морально-этических принципов в период проведения специальной военной операции.*

Ключевые слова: *мотивация, противоречие, иностранный язык, профессиональные юридические компетенции, современные образовательные технологии, культурный уровень студента*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.175-181

Elvira B. TEREKHOVA,
Senior teacher of Foreign languages department of the Kutafin Moscow State University (MSAL)
ebterekhova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Ways of Rising Motivation for Learning a Foreign Language in a Legal University

Abstract. *The article highlights the problem which current legal education is facing at the moment: it is the contradiction between the low level of value-motivation of modern students and the requirements of the state and society for legal professionals. This discrepancy should be eradicated which is especially relevant in the period of the special military operation. On the basis of the analysis of the educational process in Kutafin Moscow State Legal University (MSAL) the author provides the advice on the use of technologies stimulating the growth of both professional legal skills and general culture skills; the author stresses the emergency of taking serious*

© Терехова Э. Б., 2025

measures aimed at increasing of patriotism and morality in the period of the special military operation.
Keywords: *motivation, contradiction, the foreign language, professional legal and general culture skills, educational technologies, patriotism, students' cultural level*

Педагогика высшей школы всегда находилась на передовых позициях современного образования. На сегодняшний день одной из важнейших задач является модернизация всей системы профессионального образования, в том числе и юридического профессионального образования. В связи с этим возникает необходимость использования таких методов и технологий обучения, которые способны обеспечить непрерывное развитие профессиональных знаний и умений, а также творческого мышления. Все эти качества могут оказаться особенно востребованы сейчас, в период специальной военной операции. Поэтому проблема мотивации выходит на передний план.

Современная педагогика в юридическом вузе имеет свои особенности и отличительные черты. Подготовка специалиста в области юриспруденции должна быть нацелена на обучение и воспитание патриота и профессионала, готового защищать интересы граждан и участвовать в разработке законов, которые будут регулировать жизнь современного общества. Именно поэтому педагогика высшей школы призвана постоянно совершенствовать как теоретические, так и методические основы обучения и воспитания современных юристов.

Одной из особенностей обучения в вузе является характер взаимоотношений двух субъектов учебного процесса: обучающих и обучающихся. С сожалением надо признать, что лишь относительно небольшая доля современных студентов мотивирована на серьезную учебную деятельность. Объективно мыслящий преподаватель знает, что, если обучающийся относится к учебной деятельности без особого интереса, не нацеливаясь на реальный результат, сформировать профессиональные компетенции у него практически невозможно. В итоге качество обучения снижается, а вместо реальных знаний будущий юрист получает лишь обрывочные сведения из курса изучаемых дисциплин. Для таких студентов, как это ни прискорбно, более важным является получение диплома об окончании высшего, желательного престижного, как наш, университета. Однако реальных и прочных знаний такие выпускники не имеют.

Все это говорит о том, что в настоящий момент в высшем юридическом образовании существует определенное противоречие, а именно: между низким уровнем сформированности мотивационно-ценностного отношения к учебной деятельности обучающегося и современными требованиями общества и государства к подготовке специалистов юридического профиля. Как же можно преодолеть и разрешить это противоречие?

Согласно первому закону диалектики, именно противоречие является движущей силой, своего рода мотиватором процесса развития. Значит, надо и в данной ситуации понять, каким образом можно мотивировать участников образовательного процесса к повышению как профессионального, так и общего уровня

культуры, которая предусматривает глубокие знания не только в юридических, но и в смежных дисциплинах, включая иностранный язык.

Конечно, студенты и преподаватели являются равноправными сторонниками учебного процесса. Однако студенты, обладая относительно высокой самостоятельностью, все-таки еще находятся на завершающем этапе формирования своего мировоззрения и ценностных ориентаций. Следовательно, задача современного юридического образования — сделать так, чтобы у них в полной мере развились высокие гражданские и нравственно-эстетические качества личности, которые особенно востребованы сейчас, в период специальной военной операции.

Мотивация, как известно, — это та сила, которая движет нами, позволяя справляться с поставленными задачами. В контексте обучения юристов речь идет о стимулировании к глубокому и разностороннему образованию, которое предполагает изучение не только всего спектра юридических дисциплин, но и иностранных языков. Ведь не секрет, что современный специалист, в том числе и специалист юридического профиля, должен обладать не только профессиональными знаниями, но и иметь «навыки общекультурных компетенций в виде публичных выступлений, умения внимательно слушать и понимать высказывания других участников образовательного процесса, формулировать вопросы»[1].

Каким же образом можно содействовать повышению мотивации студентов-юристов к расширению кругозора и углубленному изучению иностранного языка?

Прежде всего речь идет о создании условий для проведения научных исследований в области как теоретической, так и практической юриспруденции. Разумеется, научные исследования предполагают знакомство с разнообразными источниками, в том числе и зарубежными. Нет сомнений в том, что юрист, владеющий иностранными языками, быстрее способен найти необходимую информацию, которая поможет в решении как теоретических, так и практических юридических проблем.

Для повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка необходимо на постоянной основе повышать уровень информационной культуры, причем не только и не столько студентов, сколько профессорско-преподавательского состава. «Преподаватель должен владеть новейшими образовательными технологиями и применять в своей деятельности большой набор активных методов обучения: проблемное обучение, игровые технологии и технологии тренингов. Также традиционные формы организации учебной деятельности, такие как лекции и практические занятия, могут обладать мотивационным потенциалом, если они будут включать разные способы активного обучения. Мотивация учебной деятельности предполагает возникновение у обучающихся вопроса, проблемы, затруднения в выполнении учебного действия»[2].

Разумеется, дидактический материал должен быть актуальным, но что, пожалуй, еще более важно, он должен быть достоверным и идеологически

[1] Деловой иностранный язык. Рабочая программа. Направление подготовки: 40.04.01. М., 2023. С. 31.

[2] *Ляшенко М. В.* Мотивация учебной деятельности: Основные понятия и проблемы // Вестник ЮУрГУ. Серия : Образование. Педагогические науки. 2019. Т. 11. № 1. С. 53—73.

выдержанным. В настоящем интернет-пространстве, помимо важной и проверенной информации, существуют и целенаправленно создаются иностранные фейковые и фишинговые сайты, используются различные вредоносные технологии. Это значит, что, лишь обладая не только гражданской позицией, но и передовыми технологиями в области медиапространства, можно добиться результатов и стимулировать студентов к изучению иностранного языка. Хорошим стимулом для профессионального роста юриста могут служить профессионально ориентированные задания.

Как уже отмечалось, традиционные формы учебной деятельности, такие как лекции и семинары, тоже имеют определенный потенциал для мотивации студентов к качественному обучению. Итак, площадкой для выполнения профессионально ориентированного задания могут служить семинары (если они будут проведены на высоком уровне), где в равной степени присутствуют: 1) познавательная мотивация (стремление быть в курсе наиболее значимых политических и экономических событий в нашей стране и за рубежом, что неразрывно связано со знанием иностранного языка как инструмента, обеспечивающего доступ к информации); 2) использование профессиональных юридических знаний, а также тенденций в области современного законодательства, что также предполагает знакомство с международными правовыми документами; 3) развитие творческого и критического мышления, которое позволяет расширить горизонты знаний, в том числе и за счет знакомства с трудами зарубежных специалистов по вопросам аналитики и креативности.

Еще одной прогрессивной технологией является технология развивающего обучения, где на центральное место выходит личность обучающегося, но при этом не умаляется значимость умения работать в команде. Студенты должны быть вовлечены в целеполагающую деятельность, которая рождает познавательный интерес и, как следствие, потребность обучающегося в самореализации. Только так будущий юрист сможет приобрести профессиональные навыки для решения задач уже в своей дальнейшей профессиональной деятельности. В связи с этим от современного преподавателя требуется сформировать у студентов юридических вузов ценностное отношение к будущей юридической профессии.

Данные ориентиры являются основными при выборе технологий обучения в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Особенно активно в образовательном процессе применяются разнообразные личностно ориентированные и информационно-коммуникативные технологии с использованием специальных аудиовизуальных средств, а также аутентичные видео- и аудиопрограммы на иностранном языке. Именно использование мультимедийных технологий позволяет студентам МГЮА переносить теоретические знания на реализацию творческих проектов, таких как рассмотрение судебных дел, а также иных кейсов из юридической практики, в том числе из страны изучаемого языка. Это мотивирует студентов проявлять больше активности в изучении иностранного языка, а также помогает развить такие качества, как ответственность, самостоятельность, инициативность и умение работать в команде, креативность.

Пожалуй, одним из наиболее эффективных средств мотивации современного специалиста юридического профиля является развитие критического мышления, что, в свою очередь, подразумевает умение самостоятельно (устно и письменно,

в том числе и на иностранном языке) формулировать гипотезу, способность вырабатывать собственное мнение на основе осмысления различных идей, почерпнутых и из иностранных источников.

Использование интегративных технологий и создание условий для совместного принятия решений, моделирования ситуаций, выполнение профессионально ориентированного задания (юридического кейса) на иностранном языке тоже является важной мотивацией студентов, поскольку способствует не только росту профессиональных юридических и общекультурных компетенций, но и повышению самооценки студента, что в дальнейшем будет иметь благотворный эффект для карьерного роста.

При этом на преподавателе как на субъекте учебного процесса лежит большая ответственность не только по подбору юридического материала, но и по подбору соответствующей лексики на иностранном языке, поскольку наряду с вышеперечисленными качествами перед нами стоит задача воспитания активной гражданской позиции у элиты российской юриспруденции. «Любые события и явления, социально-политические и экономические изменения, процессы отражаются в средствах массовой информации. Газеты, журналы, альманахи, телевидение, Интернет изобилуют большим количеством информационного материала, который преподносят читателям. Поэтому и не удивительно, что СМИ играют огромную роль в развитии языка»[3].

Не следует забывать и о том, что собой представляет собственно язык как явление. «Язык — одно из важнейших средств человеческого общения. Невозможно представить, что стало бы делать человечество, лишившись языка общения… Так что верно сказано в Вечной книге: “Вначале было слово…” Поэтому значение языка в истории нашей цивилизации трудно переоценить»[4]. Но язык, как было уже доказано историками и философами, является своеобразным кодом, в котором зашифрована история и культура народа, его идентичность. Разгадать этот код под силу лишь тем, кто бережно, кропотливо и вместе с тем настойчиво будет изучать данное явление. То есть речь идет о развитии исследовательских навыков и способностей к аналитическому мышлению, что относится к важнейшим компетенциям современного юриста.

Итак, давайте возьмем для примера то слово, которое только что было одним из ключевых в вышеназванной цитате, это слово «цивилизация» (от лат. *civilis* — гражданский, государственный). Обращаясь к Википедии, студент-юрист, который изучает иностранные языки (например, французский и латинский), может увидеть следующую не только лингвистическую, но и историческую справку: «Попытку установить время появления термина “цивилизация” одним из первых предпринял французский историк Люсьен Февр. В своей работе “Цивилизация: эволюция слова и группы идей” он зафиксировал первое появление термина в напечатанном виде в работе “Древность, разоблаченная в своих обычаях” (1766) французского философа Буланже. “Когда дикий народ становится цивилизованным, ни в коем случае не следует считать акт цивилизаций законченным после

[3] *Холопова Л. А.* Язык как общественное явление // Национальные приоритеты России. 2023. № 1 (48). С. 61.

[4] *Холопова Л. А.* Указ. соч. С. 57.

того, как народу даны четкие и непререкаемые законы: нужно, чтобы он относился к данному ему законодательству как к продолжающейся цивилизации”». Итак, традиционно понятие «цивилизация» подразумевает «высокий уровень общественного развития материальной и духовной культуры, достигнутый какой-либо общественной формацией», хотя для нас как специалистов в области юридического иностранного языка, пожалуй, даже больший интерес представляет третье по нумерации значение этого слова, а именно «придание культурных, правовых форм чему-либо»[5].

Разве это не может служить мотивацией для углубленного изучения не только истории юриспруденции страны, с которой у нас существуют долгие и весьма непростые отношения, но и языка этой страны? Более того, именно зная на высоком уровне язык Франции и ее историю, мы можем оказать позитивное влияние на развитие политических и культурных связей, отстаивая при этом наши нравственные ценности.

А теперь, следуя логике исследователя (а значит, мотивируя развитие аналитических навыков у будущих юристов), обратимся к слову «культура». Согласно онлайн-словарю, culture est action de cultiver la terre pour la production de végétaux, т.е. изначально речь шла о возделывании земли для производства сельскохозяйственной продукции, при этом ключевым стало слово cultiver, которое несло в себе значение «затрачивать определенный труд для решения главной задачи: выживания». Прошли тысячелетия, но основное значение этого слова так и не изменилось. Именно культура (в нашем случае не только общая, но и профессиональная юридическая) способна обеспечить выживание и достойные условия существования в нашем турбулентном мире.

Именно синтез вышеназванных методов и технологий позволит найти оптимальное, возможно, нестандартное решение актуальных правовых вопросов, которых становится все больше со времени начала СВО.

Таким образом, можно сделать вывод, что задача современного юридического образования как раз и состоит в том, чтобы найти выверенные и эффективные решения, способные не только укрепить правовую базу российской юриспруденции, но и обеспечить надежную защиту наших граждан от любых посягательств со стороны недружественных государств и пособников международного терроризма.

Возможно, само понимание сложности сегодняшней ситуации явится стимулом задействовать все ресурсы, в том числе и интеллектуальные, чтобы отстоять не только наши законные территории, но и наши моральные ценности. И глубокое знание мировой культуры, а значит, и знание иностранного языка, сыграет в решении данной сверхзадачи немаловажную роль.

[5] Цивилизация // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%d0%a6%d0%b8%d0%b2%d0%b8%d0%bb%d0%b8%d0%b7%d0%b0%d1%86%d0%b8%d1%8f.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Глушик Е.* Главный фактор // Завтра. — 2023. — № 22.
2. *Горбач Н. С.* Мотивация в психологии: история и современное состояние проблемы // Молодой ученый. — 2022. — № 3 (345). — С. 42—44.
3. Деловой иностранный язык. Рабочая программа. Направление подготовки: 40.04.01. — М., 2023.
4. *Ильина Т. И.* Методика изучения мотивации обучения в вузе // URL: http:// testoteka.narod.ru /ms/1/05.html (дата обращения: 17.09.2025).
5. *Ляшенко М. В.* Мотивация учебной деятельности: основные понятия и проблемы // Вестник ЮУрГУ. — Серия : Образование. Педагогические науки. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 53—73.
6. *Реан А. А., Якунин В. А.* Методика изучения мотивов учебной деятельности студентов // URL: http://testoteka.narod.ru/ ms/1/06.html (дата обращения: 19.09.2025).
7. *Холопова Л. А.* Язык как общественное явление // Национальные приоритеты России. — 2023. — № 1 (48). — С. 57—62.

Образовательная среда

Развитие социальной ответственности студентов юридических специальностей: опыт социального партнерства с НКО

Ольга Вадимовна СТУКАЛОВА,
заместитель директора Благотворительного фонда содействия развитию социально-культурных инициатив и попечительства «Образ жизни» (г. Москва) по образовательным программам, доктор педагогических наук, доцент
stukalova@obrazfund.ru
121248, Россия, г. Москва, наб. Тараса Шевченко, д. 3

Аннотация. *В статье рассматриваются педагогические возможности развития социальной ответственности студентов российских гуманитарных вузов — будущих юристов. Выделены структурные характеристики этого концепта. Определены критерии и показатели высокого уровня развития социальной ответственности будущих юристов. Обобщены наиболее актуальные проблемы в развитии социальной ответственности, свойственные современной молодежи. Показано, что основным стимулом развития социальной ответственности являются новые потребности личности, которые вызывают изменения в стратегии профессионального и личностного становления. Описаны успешные кейсы развития социальной ответственности.*

Представлены результаты исследования особенностей развития социальной ответственности студентов гуманитарных университетов г. Москвы во взаимодействии с Благотворительным фондом «Образ жизни». Раскрыта значимость вовлечения студентов в благотворительные мероприятия на постоянной основе, что предполагает выработку личностных смысловых установок и устойчивых ценностных ориентаций. Сделан вывод о том, что развитая социальная ответственность — это основа позитивного, активного, включенного в решение общественно значимых вопросов образа жизни, адекватной самооценки, устойчивой системы ценностей, готовности к постоянному духовному росту.

Ключевые слова: *социальная ответственность, будущие юристы, самореализация, социально-культурная рефлексия, педагогический потенциал, социальная апатия, индифферентность, Благотворительный фонд «Образ жизни»*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.182-192

© Стукалова О. В., 2025

Olga V. STUKALOVA,
Deputy Director of the Charitable Foundation for the Promotion of Socio-Cultural Initiatives and Guardianship (Moscow) for educational Programs «Way of Life», Dr. Sci. (Pedagogical), Associate Professor
stukalova@obrazfund.ru
3, nab. Taras Shevchenko, Moscow, Russia, 121248

Development of Social Responsibility of Law Students: Experience of Social Partnership with Charitable Foundations

Abstract. *The article discusses the pedagogical possibilities of developing the social responsibility of the Russian universities of the humanities' students — future lawyers. The structural characteristics of this concept are highlighted. Criteria and indicators of a high level of development of social responsibility of future lawyers are defined. The most urgent problems in the development of modern youth social responsibility characteristic are summarized. It is shown that the main incentive for the development of social responsibility is the new needs of the individual, which cause changes in the strategy of professional and personal development. Successful cases of social responsibility development are described.*

The results of a study of the peculiarities of the social responsibility development of the Moscow humanities universities students in cooperation with the Charitable Foundation "Way of Life" are presented. The importance of involving students in charity events on an ongoing basis is revealed, which implies the development of personal semantic attitudes and stable value orientations. It is concluded that developed social responsibility is the basis for a positive, active lifestyle involved in solving socially significant issues, adequate self—esteem, a stable value system, and readiness for constant spiritual growth.

Keywords: *social responsibility, future lawyers, self-realization, socio-cultural reflection, pedagogical potential, social apathy, indifference, Charity Foundation «Way of Life»*

Актуальность рассмотрения процесса развития социальной ответственности у будущих юристов обусловлена рядом факторов:

— во-первых, понятие «социальная ответственность», несмотря на кажущуюся однозначность, имеет несколько интерпретаций и разных подходов к пониманию сущности этого качества личности. Соответственно, организация педагогического сопровождения развития этого качества должна опираться на четко выверенную терминологию;

— во-вторых, социальная ответственность ценна и значима для профессионального совершенствования юристов, так как проявляется в различных отношениях людей и связана прежде всего с удовлетворением потребностей личности в создании справедливой, безопасной среды;

— в-третьих, в процессе развития социальной ответственности создается поле для взаимодействия различных секторов общественной жизни, в это взаимодействие активно могут быть вовлечены и некоммерческие общественные организации (НКО), так называемый третий сектор. Мы придерживаемся определения этого сектора общественно-экономической жизни, которое было дано в работе Л. И. Якобсона и С. В. Сановича: «…совокупность ячеек сотрудничества людей, которому присуща регулярность и организованность»[1].

Кроме того, педагогический потенциал развития социальной ответственности у студентов — будущих юристов связан с тем, что социальная ответственность предполагает взаимодействие целого комплекса личностных качеств, в том числе социально-культурной рефлексии, эмпатии, системы ценностных ориентаций, готовности к продуктивной осознанной самореализации в избранной профессии и др.

Обобщение опыта педагогических наблюдений, анализ научной литературы в совокупности позволяют выделить *важнейшие характеристики социально ответственной личности*: целостность, динамичность, конструктивность, интенциональность, автономность, индивидуальность эмоциональных и коммуникативных проявлений.

Основой развития социальной ответственности является сильная внутренняя мотивация к профессиональному и личностному росту, что предполагает полноценное раскрытие потенциала личности и усиление ее зрелости и конструктивности.

В данном случае мы используем теоретические положения К. Роджерса о самоактуализации[2], которая стимулирует постоянное движение личности к самопознанию, осознанию своей подлинной целостности и возможности реалистического жизнестроительства.

Связывая развитие социальной ответственности и представления о самоактуализации в педагогическом процессе профессиональной подготовки будущих юристов, мы выделяем целеполагание, раскрывающееся в комплексных, сущностных и одновременно многомерных изменениях в таких сферах, как: а) коммуникация; б) взаимодействие с другими людьми; в) поведение; г) психика и эмоциональная сфера личности.

Как видно из анализа практики работы со студентами, отсутствие условий для таких изменений может привести к социальной апатии, индифферентности[3], даже маргинализации целых групп. Это достаточно широко рассматривается в ряде

---

[1] *Якобсон Л. И., Санович С. В.* Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 21—34.

[2] *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. М. : Mass Media, 1999.

[3] См., например: *Лазарев М. А., Подвойский В. П., Стукалова О. В.* Педагогическое обеспечение преодоления социальной индифферентности студентов гуманитарных вузов: социально-культурный подход : монография / под общ. ред. В. П. Подвойского. М. : Международная академия образования ; Даугавпилс : Даугавпилсский ун-т, 2016 ; *Змановская Е. В. Рыбников В. Ю.* Девиантное поведение личности и группы. СПб. : Питер, 2010 ; *Подвойский В. П., Лазарев М. А., Утенков А. В.* Учебно-профессиональный

современных исследований[4], где подчеркивается негативная роль формализации воспитательной работы в университетах. Между тем очевидно, что «искусственно прививаемые нормы не могут длительный период времени оставаться для личности аксиоматичными, личность стремиться их изменить или, по крайней мере, найти достаточные индивидуально значимые основания для того, чтобы данные нормы были сохранены»[5].

Материалы и методы исследования

Исследование осуществлялось в процессе привлечения студентов — будущих юристов из гуманитарных университетов г. Москвы к волонтерской деятельности, консультациям pro bono для социально ориентированных проектов и программ Благотворительного фонда содействия развитию социально-культурных инициатив и попечительства «Образ жизни» (г. Москва)[6] в течение 2021—2025 гг.

В формирующем этапе исследования, т.е. непосредственно в проектах и программах Благотворительного фонда, приняли участие 36 студентов 3—4-х курсов, обучающихся на факультетах, которые реализуют программы подготовки по юридическим специальностям. Они сформировали основную группу исследования.

По результатам исследования даются индивидуальные рекомендации по профессиональной самореализации и участию в благотворительной деятельности.

Считаем необходимым отметить два особо успешных кейса развития социальной ответственности будущих юристов:

Студент Ян Р. (22 года, студент одного из московских университетов, будущий юрист), в течение 2023—2024 гг. проходил волонтерскую практику в фонде, в настоящее время является сотрудником экспертного отдела фонда, ведет документацию в Учебном центре, а также обеспечивает взаимодействие с региональными советами по попечительству в социальной сфере.

Студентка Елена Ч. (38 лет), в течение 2021—2024 гг. проходившая практику в качестве сотрудника Учебного центра, получила степень магистра юриспруденции в одном из московских университетов, разработала программы повышения квалификации и в настоящее время ведет эти курсы для сотрудников социальных учреждений в рамках деятельности Учебного центра Благотворительного фонда «Образ жизни» (лицензия на ведение образовательной деятельности № 041843). Тематика курсов связана с юридическими аспектами работы

инфантилизм студентов: теория и практика : монография. Германия, Саарбрюккен : Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2013.

[4] *Вахромов Е. Е.* Самоактуализация специалиста, менеджера в профессиональной деятельности: проблемы и возможности // Monstera#5: Философские проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 5. М.МГТУ «МАМИ», 2005. С. 197—210.

[5] *Подвойский В. П., Кустикова Ю. О.* Предпосылки возникновения социальной индифферентности студентов в вузе // Humanity space International almanac. 2014. Vol. 3. No. 3. С. 374.

[6] Благотворительный фонд «Образ жизни» // URL: https://obrazfund.ru/?ysclid=mf74cpnbdk620321577.

социальных учреждений и обеспечения прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Кроме того, она преподает в Школе волонтеров-педагогов — ведет блок занятий по теме «Учитель в юридическом поле».

Оба этих участника основной группы постоянно консультируют pro bono как подопечных фонда, так и партнерские организации.

Кроме того, проводились опросы — в них приняло участие 112 студентов из московских, нижегородских, оренбургских и ульяновских гуманитарных университетов (преимущественно будущих юристов). Это контрольная группа исследования, ее наличие позволяет проводить сравнительный анализ и определять перспективы развития волонтерских программ и направлений социального партнерства в сфере просветительской работы фонда.

Деятельностной технологией реализации такого взаимодействия является педагогическая поддержка[7], т.е. равнопартнерская доверительная деятельность, направленная на вдумчивое поэтапное сопровождение «самодвижения личности», развитие профессиональной самостоятельности будущего специалиста, его этического и коммуникативного самоопределения.

Опора на данную технологию обеспечивает предоставление студенту возможности выбора направления деятельности в рамках той или иной программы или проекта Благотворительного фонда «Образ жизни». Это могут быть такие направления, как консультационная, документоведческая работа, а также тьюторская деятельность в Центре дневной занятости для детей с инвалидностью и молодых инвалидов «Дом под солнцем» или в социальных учреждениях, которым фонд оказывает целевую помощь на постоянной основе; организационная деятельность — помощь в разработке и проведении мероприятий, которые осуществляются не только с благотворительной, но и с просветительской целью.

Кроме того, педагогическая поддержка ориентирует педагогов, работающих на волонтерских практиках или в рамках проектов со студентами, на использование тактик наставничества, партнерства, в которых акцентируется внимание на значимость обеспечения паритетных субъект-субъектных взаимоотношений молодого специалиста и опытного профессионала. При этом учитывается естественная ситуация, когда в зависимости от потребности и определенной задачи преобладает активность то одного, то другого участника взаимоотношений.

Основным методом оценки эффективности используемых практик являлось педагогическое наблюдение[8].

Безусловно, такой метод дает возможность фиксировать прежде всего факты так называемого открытого поведения, что несколько снижает объем получаемого материала и его достоверность.

Для повышения уровня объективности оценки развития социальной ответственности как комплексного качества личности, стимулирующего профессиональную самореализацию, и охвата разных проявлений личности студентов в

---

[7] *Михайлова Н. Н., Юсфин С. М., Касицина Н. В.* Педагогика поддержки: третье пространство образования : в 2 кн. СПб. : Образовательные проекты, 2023. Кн. 1 : Приближения к теме. Четыре тактики / под ред. А. С. Русакова.

[8] *Загвязинский В. И., Атаханов Р.* Методология и методы психолого-педагогического исследования. М. : Академия, 2005.

этом процессе была разработана система критериев, что позволило сделать исследование более глубоким и ценным в практическом смысле. В обобщенном виде критерии представлены таблице.

Критерии высокого уровня развития социальной ответственности студентов-будущих юристов в аспекте взаимосвязи с их профессиональной самореализацией

Сфера проявлений личности в участии в социально ориентированных проектах благотворительного фонда	**Критерии**	**Показатели**
Мотивация к благотворительной и волонтерской деятельности	Открытость к развитию, активному восприятию опыта, изменениям — как профессиональным, так и личностным	Включенность в процесс освоения знаний и навыков в сфере работы НКО, реализации социальных и просветительских проектов и программ в практике. Готовность к самостоятельному развитию социальной ответственности. Мотивация на самореализацию в самостоятельной активной волонтерской и благотворительной деятельности
Развитие профессиональных компетенций в практике взаимодействия с НКО	Уровень развития профессиональной компетентности в юридической специализации	Осознанность использования профессиональных знаний и компетенций в ходе решения комплексных практических задач в области благотворительной деятельности и реализации социально ориентированных проектов и программ. Гибкость опоры на профессиональные компетенции знаний в новых ситуациях и в условиях вызовов

Сфера проявлений личности в участии в социально ориентированных проектах благотворительного фонда	Критерии	Показатели
Позитивная коммуникация с опекаемыми фонда и его социальными партнерами	Эмоциональная насыщенность и вовлеченность в процесс коммуникации, толерантность в организации благотворительной деятельности в целом профессиональным потребностям с учетом потребностей и интересов благополучателей	Инициативность, разнообразие коммуникативных проявлений, общая эрудиция, такт
Устойчивость ценностных ориентаций и готовности быть активным и продуктивным сотрудником проекта или программы благотворительного фонда	Уровень включенности в мероприятия проекта или направления программы	Рост профессионализма в организации и проведении мероприятий, выполнении разного уровня заданий. Динамика профессиональных компетенций. Объем профессиональных знаний и умений, значимых для активной работы в третьем секторе; готовность к их реализации. Направленность на профессиональную самореализацию в работе в благотворительном фонде

Результаты исследования

Обобщение результатов исследования позволяет заключить, что основным стимулом развития социальной ответственности будущих юристов во взаимодействии с Благотворительным фондом и его практиками является появление новых потребностей личности.

Педагогические наблюдения доказывают, что эти потребности влекут за собой изменения в структуре профессиональных и личностных интересов, стиле коммуникации, в целеполагании собственного развития и самореализации. Без преувеличения можно констатировать, что имманентно осуществляется поддержка развития личности специалиста, имеющего зрелую и устойчивую систему

ценностных ориентаций, эмпатийные способности, этические установки на позитивное отношение к окружающему миру[9].

Важно отметить, что еще Д. Н. Узнадзе подчеркивал, что потребность получает определенный законченный характер лишь «в результате воздействия наличной ситуации, могущей принести ей удовлетворение», которое возможно «в конкретных условиях данной ситуации лишь при наличии последней»[10]. Как только возникает необходимая стимулирующая ситуация, в субъекте возникает «конкретная установка» на деятельность в определенном направлении.

Участие в социально ориентированных проектах и программах Благотворительного фонда и является такой стимулирующей ситуацией, которая способна дать установку и вызывать устойчивую потребность в развитии социальной ответственности (что особенно важно — активном) и самостоятельной личностной и профессиональной самореализации и дальнейшей самоактуализации.

В рамках исследования, как указывалось выше, проводились опросы студентов гуманитарных университетов. В частности, данные опросы были направлены на выявление мотивов выбора практики в Благотворительном фонде или участия в качестве волонтера в благотворительных проектах и программах.

Показательно, что 86 % студентов, участвовавших в опросе, рассматривают практику в благотворительном фонде как полезно проведенное время «для получения новых интересных впечатлений», «приобретения новых знакомств». При этом только 12 % из них считают, что такая практика может быть полезной для профессионального становления. Студенты подчеркивали, что в волонтерской работе для них значимо именно общение, а также появление новых друзей.

Все это свидетельствует о том, что российский третий сектор нуждается в организации просветительских мероприятий для студентов, на которых будет презентована деятельность благотворительных организаций с точки зрения ценности вовлечения специалистов из разных сфер, в том числе юристов.

В настоящее время студенты мало осведомлены о востребованности тех или иных компетенций в работе благотворительных организаций.

Оценка уровня своей социальной ответственности и ее ценности для профессиональной самореализации также не является в полной мере объективной и адекватной у опрошенных студентов. Так, лишь 23 % общего числа реципиентов были готовы признать, что сами не проявляют достаточной активности в своем участии в благотворительных проектах, создании инклюзивной среды и поддержке людей в трудной жизненной ситуации. Они не высказывают инициатив, чаще всего занимают ожидающую и даже индифферентную позицию, оправдывая ее «занятостью» «важностью решения личных проблем и участия в семейных делах». Только 5 % студентов ответили, что готовы на постоянной основе участвовать в позитивных изменениях к лучшему. В то же время 85 % реципиентов видят трудности социальной ситуации, недовольны ею и готовы ее критиковать. Но при этом они не признают такую позицию иждивенческой. Отметим, что это

[9] *Благов Ю.* Корпоративная социальная ответственность. Эволюция концепции. М. : Высшая школа экономики, 2010.

[10] *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М. : Наука, 1966. С. 167.

будущие юристы, т.е. специалисты, занимающиеся или охраной закона или законотворческой деятельностью.

Показательно, что только 15 % опрошенных студентов развернуто сформулировали миссию выбранной специальности[11] и подчеркнули, что для них являются особенно ценными «защита прав граждан», «участие в построении правового государства», «обеспечение исполнения законов». Между тем, как доказывают исследования, степень осознания миссии избранной специальности определяет успешность человека[12].

Сравнительный анализ показывает, что московские студенты (более 40 %) более активно заинтересованы в участии в волонтерских практиках на основе применения профессиональных компетенций юристов. Студенты региональных университетов высказывают больше сомнений в необходимости и востребованности таких компетенций в деятельности благотворительных организаций и социальных учреждений.

Негативными факторами, мешающими преодолению социальной апатии и индифферентности будущих юристов, являются:

— отсутствие структурированных и обоснованных требований к волонтерам со стороны благополучателей;
— пренебрежительное отношение к волонтерскому труду;
— подмена сути волонтерства привлечением студентов для «заполнения залов на официальных мероприятиях» — так называемое «событийное волонтерство». Этот фактор отмечали многие студенты, признавая, что это их унижает и утомляет, снижает доверие к значению волонтерства в развитии благотворительности.

Отметим, что деятельность по развитию социальной ответственности студентов имеет сугубо индивидуальный характер, должна учитывать и особенности личности, и характер профессиональной направленности, и целеполагание каждого участника благотворительных проектов и программ.

Сравнительный анализ ответов участников основной и контрольной групп позволил также выявить корреляцию уровня социальной ответственности и социально-культурной рефлексии студентов. Эта важная связь подчеркивает значимость развития социальной ответственности в процессе профессиональной подготовки. Ведь именно рефлексия является сильнейшим стимулом саморегуляции желаний, целей, переживаний и смыслов своего становления. Именно рефлексия помогает преодолевать негативное отношение к существующим нормам и ценностям[13], отторгать протестные поведенческие модели, эгоцентрические настроения.

---

[11] *Акинфиева Н. В.* Формирование миссии в российских вузах: возможности, ограничения, проблемы // URL: http://www.sgu.ru/files/nodes/46640/akinfieva.pdf (дата обращения: 29.08.2025).

[12] См., например: *Дворецкая М. Я., Лощакова А. Б.* Образ успешности в современных психологических исследованиях // Мир науки. 2016. Т. 4. № 2 ; *Бичева И. Б., Нуреева М. А.* Успешность личности в устойчивом личностно-профессиональном развитии // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 10 (50). С. 76—78.

[13] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М. : Смысл, 1994.

Выводы

1. Концепт «социальная ответственность» является определяющим в формировании личности профессионала — для будущих юристов это качество личности определяет готовность к продуктивной самореализации на ценностных основаниях.

2. Цельность социальной ответственности личности складывается из ее практического участия в социально значимых делах, ответственного поведения личности по отношению к обществу и степень личной вовлеченности в позитивные изменения.

3. Социальная ответственность имеет потенциал общественного регулятора поведения людей и проявляется в различных отношениях, связанных с удовлетворением духовных потребностей личности в осуществлении бескорыстной взаимопомощи, преодолении негативных факторов социальной несправедливости и нарушений норм морали.

4. Структура социальной ответственности включает целый комплекс характеристик, в том числе целостность, динамичность, конструктивность, интенциональность, автономность, индивидуальность эмоциональных и коммуникативных проявлений.

5. Стимулом к развитию социальной ответственности будущих юристов, как показали результаты исследования, является активное участие в социально ориентированных проектах и программах НКО. Устойчивость вовлеченного участия в таких направлениях общественной деятельности способствует также личностной и профессиональной самореализации.

6. Педагогическое значение развития социальной ответственности определяется тем, что усвоенные установки становятся внутренней основой мотивации ответственного поведения, т.е. культуры достоинства и совести. Это особенно ценно в связи с требованиями к профессии юриста, работающего в сфере обеспечения честного и справедливого исполнения законов, развития правового государства.

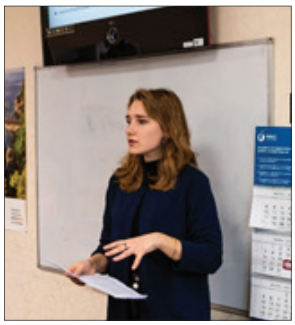
7. Таким образом, развитая социальная ответственность — это основа позитивного активного, включенного в решение общественно значимых вопросов образа жизни, адекватной самооценки, устойчивой системы ценностей, готовности к постоянному духовному росту.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Акинфиева Н. В.* Формирование миссии в российских вузах: возможности, ограничения, проблемы // URL: http://www.sgu.ru/files/nodes/46640/akinfieva.pdf (дата обращения: 29.08.2025).
2. *Бичева И. Б., Нуреева М. А.* Успешность личности в устойчивом личностно-профессиональном развитии // Гуманитарные научные исследования. — 2015. — № 10 (50). — С. 76—78.
3. *Благов Ю.* Корпоративная социальная ответственность. Эволюция концепции. — М. : Высшая школа экономики, 2010. — 272 с.

4. *Вахромов Е. Е.* Самоактуализация специалиста, менеджера в профессиональной деятельности: проблемы и возможности // MONSTERA#5: Философские проблемы социально-гуманитарного знания. — Вып. 5. — М.МГТУ «МАМИ», 2005. — С. 197—210.
5. *Дворецкая М. Я., Лощакова А. Б.* Образ успешности в современных психологических исследованиях // Мир науки. — 2016. — Т. 4. — № 2. —
6. *Загвязинский В. И.,* Атаханов Р. Методология и методы психолого-педагогического исследования. — М. : Академия, 2005. — 208 с.
7. *Змановская Е. В. Рыбников В. Ю.* Девиантное поведение личности и группы. — СПб. : Питер, 2010. — 352 с.
8. *Лазарев М. А., Подвойский В. П.*, *Стукалова О. В.* Педагогическое обеспечение преодоления социальной индифферентности студентов гуманитарных вузов: социально-культурный подход : монография / под общ. ред. В. П. Подвойского. — М. : Международная академия образования : Даугавпилс : Даугавпилсский университет, 2016. — 152 с.
9. *Михайлова Н. Н., Юсфин С. М.*, *Касицина Н. В.* Педагогика поддержки: третье пространство образования : в 2 кн. — СПб. : Образовательные проекты, 2023. — Кн. 1 : Приближения к теме. Четыре тактики / под ред. А. С. Русакова. —208 с.
10. *Подвойский В. П., Кустикова Ю. О.* Предпосылки возникновения социальной индифферентности студентов в вузе // Humanity space International almanac. — 2014. — Vol. 3. — No. 3. — С. 373—378.
11. *Подвойский В. П., Лазарев М. А.*, *Утенков А. В.* Учебно-профессиональный инфантилизм студентов: теория и практика : монография. — Германия, Саарбрюккен : Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2013. — 174 с.
12. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. — М. : Mass Media, 1999. — 478 с.
13. *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. — М. : Наука, 1966. — 452 с.
14. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М. : Смысл, 1994. — 311 с.
15. *Якобсон Л. И., Санович С. В.* Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // Общественные науки и современность. — 2009. — № 4. — С. 21—34.

Стратегии и механизмы повышения учебно-познавательной активности у студентов-юристов системы среднего профессионального образования при изучении иностранного языка



Маргарита Викторовна ВОЖЕГОВА,
заместитель заведующего кафедрой иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
mar.vozhegova@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В научной статье автор рассматривает основные технологические и методические решения для улучшения учебной деятельности и повышения познавательного интереса у обучающихся в системе среднего профессионального образования при изучении иностранного языка в юридической сфере. Автор подробно разбирает типы мотивов, затрагивает специфику преподавания студентам подросткового возраста, останавливается на педагогических технологиях, подходящих для использования в образовательной деятельности, рассматривает мероприятия внеурочной направленности, способствующие формированию у студентов СПО активной познавательной деятельности. Отдельное внимание уделяется современным цифровым технологиям в образовательном процессе. В научной работе автор также рассматривает роль поощрения в педагогическом процессе.*

Ключевые слова: *педагогическая технология, внутренний мотив, внешний мотив, внеурочная деятельность, учебная деятельность, учебная мотивация, информационно-коммуникативная технология, познавательная деятельность*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.193-202

Margarita V. VOZHEGOVA,
Deputy head of the Department of Foreign Language of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
mar.vozhegova@gmail.com
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Strategies and Mechanisms for Increasing Learning Activity of Law Students in Secondary Professional Education when Studying a Foreign Language

Abstract. *In the scientific article, the author examines the main technological and methodological solutions for improving educational activities and cognitive interest among students in the secondary vocational education system when studying a foreign language in the legal field. The author analyses in detail the types of motives and the specificity of teaching adolescent students. The author focuses in detail on pedagogical technologies suitable for use in*

© Вожегова М. В., 2025

educational activities and also considers extracurricular activities that contribute to the formation of active cognitive activity among college students. The article pays special attention to modern digital technologies in the educational process. In the scientific work, the author also considers the role of encouragement in the educational process.
Keywords: *teaching technology, internal motivation, external motivation, extracurricular activities, educational activities, educational motivation, information and communication technology, cognitive activities*

На сегодняшний день наблюдается тенденция активного развития системы среднего профессионального образования (СПО) и происходит рост числа колледжей. На 2025 г. известно, что Москва увеличила количество бюджетных мест в колледжах. Департамент образования и науки г. Москвы принял и опубликовал необходимые нормативные правовые акты во исполнение Федерального закона о расширении доступности среднего профессионального образования[1].

Сегодня колледж является современным образовательным пространством, где происходит профессиональная подготовка будущих специалистов среднего звена. Большая часть программ СПО формируется с учетом актуальной ситуации на рынке труда и запросов работодателей. Согласно государственному информационному агентству ТАСС[2], число заявлений в Российской Федерации от абитуриентов на обучение в учреждениях среднего профессионального образования в 2025 г. увеличилось на 800 тыс. по сравнению с 2024 г.

Глобализация в сегодняшнем мире влияет на развитие различных сфер деятельности — социальной, образовательной, культурной, экономической, правовой. Сегодня востребованному специалисту необходимо учитывать актуальный опыт других государств, иметь научные контакты с представителями других стран. Ключом к посредничеству является иностранный язык, владение которым не только позволяет произвести обмен опытом, но и повышает конкурентоспособность молодых специалистов среднего звена. Возрастает важность межкультурной коммуникации, а вместе с ней и необходимость общения с иностранными специалистами с целью анализа, сравнения, приобретения и оценки существующего опыта для решения профессиональных задач.

Таким образом, представляется необходимым способствовать выработке профессионального владения иностранным языком, так называемой иноязычной компетенции у студентов СПО, применяя стратегии, стимулирующие у них активную познавательную деятельность.

Формируя мотивацию студентов системы среднего профессионального образования к обучению, преподаватель способствует повышению успеваемости как отдельных учеников, так и всей группы в целом, что положительно сказывается и на дальнейшем развитии студентов в профессиональной сфере.

---

[1] URL: https://mtk.mskobr.ru/edu-news/7039 (дата обращения: 10.09.2025).

[2] URL: https://tass.ru/ (дата обращения: 11.09.2025).

Из-за небольшой продолжительности курса изучения иностранного языка студенты приобретают лишь общее знание понятийного аппарата юридической сферы. На сегодняшний день актуальна проблема определения специальных стратегий и методов, способствующих формированию профессиональной мотивации у студентов-юристов СПО в рамках педагогики.

Говоря о качестве образовательного процесса, необходимо упомянуть, что разрабатывая систему мониторинга качества образовательных материалов и давая общую оценку результативности образовательного процесса, основной акцент делают на способность учащегося самостоятельно выстраивать собственный учебный процесс, иными словами, на субъектность обучающегося.

Субъектом познания выступает личность обучающегося, имеющая способность менять окружающую среду творческим образом в соответствии со своими целями, задачами и интересами[3].

Преподаватель, в свою очередь, стимулируя учебно-познавательную деятельность студентов, способствует формированию так называемой субъектности студентов как в учебной, так и в социальной сферах[4].

Немецкие исследования свидетельствуют, что позитивные эмоции повышают вовлеченность в учебно-познавательный процесс, способствуют лучшему усвоению учебного материала, мотивируют повышать квалификацию на добровольной основе[5].

Проблема формирования мотивационно-потребностной сферы студентов в образовательном процессе актуальна на любом этапе обучения — от начальной школы до университетского уровня образования. Однако обучение студентов в системе среднего профессионального образования значительно отличается от обучения студентов в вузе, в том числе по юридической специальности.

Студент колледжа находится на начальном этапе формирования профессиональных предпочтений. В подростковом возрасте проявляется более внимательное отношение к выбранному предмету. Другой особенностью обучающихся возраста 15—17 лет является, по мнению Л. И. Божовича, стремление к демонстративному проявлению лидерских качеств, также наблюдается снижение концентрации и общей успеваемости[6].

Именно поэтому необходимо на этом этапе воздействовать на учащихся таким образом, чтобы сформировать у них потребность в самостоятельном изучении нового на занятиях.

Учебная мотивация представляет собой совокупность внутренних и внешних детерминант, организующих и поддерживающих познавательную активность

---

[3] *Грибова Е. П.* Феномен познавательной активности в аспекте философских и психолого-педагогических исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 4. С. 1—12.

[4] *Кузина Д. В., Кайзер Я. Р.* Проблема развития познавательной мотивации у обучающихся средней школы // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 6. С. 1—9.

[5] URL: https://www.aevoakademie.de/magazin/motivation-im-lernprozess/ (дата обращения: 13.09.2025).

[6] *Божович Л. И.* О мотивации учения // Вестник практической психологии образования. 2012. Т. 9. № 4. С. 65—67.

обучающегося в процессе учебной деятельности и проявляющихся в избирательной направленности познавательных процессов[7].

А. К. Маркова выделяет две группы мотивов — социальные и познавательные. Социальные мотивы связаны со сферой, лежащей вне учебной деятельности. Это, например, мотивы ответственности и долга; значимости знаний для жизни; подготовки к профессиональной деятельности; получения одобрения от окружающих; личностные мотивы (положительные — желание похвалы, поощрения, отрицательные — боязнь неприятностей).

Познавательные мотивы связаны с учебной деятельностью непосредственно, с ее содержанием и задачами, а именно стремлением к овладению новыми знаниями, к преодолению трудностей в процессе обучения; важен мотив самостоятельного приобретения дополнительных знаний (самосовершенствования)[8].

Внутренние мотивы[9] связаны с личностными установками обучающегося, отношением к изучаемой дисциплине. Внешние мотивы, в свою очередь, связаны с окружением обучающегося (преподаватели, семья, общество). Считается, что внешняя мотивация может вызвать протест со стороны ученика в подростковом возрасте в силу психологических особенностей и негативно отразиться на процессе обучения[10].

Наибольшего успеха в обучении студент достигает именно тогда, когда мотивация является внутренней и у него возникает интерес к преподаваемой дисциплине.

Исследователи Т. Б. Генинг и И. Д. Бутузов определяют познавательную активность как самостоятельную, осознанную деятельность учащегося[11]. Важно отметить, что для формирования интереса к учебно-познавательной активности у студентов преподаватель может использовать как урочную, так и внеурочную деятельность[12].

Наиболее устойчивыми знаниями считаются лишь те, которые обучающийся «добыл» и переработал самостоятельно. Такие знания приносят чувство уверенности и повышают активную познавательную деятельность студентов[13]. Именно интерес к изучаемой дисциплине в целом или учебному материалу на занятии в частности может стать основным внутренним мотивом к получению новых знаний о предмете изучения. Такой мотив активирует у ученика поиск способов решения учебных задач и позволяет воспользоваться полученными знаниями. Более того,

---

[7] *Сергеев И. С.* Основы педагогической деятельности : учебное пособие. СПб., 2004.

[8] *Матюхина М. В.* Мотивация учения младших школьников. М. : Педагогика, 2004.

[9] *Маркова А. К.* Мотивация учения и ее воспитание у школьников. М. : Эксмо, 2003.

[10] *Савельева В. Б., Прокубовская А. О.* Повышение учебной мотивации студентов колледжа // Наука. Информатизация. Технологии. Образование : материалы XVII Международной научно-практической конференции «Новые информационные технологии в образовании и науке НИТО — Урал — 2024». Екатеринбург, 2024. С. 92—99.

[11] *Кулюткин Ю. Н., Сухобская Г. С.* Мотивация познавательной деятельности. СПб., 2011.

[12] *Машарова Т. В., Радачинская Э. С.* Интеграция урочной и внеурочной деятельности как средство развития познавательной активности младшего школьника // Вестник КГУ. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. С. 6—15.

[13] *Кулюткин Ю. Н., Сухобская Г. С.* Указ. соч.

практикоориентированность занятия может способствовать тому, что учащийся в будущем будет уже иметь опыт решения подобных практических задач непосредственно в своей профессиональной деятельности. На этом этапе обучающийся стремится не к запоминанию отдельных блоков информации, а к поиску взаимосвязей между ними, системности знаний.

Для активизации самостоятельности у обучающихся и создания у них мотивации к урочной и внеурочной деятельности преподаватель может использовать задания, которые направлены на творческую и самостоятельную практическую работу.

Формирование активной учебно-познавательной деятельности у обучающихся системы СПО на занятиях кардинально отличается от формирования учебной мотивации вне учебных занятий. Ключевым отличием В. Б. Савельева и А. О. Прокубовская считают следующее свойство: внеучебная деятельность направлена на приобретение обучающимися потребности получения новых знаний, умений, а учебная деятельность направлена на применение полученных знаний, умений и навыков в образовательном процессе. В контексте системы СПО внеурочная деятельность студентов должна быть обязательно связана с их профессиональной направленностью обучения, способствовать активному познанию обучающихся[14].

1. Урочная активность

Обучающийся, обладающий повышенным уровнем учебно-познавательной активности, находит отражение этой мотивации в предмете изучения в процессе учебной деятельности. Чтобы сформировать подобное качество у учащихся, преподаватель может использовать целый спектр образовательных технологий:

Дискуссия. Представляет собой достаточно эффективную технологию взаимодействия с группой. При изучении иностранного языка она будет нацелена на решение задач, обсуждение идей, обмен мнениями. Предполагается, что в процессе дискуссии будет достигнуто более углубленное понимание учебного вопроса, студентами будут предложены творческие решения различных ситуаций, а использование при этом иностранного языка как инструмента в общении на профессиональные (например, юридические) темы укрепит понимание речи на слух.

Проектная технология. Метод проектов впервые предложил американский педагог Дж. Дьюи, его суть состояла в том, чтобы способствовать развитию личной заинтересованности в предмете у обучающихся[15]. В основе проектной технологии лежит реальная жизненная ситуация, знакомая студентам. Их задача состоит в поиске решения, который может иметь творческую составляющую. Задача педагога в данном случае состоит только в том, чтобы направлять учеников, но не сообщать им готовое решение, которое им предстоит найти самим. Таким образом, весь процесс поиска решения задачи является проектом обучающихся.

Технология проблемного обучения. Подразумевает самостоятельный поиск решения проблемных ситуаций, поставленных преподавателем. При этом происходит получение знаний, умений и навыков творческим путем, что формирует

[14] *Савельева В. Б., Прокубовская А. О.* Указ. соч.

[15] *Дьюи Дж.* Психология и педагогика мышления / пер. с англ. Н. М. Никольской ; под ред. (и с предисл.) Н. Д. Виноградова. М. : Мир, 1915.

у обучающихся профессиональную компетенцию, активизирует познавательную деятельность.

Игровые технологии. Игра представляет собой один из важнейших видов человеческой деятельности. В данном случае понятие «игра» охватывает вид деятельности, который направлен на воссоздание и понимание опыта всего человечества. П. Пидкасистый классифицирует игры, выделяя среди них естественные игры животных и детей и искусственные, среди которых детские игры и результативные игры[16]. В данном случае к обучению студентов системы СПО относятся результативные игры, подтипом которых становятся имитационные, а именно деловые игры. В рамках деловых игр может быть активизирована активная познавательная деятельность учащихся, что повышает общий уровень мотивации в сфере изучаемого предмета.

Кейс-технология. Также направлена на анализирование ситуаций из жизни, для решения которых ученики должны использовать имеющиеся у них знания в профессиональной сфере. Эту технологию обучения противопоставляют таким видам преподавательской деятельности, как пересказ текста, повторение за преподавателем, ответы на вопросы. Кейс-технология не предполагает один верный ответ, так как верных ответов на нее может быть множество. Суть такой технологии заставляет учеников раскрыть собственный творческий потенциал.

Информационно-коммуникативная технология. Подразумевает активное использование преподавателем цифровых инструментов для лучшего понимания студентами учебного материала. Общество XXI в. живет, учится и работает, используя информационные технологии ежедневно. Соответственно, применение их в преподавательской деятельности необходимо не только для наглядности и красочности материала, но и для того, чтобы находиться с обучающимися в едином информационном пространстве. На сегодняшний день существует огромное количество интернет-ресурсов для проведения интерактивных игр во время занятий по иностранному языку, среди которых, например, онлайн-платформы Wordwall и Quizlet, способствующие лучшему запоминанию лексических единиц, в том числе и в юридической сфере. Игровая форма позволяет ученикам лучше сосредоточиться на учебном материале. Существует множество цифровых инструментов для контроля студентов на занятии, одним из которых может являться платформа Panquiz для проведения викторин.

2. Внеурочная активность

В рамках Федерального государственного образовательного стандарта[17] внеурочная деятельность подразумевает формы образовательной деятельности, которые осуществляются вне классно-урочной системы, их целью является освоение обучающимися образовательной программы.

Преподаватель может влиять на формирование у студентов внутренних мотивов и интереса к изучаемой дисциплине, проводя различные мероприятия:

---

[16] *Пидкасистый П. И., Хайдаров Ж. С.* Технология игры в обучении и развитии : учебное пособие. М. : Российское педагогическое агентство, 1996.

[17] URL: fgos.ru (дата обращения: 14.09.2025).

1. *Мероприятия профессионально ориентированной направленности.* Это может быть общая ролевая игра, например, имитация судебного заседания, если речь идет о юридическом профиле. Формирование профессиональной компетенции может быть совмещено с изучением иностранного языка, в данном случае целесообразно проводить судебное заседание на иностранном языке.

2. *Театральная историческая постановка.* Например, возможно проведение заседания Нюрнбергского процесса, где каждый ученик не только анализирует, но и воспроизводит речь на иностранном языке. При этом анализ будет связан именно с профессиональной (юридической) направленностью обучения. Более того, изучение ролей позволит обучающимся расширить кругозор, тренировать память, запоминая определенные конструкции и выражения.

3. *Культурные мероприятия.* Их целью является просвещение обучающихся, а именно посещение музеев и музейных выставок, связанных с профилем обучения, например, посещение Библиотеки иностранных языков имени М. И. Рудомино (студенты получат возможность ознакомиться с литературой на иностранных языках, в том числе и со специальной литературой юридической направленности); проведение научных ярмарок, где каждый студент получил бы возможность представить свой проект на иностранном языке.

4. *Студенческие научные кружки.* Воспитательная деятельность преподавателя предполагает проведение таких кружков, что способствует развитию у студентов мотивации к изучению учебной дисциплины и расширению общего кругозора. Студенческий научный кружок по изучению иностранного языка может быть связан не только непосредственно с языком, но и с юридическими дисциплинами. Таким образом, внеурочная деятельность будет носить междисциплинарный характер.

5. *Научные форумы, мастер-классы, круглые столы на иностранном языке.* Такие мероприятия позволят студентам не только выразить свои профессиональные интересы и рассказать о них, но и дадут представление преподавателю об уровне подготовки обучающихся и их желании осуществлять исследования в области изучаемой дисциплины. Проведение мероприятий такого характера способствует развитию у учащихся системы СПО коммуникативных навыков, выявлению лидерских качеств. Более того, ранние исследования (например, научные тезисы, проекты) студентов колледжа могут дать хорошую базу для исследований на следующей ступени образования, мотивируя их в будущем продолжить обучение.

6. *Командные мероприятия.* Они направлены на решение конкретной задачи, например, изучение и решение кейсов, связанных со специальностью студентов. При этом также предполагается возможное использование иностранного языка. Важно упомянуть, что такие мероприятия должны носить соревновательный характер, что будет способствовать повышению как личных, так и командных показателей;

7. *Выездные мероприятия*. Такие мероприятия помогут снизить стресс, разнообразить обстановку, в которой учащиеся приобретают знания, а также способствуют сплочению коллектива и поиску единомышленников с похожей учебной мотивацией.

Безразличное отношение к образованию может повлечь за собой снижение уровня успеваемости и не позволит освоить в полной мере преподаваемую дисциплину в учреждениях системы СПО[18].

Задачей каждой образовательной организации, в том числе и колледжа, является подготовка специалистов с достаточным уровнем квалификации для решения профессиональных задач. Такой цели достичь невозможно без стремления самих обучающихся к получению знаний, умений и навыков. Таким образом, внеучебная деятельность направлена на повышение желания стремиться к освоению профессиональной деятельности с разных сторон. Чем больше студент посещает мероприятия внеучебной направленности, тем больше вероятность, что его выпускная квалификационная работа будет соответствовать не только его теоретическим, но и практическим требованиям.

Поощрение обучающихся и их поддержка являются неотъемлемой частью образовательного процесса. Они могут стимулировать продолжение учебно-познавательной деятельности и повысить уровень общей успеваемости студентов. Поощрение обучающихся в соответствии с установленными образовательной организацией видами и условиями поощрения за успехи в учебной, физкультурной, спортивной, общественной, научной, научно-технической, творческой, экспериментальной и инновационной деятельности предусмотрено Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации»[19]. Важно упомянуть в данной связи и моральные поощрения обучающихся преподавателями: награждение почетной грамотой, публикацию на сайте колледжа и в других СМИ, награждение дипломом, благодарственным письмом, объявление благодарности в публичной форме и др.

По мнению Е. Н. Чертовских и Р. И. Рыловой, преподавателю следует ориентироваться на частое создание так называемых ситуаций успеха[20] у обучающихся, так как успех студента приводит к возникновению позитивных эмоций и ассоциативных связей с изучаемой дисциплиной и преподавателем. Создание ситуаций успеха может способствовать развитию внутренней, осознанной мотивации у учащихся.

У студентов системы СПО, в отличие от школьников, уже формируется более сознательное отношение к выбранному профилю обучения, на которое влияет возникающий мотив самообразования[21].

Таким образом, одной из важнейших задач преподавателя является поддержка учащихся в самообразовании в контексте их профессионального становления.

---

[18] *Клычкова Е. И.* Мотивация к учению у обучающихся учреждений среднего профессионального образования // Образование. Карьера. Общество. 2014. № 2. С. 6—11.

[19] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

[20] *Рылова Р. И., Чертовских Е. Н.* Мотивация обучающихся в СПО. Ачинский колледж отраслевых технологий и бизнеса, 2023. С. 1—3.

[21] *Тагунова И. А.* Интеграция в образовании — развитие новой традиции в образовании // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 2. С. 67—77.

Исходя из вышеупомянутых аргументов, можно утверждать, что формирование мотивации к учебно-познавательной деятельности связано со следующими факторами:

1) с возрастом обучающихся системы СПО, их определением пути дальнейшего профессионального развития;
2) с развитием внутренних, внешних, познавательных и социальных мотивов. При этом спектр мотивов студентов СПО становится шире, чем у обучающихся в школе;
3) на первый план для студента выходят внутренние причины, формирующие сознательное отношение к обучению и желание осуществлять познавательную деятельность;
4) сознательное отношение к обучению и самостоятельная активность в процессе изучения учебных дисциплин создается благодаря способности обучающихся в колледже соотнести свои профессиональные интересы с профильными предметами, а также за счет грамотного использования преподавателем образовательных технологий, методов и организации им внеучебных мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Божович Л. И.* О мотивации учения // Вестник практической психологии образования. — 2012. — Т. 9. — № 4. — С. 65—67.
2. *Грибова Е. П.* Феномен познавательной активности в аспекте философских и психолого-педагогических исследований // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т. 8. — № 4. — С. 1—12.
3. *Дьюи Дж.* Психология и педагогика мышления / пер. с англ. Н. М. Никольской ; под ред. (и с предисл.) Н. Д. Виноградова. — М. : Мир, 1915. — 202 с.
4. *Клычкова Е. И.* Мотивация к учению у обучающихся учреждений среднего профессионального образования // Образование. Карьера. Общество. — 2014. — № 2. — С. 6—11.
5. *Кузина Д. В.*, *Кайзер Я. Р.* Проблема развития познавательной мотивации у обучающихся средней школы // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — № 6. — Т. 8. — С. 1—9.
6. *Кулюткин Ю. Н.*, *Сухобская Г. С.* Мотивация познавательной деятельности. — СПб., 2011. — 55 с.
7. *Маркова А. К.* Мотивация учения и ее воспитание у школьников. — М. : Эксмо, 2003. — 385 с.
8. *Матюхина М. В.* Мотивация учения младших школьников. — М. : Педагогика, 2004. — 144 с.
9. *Машарова Т. В.*, *Радачинская Э. С.* Интеграция урочной и внеурочной деятельности как средство развития познавательной активности младшего школьника // Вестник КГУ. — Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2019. — С. 6—15.
10. *Пидкасистый П. И., Хайдаров Ж. С.* Технология игры в обучении и развитии : учебное пособие. — М. : Российское педагогическое агентство, 1996. — 270 с.

11. *Рылова Р. И.*, *Чертовских Е. Н.* Мотивация обучающихся в СПО. — Ачинский колледж отраслевых технологий и бизнеса, 2023. — С. 1—3.
12. *Савельева В. Б.*, *Прокубовская А. О.* Повышение учебной мотивации студентов колледжа // Наука. Информатизация. Технологии. Образование : материалы XVII Международной научно-практической конференции «Новые информационные технологии в образовании и науке НИТО — Урал — 2024». — Екатеринбург, 2024. — С. 92—99.
13. *Сергеев И. С.* Основы педагогической деятельности : учебное пособие. — СПб., 2004. — 316 с.
14. *Тагунова И. А.* Интеграция в образовании — развитие новой традиции в образовании // Новое в психолого-педагогических исследованиях. — 2013. — № 2. — С. 67—77.

Роль религиозных стереотипов в конституировании лингвистического признака возбуждения вражды в мультимодальном юмористическом тексте

Таисия Сергеевна КАШАРИНА,
старший преподаватель кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
taisiya.kravchenko2014@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Статья посвящена исследованию стереотипных представлений о религиозных группах как источниках негативной информации, которая формирует такие компоненты смысла, которые конституируют лингвистический признак возбуждения вражды. Материалом для исследования послужили мультимодальные юмористические тексты (интернет-мемы, видеоролики), которые широко распространены в интернет-коммуникации и могут быть использованы с целью распространения информации о негативных качествах религиозных групп. Актуальность изучения семантических особенностей таких текстов обусловлена тем, что они становятся объектами судебной лингвистической экспертизы и исходя из специфики своей структуры представляют сложность для лингвистического экспертного анализа. Рассматриваются ключевые свойства мультимодального текста (гетерогенная структура, персуазивность), дается определение понятия «религиозный стереотип», описываются его роль в конституировании лингвистических признаков возбуждения вражды и способы их репрезентации в мультимодальном тексте. Результаты исследования, представленные в настоящей работе, могут быть использованы в теории и практике судебной лингвистической экспертизы текста.*

Ключевые слова: *мультимодальный текст, религиозный стереотип, возбуждение вражды, религиозные группы, семантический компонент, негативная информация, референция, судебная лингвистическая экспертиза*

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.203-211

© Кашарина Т. С., 2025

Taisia S. KASHARINA,
Senior lecturer of the English language department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
taisiya.kravchenko2014@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Role of Religious Stereotypes in Constituting Linguistic Indicators of Hostility in a Multimodal Humorous Text

Abstract. *The article is devoted to studying the role of stereotypical perceptions of religious groups as a source of negative information that account for such semantic component which constitute linguistic indicators of hostility. Multimodal humorous texts (internet-memes, videos) compiled the representative material of the study. These texts are a vital part of the Internet communication and can be used with a purpose to spread negative information about a religious group. Studying semantic features of such texts is relevant as they often become subject to forensic linguistic examination and are proven to be difficult for linguistic expert analysis due to the complexity of their structure. The article covers distinctive features of multimodal texts (heterogeneous structure, persuasiveness), a definition of the term "religious stereotype" and description of its role in constituting linguistic indicators of hostility as well as means of their representation in a multimodal humorous text. The results of the research can further contribute to theory and practice of forensic linguistic examination.*
Keywords: *multimodal text, religious stereotype, hostility, religious groups, semantic element(component), negative Information, reference, forensic linguistic examination*

На сегодняшний день мультимодальные тексты, в том числе юмористического характера (интернет-мемы, юмористические видеоролики разных форматов) часто становятся объектами комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам о противодействии экстремизму и терроризму, когда возникает необходимость установить содержание в них признаков возбуждения вражды[1].

В статье будет рассмотрена роль религиозных стереотипов как фактора, который участвует в формировании собственно лингвистического признака возбуждения вражды, т.е., такого элемента семантики текста (в том числе мультимодального), который содержит указание на предмет речи (о ком говорится: группа лиц,

[1] *Никишин В. Д., Галяшина Е. И.* Юридико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 179—193.

объединенная общим признаком пола, расы, религии и др.[2]), содержание речи (что сообщается) и цель (с какой целью сообщается[3]).

Эмпирическим материалом настоящего исследования послужили юмористические мультимодальные тексты на русском и английском языках:

1) статичные тексты (интернет-мемы): 200 единиц на русском языке, 200 единиц на английском языке;
2) динамичные тексты (видеоролики): 20 фрагментов длительностью до 10 минут на русском языке, 20 фрагментов длительностью до 10 минут на английском языке.

Источником материала стали русско- и англоязычные ресурсы сети Интернет: сайты Пикабу, Яплакаль, 9gag, Memerise.

Мультимодальный текст: понятие, область применения

Мультимодальные тексты сегодня используются в качестве единиц интернет-коммуникации. Их отличительной особенностью является синхронное использование нескольких модальностей[4]. Термин «модальность» указывает на способ обработки информации: словесный, зрительный, слуховой, тактильный и др.[5] Данные тексты всегда образованы из элементов разных семиотических систем (например, вербальная составляющая в виде написанного или звучащего текста и визуальная составляющая в виде статичного или динамичного изображений). Конфигурация этих элементов образует единое семантическое целое, передающее конкретную информацию.

Как указывают исследователи[6], мультимодальный текст имеет значительный потенциал воздействия на адресата за счет свойства персуазивности — воздействия автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения или призыва к совершению действия[7]. Персуазивность текстов подобного рода возникает за счет комбинации целого ряда факторов: их отличает быстрая декодируемость и узнаваемость за счет сочетания модальностей

---

[2] КоАП РФ. Ст. 20.3.1 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» ; УК РФ. Ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

[3] *Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А, Секераж Т. Н.* Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. 2-е изд., перераб., испр. и доп.. М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. С. 88—89.

[4] *Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. Вып. 4. М. : Ин-т психологии РАН, 2010. С. 135—152.

[5] *Ирисханова О. К.* Полимодальный дискурс как объект исследования // Полимодальные измерения дискурса. М. : Языки славянских культур, 2021. С. 15—32.

[6] *Блинова О. И.* Манипулятивный потенциал мультимодального медиатекста (на материале американской политической карикатуры) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37).

[7] *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия М. : Флинта ; Наука, 2006.

(а значит, и каналов восприятия), интертекстуальности и вертикального контекста (как филологического, так и исторического), различных средств выразительности (метафор, олицетворений и т.д.).

Именно поэтому мультимодальные тексты широко применяются в тех сферах, где необходимо оказать воздействие на адресата: в рекламе (рекламные ролики), в политике (предвыборные плакаты), в сфере безопасности (плакаты и памятки), в социальной сфере (социальная реклама) и др. Естественно, что эти тексты используются и для формирования негативного отношения получателя к лицу или лицам или к явлению. Сама по себе эта практика не является новой: в истории XX в. немало примеров того, как плакаты, карикатуры, а позже — видеоролики, служили инструментом конституирования «образа врага» в разных странах, особенно в периоды войн.

Например, уместно будет вспомнить агитационные материалы антигерманской пропаганды в Великобритании во время Первой мировой войны, которые включали плакаты, карикатуры, произведения кинематографа, формировавшие в массовом сознании образ германца-варвара[8]. В период Великой отечественной войны творческое объединение художников Кукрыниксы создавали карикатуры, высмеивающие и обличающие руководство нацистской Германии[9]. Мультимодальные тексты использовались в пропагандистских целях и в мирное время, примерами могут служить антикоммунистические плакаты и кинематограф в США[10], антирелигиозные карикатуры и фильмы в СССР[11] и др.

Сегодня мультимодальные тексты, в частности юмористического характера, распространяются в сети Интернет для пропаганды экстремистских идей и взглядов, в том числе с целью возбуждения ненависти либо вражды. Источником негативной информации о группе лиц, объединенных общим признаком (расы, пола, религии и пр.), содержащаяся в этих текстах, зачастую становятся существующие в обществе стереотипы.

Религиозный стереотип как разновидность социального стереотипа

Возникновение термина «стереотип» относится к первой половине XX в. Как самостоятельное понятие слово «стереотип» вошло в 1922 г. в западный дискурс благодаря Уолтеру Липпману, он применил его к своей «концепции общественного мнения» и определил стереотип как «принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании

---

[8] *Ульянов П. В.* Эволюция «образа врага» в британской пропаганде периода Первой мировой войны // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 446. С. 149—158.

[9] *Вейн Д. К.* Образ врага в карикатурах Кукрыниксов в годы Великой Отечественной войны: по страницам газеты «Правда» // Известия АлтГУ. 2017. № 2 (94). С. 63—67.

[10] *Просолова Е. В.* Кинопропаганда в системе государственного аппарата США на начальном этапе холодной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 8. С. 8—14.

[11] *Ильясова А. С.* Плакатное искусство в системе антирелигиозной пропаганды в 20—30-х годах СССР // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 4 (36). С. 194—199.

и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте. Система стереотипов представляет собой социальную реальность»[12].

Позже стереотипы стали рассматривать как признак человеческой психики, а стереотипные суждения и оценки — как результат накопленного общественного опыта, как повторяющиеся явления и свойства, зафиксированные в общественном сознании.

Как указывал американский исследователь Р. О'Хара, формирование стереотипа происходит в три этапа: выравнивание, усиление и ассимиляция. В результате указанных этапов сложный объект превращается в определенную схему с уже известными признаками[13].

В структуре социального стереотипа принято выделять когнитивный и ценностный уровни. На когнитивном уровне сведения, получаемые человеком об объективных явлениях действительности, представляются в схематизированном, генерализованном виде. Как указывают Питерова и Тетерина, в основе этого механизма «схематизации» лежит «естественное желание человека» упрощать любые сложные взаимосвязи и процессы»[14]. На ценностном уровне представлено отношение человека к отражаемой действительности: эмоции, чувства симпатии и антипатии к отражаемому объекту.

Социальный стереотип обладает такими свойствами, как предвзятость, ригидность (стабильность и консервативность устойчивость к изменениям), оценочная окрашенность, однозначность (в отношении одно и того же объекта одновременно не может существовать двух противоречащих друг другу суждений), репрезентативность (упрощенный способ представления множества черт и свойств объекта).

Выделяют авто- и гетеростереотипы. Первые отражают совокупность представлений группы о себе самой. Чаще всего автостереотипы носят положительную окраску, что объясняется склонностью человека воспринимать элементы своей культуры (ценностей, норм, ролей) как нечто позитивное, естественное. Гетеростереотипы включают набор представлений о другой группе, и в подавляющем большинстве случаев носят, скорее, негативную окраску: элементы «чужой» культуры как правило воспринимаются как нечто неестественное или неправильное, проигрывают в сравнении со «своей»[15].

Социальные стереотипы разнообразны и включают в себя религиозные (конфессиональные) стереотипы. Их источником являются религиозные догматы, составляющие основу того или иного вероучения и способствующие формированию социальных представлений о данной религии[16]. Как разновидность социального стереотипа религиозный стереотип обладает такими же свойствами:

---

[12] *Липпман У.* Общественное мнение. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

[13] *O'Hara R.* Media for million. New York, 1961.

[14] *Питерова А. Ю., Тетерина Е. А.* Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 1. URL: http://esj.pnzgu.ru.

[15] *Суходольская Н. П.* Социальный стереотип в жизнедеятельности людей // Философия и общество. 2007. № 3 (47). С. 152—160.

[16] *Шмелев В. Ю., Саженова С. А.* Религиозный стереотип: к постановке проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. 2012. № 2—1. С. 213—217.

репрезентативностью, схематичностью, предвзятостью, оценочностью, ригидностью и др.

Религиозные стереотипы в формировании лингвистического признака возбуждения вражды

Стереотипные представления о религии или ее представителях становятся основой следующих семантических компонентов мультимодального юмористического текста:

— предмет насмешки (предмет речи): апеллирование к стереотипам позволяет осуществить акт референции, т.е. указать, о какой именно религиозной группе идет речь;
— собственно негативная информация: апеллирование к коллективным представления о негативных качествах религиозной группы (например, фанатизм, жестокость, агрессия, отрицание современных научный знаний и т.д.).

Рассмотрим далее способы репрезентации этих смысловых компонентов в мультимодальном юмористическом тексте.

1. Предмет речи

Референция к предмету речи может осуществляться вербальными средствами (использование номинации, например, «мусульманин», «буддист», «еврей») и невербальными (изображение). При этом опора на стереотип будет только в случае невербальной репрезентации: изображение предмета речи должно содержать элементы, которые позволят получателю текста сразу идентифицировать ту религиозную группу, о которой идет речь.

Для этого применяются разные типы семиотических знаков, описанных одним из основоположников семиотики, Чарльзом Пирсом[17]: иконические (основаны на прямом сходстве изображаемого объекта и самого знака, например, фотографии или рисунки), знаки-индексы (основаны на отношении смежности между знаком и объектом, например, традиционная одежда → принадлежность к религии) и знаки-символы (указывают на объект на основе конвенции, обычая, например, изображение креста → христианство, звезды Давида → иудаизм).

Очень часто в мультимодальном тексте (и в интернет-меме, и в видеоролике) встречается комплекс из разных видов знаков. Рассмотрим пример интернет-мема, в котором предметом речи является религиозная группа «мусульмане». Референция к группе осуществляется следующим образом:

— иконический знак: изображение женщины в традиционной одежде;
— знак-индекс: элементы одежды (длинная юбка «в пол», хиджаб).

Религиозные стереотипы зачастую оказываются очень тесно связаны с этническими стереотипами: члены определенного этноса исторически являются носителями какой-то религии и оттого ассоциируются с ней в массовом сознании (например, «китайцы — буддисты», «греки — православные», «арабы — мусульмане»). Эта связь находит отражение и в способах осуществления актов референции, поскольку, помимо семиотических знаков, указывающих на религиозную

[17] *Пирс Ч.* Избранные философские произведения. М., 2000. С. 162—233.

принадлежность, могут применяться знаки, указывающие на принадлежность этническую.

Так, например, визуальная составляющая интернет-мема (картинка) изображает человека в шапке со звездой Давида (знак-индекс, указание на религиозную группу). При этом внешность самого человека имеет узнаваемые черты, которые в массовом сознании ассоциируются с евреями: пейсы, нос с горбинкой, кудрявые волосы. Остается открытым вопрос, можно ли в таком случае считать, что такое визуальное сообщение об этнической принадлежности предмета речи служить своего рода указателем на стереотипно связанную с ней принадлежность религиозную? Возможно, этот вопрос потребует дальнейшего изучения в отдельных работах.

2. Сообщение негативной информации

Негативная информация, т.е. сообщение об отрицательных свойствах предмета речи, также может быть выражена и вербально, и невербально, а иногда как вербальными, так и невербальными средствами одновременно. Во всех трех случаях негативная информация сообщается с опорой на коллективные представления о религиозной группе: о поведении членов группы, их обычаях, традициях и т.д. Рассмотрим эти случаи подробнее.

1. Вербальное сообщение негативной информации

При таком способе репрезентации невербальная составляющая чаще всего служит для совершения акта референции, а вербальная (в интеренет-меме — печатный текст, в видеоролике — звучащий) — для передачи негативной информации. Например, в интерне-меме визуальная составляющая изображает предмет речи, представителя религиозной группы «иудеи», а текст сообщает: «Кладем на могилу камешки // они же бесплатные». В данном случае источником негативной информации является стереотипное представление о личностном качестве группы (о жадности).

2. Невербальное сообщение негативной информации

При невербальной репрезентации негативная информация может быть основным семантическим компонентом или же вспомогательным, дополняющим то, что сообщается вербально. В первом случае очень часто применяется прием противопоставления: вербальная составляющая содержит нейтральное высказывание или же высказывание с положительной характеристикой предмета речи, а невербальная — полностью противоположную информацию.

Так, например, в коротком юмористическом видеоролике вербальный элемент представлен субтитрами: «Типичный спор с мусульманином про самую мирную в мире религию». Видеоряд содержит отрывок из мультсериала Invincible, где происходит драка главного героя и антагониста, что сообщает антонимичную характеристику указанной религии. Источником негативной информации является стереотип о личностном качестве группы (агрессивность, враждебность).

Вспомогательная негативная информация может быть представлена невербально в том случае, если основная отрицательная характеристика предмету речи сообщается вербальными средствами. К способам представления такой вспомогательной информации можно отнести жесты (угрожающие), мимику (выражение злости), позы (занесенный для удара кулак, наличие оружия в руке), гротескное нарушение пропорций лица и тела, цветовое оформление и т.д.

3. Вербальное и невербальное сообщение негативной информации

При синхронном использовании для указания на отрицательные свойства предмета речи вербальные и невербальные средства соотносятся следующим образом: одни используются для реализации основной информации, другие выполняют роль иллюстрации, усиливая эффект отрицательной характеристики. Важно отметить, что характер этого соотношения гибкий: и основная, и дополнительная негативная информация может быть выражена как вербально, так и невербально, в зависимости от конкретного текста.

Для интернет-мемов наиболее характерны случаи, когда изображение дополняет сообщаемую негативную информацию. В видеороликах визуальная составляющая может как иллюстрировать вербально представленную информацию, так и реализовывать основную. Важно отметить, что в видеороликах арсенал невербальных средств репрезентации негативных сведений существенно шире, чем в интернет-мемах: помимо указанных выше вспомогательных средств (мимика, жесты, движения, пропорции, цвета и т.д.), видеоряд позволяет отрицательно характеризовать предмет речи, показывая в динамике (т.е. более наглядно и узнаваемо) совершение движения/действия/поступка. Другим вспомогательным инструментом видеороликов является звуковой ряд, включающий не только звучащую речь, но и музыку, характер, который, в зависимости от контекста, может усилить требуемый негативный эффект.

Заключение

Анализ эмпирического материала позволил установить корреляцию религиозных стереотипов с теми компонентами семантики мультимодального юмористического текста, которые образуют лингвистический признак возбуждения вражды. Выявлено, что стереотипные представления о религии или религиозной группе служат источником формирования двух семантических компонентов:

1) указание на предмет речи (акт референции);
2) сообщение собственно негативных сведений о предмете речи.

Данные элементы, в свою очередь, совпадают с двумя из трех семантических составляющих, образующих лингвистический признак возбуждения вражды: предмет речи и содержание речи. Третий компонент признака, цель сообщения, напрямую не связан с религиозным стереотипом, однако мы предполагаем, что цель сообщения может опосредованно формироваться на основании негативных стереотипных представлений о группе: негативная информация о группе *основана* на стереотипе и сообщается *с целью*: отрицательно охарактеризовать / унизить / продемонстрировать мнение / предупредить об опасности предмета речи и др. Данное предположение, вероятно, будет исследовано в дальнейших работах.

Полученные результаты могут быть применены в теории и практике судебной лингвистической экспертизы материалов дел по противодействию экстремизму и терроризму.

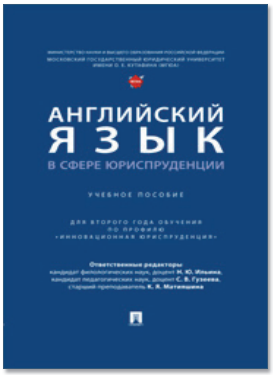
БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Блинова О. И.* Манипулятивный потенциал мультимодального медиатекста (на материале американской политической карикатуры) // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — № 1 (37). — С. 1—6.
2. *Вейн Д. К.* Образ врага в карикатурах Кукрыниксов в годы Великой Отечественной войны: по страницам газеты «Правда» // Известия АлтГУ. — 2017. — № 2 (94). — С. 63—67.
3. *Ильясова А. С.* Плакатное искусство в системе антирелигиозной пропаганды в 20—30-х годах СССР // Наука. Искусство. Культура. — 2022. — № 4 (36). — С. 194—199.
4. *Ирисханова О. К.* Полимодальный дискурс как объект исследования // Полимодальные измерения дискурса. — М. : Языки славянских культур, 2021. — С. 15—32.
5. *Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. — Вып. 4. — М. : Ин-т психологии РАН, 2010. —С. 135—152.
6. *Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А, Секераж Т. Н.* Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. — 2-е изд., перераб., испр. и доп.. — М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. — С. 88—89.
7. *Липпман У.* Общественное мнение. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
8. *Никишин В. Д., Галяшина Е. И.* Юридико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6 (115). — С. 179—193.
9. *Пирс Ч.* Избранные философские произведения. — М., 2000. — 412 с.
10. *Питерова А. Ю., Тетерина Е. А.* Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения // Наука. Общество. Государство. — 2016. — Т. 4. — № 1. — URL: http://esj.pnzgu.ru.
11. *Просолова Е. В.* Кинопропаганда в системе государственного аппарата США на начальном этапе холодной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2021. — № 8. — С. 8—14.
12. *Суходольская Н. П.* Социальный стереотип в жизнедеятельности людей // Философия и общество. — 2007. — № 3 (47). — С. 152—160.
13. *Ульянов П. В.* Эволюция «образа врага» в британской пропаганде периода Первой мировой войны // Вестник Томского гос. ун-та. — 2019. — № 446. — С. 149—158.
14. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия — М. : Флинта ; Наука, 2006. — 136 с.
15. *Шмелев В. Ю., Саженова С. А.* Религиозный стереотип: к постановке проблемы // Известия Иркутского государственного университета. — Серия : Политология. Религиоведение. — 2012. — № 2—1. — С. 213—217.
16. *O'Hara R.* Media for million. — New York, 1961. — 295 p.

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ

Английский язык : учебное пособие для второго года обучения по специальности «Судебная и прокурорская деятельность» / Е. А. Бородина, С. В. Гузеева, Е. А. Дегтярева, О. Г. Злобина, Н. Ю. Ильина, Л. А. Киселева, М. В. Кискина, И. А. Мартыненко, К. Я. Матияшина, О. И. Мишурова ; под ред. Н. Ю. Ильиной, С. В. Гузеевой. — М. : Проспект, 2024. — 256 с.

Учебное пособие представляет собой курс английского языка для студентов второго года обучения по специальности «Судебная и прокурорская деятельность», основными задачами которого являются формирование у обучающихся умений и навыков восприятия, переработки иноязычной профессионально значимой информации, а также развитие способности свободно продуцировать профессионально значимые высказывания в ситуациях профессионально-делового общения с соблюдением лингвистических и социальных норм носителей языка.



Английский язык в сфере юриспруденции : учебное пособие для второго года обучения по профилю «Инновационная юриспруденция» / Е. А. Бородина, С. В. Гузеева, Н. Ф. Ежова, Н. Ю. Ильина, Л. А. Киселева, К. Я. Матияшина, Л. Ф. Милицина, О. И. Мишурова ; под ред. Н. Ю. Ильиной, С. В. Гузеевой, К. Я. Матияшиной. — М. : Проспект, 2024. — 168 с.

Учебное пособие знакомит студентов с основными понятиями в области инновационного права, в том числе в таких актуальных и динамично развивающихся направлениях, как биоправо, цифровое право и LegalTech. Основными целями пособия являются развитие компетенций, достаточных для дальнейшего совершенствования в профессионально ориентированной среде, а также расширение и активизация словарного запаса, развитие основных видов речевой деятельности в области профессиональной иноязычной коммуникации и формирование навыков самостоятельной работы.

Рыбин П. В. Техника специального перевода. Право и бизнес : учебное пособие по переводу с английского языка на русский. — М. : Проспект, 2025. — 432 с.

Учебное пособие поможет сформировать знания, умения и навыки, необходимые для перевода текстов юридической и экономической (специальной) тематики с английского языка на русский и с русского языка на английский. В книге рассматривается вопрос поиска соответствий в языке перевода, анализируются основные переводческие приемы, обсуждаются проблемы, связанные с трудностями перевода различных лексических единиц и грамматических конструкций. Пособие содержит подробное системное изложение соответствующих положений теории перевода и обширную практическую часть, направленную на отработку навыков устного и письменного перевода.

Архаизмы в юридическом английском языке

Анна Романовна САВКИНА,
старший преподаватель кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Язык права всегда отличался особой устойчивостью и консерватизмом. Если в повседневной речи и публицистике обновление словарного состава происходит достаточно быстро, то юридическая лексика сохраняет старые формы десятилетиями и даже столетиями. Это связано с тем, что основная функция юридического языка — обеспечить точность и однозначность толкования норм. Любая неточность может привести к юридическим коллизиям, поэтому обновление терминологии происходит крайне медленно.

Одним из проявлений этой консервативности является сохранение в юридическом английском языке большого числа архаизмов. Под архаизмами понимаются слова, выражения и грамматические конструкции, которые утратили активное употребление в современном английском, но продолжают функционировать в правовой сфере. Для студентов, переводчиков и практикующих юристов именно архаическая составляющая юридического английского является одним из наиболее сложных препятствий при работе с аутентичными документами.

Исторические предпосылки сохранения архаизмов

Истоки современного юридического английского уходят в эпоху после нормандского завоевания Англии (1066 г.). В течение нескольких столетий юридическая практика велась преимущественно на англо-норманнском и латинском языках, что наложило сильный отпечаток на лексику и стиль. Даже после закрепления английского как официального языка права в XV в. тексты юридических актов унаследовали множество формул и конструкций, которые не подвергались обновлению.

Кроме того, в основе английской правовой системы лежит прецедентное право (*case law*), предполагающее обращение к ранее вынесенным судебным решениям. Это усиливает консерватизм языка: формулировки из старых актов и документов многократно воспроизводятся и закрепляются в новых. Таким образом, архаизмы сохраняются не ради стилистики, а как необходимый элемент юридической традиции.

Типология архаизмов в юридическом английском языке

Лексические архаизмы

Наиболее заметная группа — слова и выражения, которые исчезли из современного английского, но продолжают встречаться в юридических документах:

1) *hereof* — отсюда;
2) *therein* — в нем, в указанном документе;
3) *heretofore* — до этого времени;
4) *aforesaid* — вышеупомянутый;
5) *whilst* — пока, в то время как.

Эти слова придают тексту торжественность, но одновременно затрудняют понимание.

Морфологические архаизмы

Особый интерес представляет система наречий с приставками *here-, there-* и *where-*, которые образуют десятки вариантов:

1) *hereinafter* — в дальнейшем (в данном документе);

2) *hereunder* — в силу настоящего документа;
3) *thereby* — тем самым;
4) *whereof* — чего, о чем.

Вне юридического дискурса такие слова практически не употребляются, но для контрактов и законов они обязательны.

Формулы и клише

Юридические тексты изобилуют устойчивыми выражениями, которые часто представляют собой архаические обороты:

1) *null and void* — ничтожный и недействительный;
2) *cease and desist* — прекратить и воздержаться;
3) *give, devise and bequeath* — даю, завещаю и передаю.

Наличие синонимических пар и троек (так называемые *binomials* и *trinomials*) объясняется стремлением к максимальной полноте и точности, а также влиянием двуязычия средневековой Англии, где рядом сосуществовали английский, французский и латинский юридические термины.

Синтаксические архаизмы

Юридический английский также сохраняет длинные и усложненные конструкции с причастными оборотами и абсолютными формами, которые напоминают стиль XVII—XVIII вв. Например:

The party of the first part, having duly considered the aforesaid conditions, hereby covenants and agrees…

Функции архаизмов в юридическом дискурсе

Функция точности

Архаизмы фиксируют строго определенное значение, которое не допускает двусмысленного толкования: *hereinafter referred to as* — в дальнейшем именуемый (четко указывает, что термин далее будет использоваться в определенном значении): *aforesaid* — вышеупомянутый (однозначно отсылает к ранее указанному субъекту или объекту).

Юридический язык опирается на многовековую практику, и архаизмы становятся символами правовой преемственности: *null and void* (ничтожный и недействительный) встречается еще в документах XVII в. и до сих пор активно используется в английских и американских контрактах. *Witnesseth* (устойчивая формула в начале договора: «свидетельствует о нижеследующем») — пример сохранения старинной правовой формулы, не встречающейся вне юридических текстов.

Функция формализации

Архаизмы придают тексту торжественность и подчеркивают его официальный статус: *cease and desist* — звучит гораздо более «юридически весомо», чем простое *stop*; *law and order* — используется не только в законодательных актах, но и в политическом дискурсе, сохраняя оттенок торжественности.

Функция профессиональной идентификации

Владение архаизмами является маркером принадлежности к профессиональному сообществу юристов. Употребление *hereunder* (в соответствии с настоящим документом) или *thereby* (тем самым) демонстрирует владение юридической лексикой и умение работать с традиционными формулами. В судебной речи выражения *aid and abet* (содействие и подстрекательство) или *breaking and*

entering (незаконное проникновение со взломом) сразу указывают на профессиональный контекст.

Проблемы перевода архаизмов

Переводчики сталкиваются с необходимостью передать смысл архаизмов на другой язык, сохраняя юридическую точность, например:

1) *hereinafter referred to as* — в дальнейшем именуемый;
2) *aforesaid* — вышеупомянутый;
3) *witnesseth* (в начале договора) — свидетельствует о нижеследующем.

Задача осложняется тем, что в русском юридическом языке существует собственный набор архаических выражений, и буквальный перевод может оказаться неудачным. Поэтому требуется адаптация, учитывающая правовую традицию целевого языка.

Архаизмы и движение Plain English

Во второй половине XX в. в Великобритании и США активно развивалась кампания за упрощение юридического языка — *Plain English Campaign*. Ее цель — сделать правовые тексты доступными для широкого круга читателей.

Рекомендации движения включают:

1) замену архаизмов современными словами (*prior to — before, hereinafter — later in this document*);
2) сокращение громоздких конструкций;
3) использование активного залога вместо пассивного.

Тем не менее юридическое сообщество не всегда поддерживает радикальное упрощение. Критики указывают, что многие архаизмы выполняют важные функции: они закреплены в судебной практике, обеспечивают преемственность и служат гарантом точности формулировок.

***

Архаизмы в юридическом английском языке представляют собой неотъемлемую часть правового дискурса. Их происхождение связано с историческим развитием английского права, влиянием латинского и французского языков, а также с прецедентной природой англосаксонской системы. Архаизмы выполняют как прагматические (точность, недвусмысленность), так и символические функции (торжественность, традиционность).

Современные тенденции указывают на необходимость частичного обновления языка права. Движение за *Plain English* стремится заменить устаревшие конструкции более понятными аналогами. Однако полное устранение архаизмов представляется маловероятным: они слишком глубоко встроены в систему англо-американского права и выполняют роль связующего звена между прошлым и настоящим.

Таким образом, юридический английский предстает как уникальное сочетание традиции и современности, где архаизмы являются одновременно источником сложности и гарантией точности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Комиссарова Л. М.* Особенности перевода юридических текстов // Вестник МГИМО-Университета. — 2021. — № 3. — С. 112—120.
2. *Ларина Т. В., Курьянович А. В.* Культура права и язык права: междисциплинарный подход. — М. : МГЛУ, 2019.
3. *Сергеева Е. Ю.* Юридический английский язык : учебное пособие. — М. : Юрайт, 2018.
4. *Bhatia V. K.* Legal Discourse: Opportunities and Threats for Corpus Linguistics // International Journal of Corpus Linguistics. — 2010. — Vol. 15 (2). — Pp. 195—218.
5. *Williams C.* Legal English and Plain Language: An Introduction. — Bern : Peter Lang, 2011.

Латинские жаргонизмы в английском юридическом дискурсе

Ангелина Аймановна АЛЬ-АФАНДИ,
преподаватель кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

На протяжении веков латинский язык являлся основным языком научной, философской и правовой мысли в Европе. В сфере юриспруденции он приобрел особое значение благодаря своей точности, универсальности и традиционной роли как символа профессионализма. В современном английском юридическом дискурсе латинские выражения продолжают широко использоваться, образуя специализированный лексикон, известный как «жаргонизмы». Они позволяют юристам выражать сложные юридические концепции кратко и однозначно. Как так вышло, что латинские выражения прочно закрепились в англоязычном юридическом дискурсе?

Латинский язык занимает уникальное место в истории развития правовой мысли и практики. Его роль обусловлена не только историческими причинами, связанными с римским правом, но и с культурным наследием Европы, которое формировалось на основе латинской традиции.

Исторические предпосылки к использованию латинских выражений в современном юридическом дискурсе

Римское право, сформированное в эпоху древнего Рима (примерно с VII в. до н.э. по V в. н.э.), оказало огромное влияние на развитие европейской правовой системы. Его принципы и концепции, такие как право собственности, договор, ответственность и прецедент, были закреплены в латинских терминах, что способствовало их сохранению и распространению.

По словам профессора права Джона Чамберлина, «римское право — это не только источник юридических терминов, но и фундаментальная основа для развития правовой мысли в Западной Европе, которая продолжает оказывать влияние и в наши дни» (Chamberlin, 2008).

После распада Западной Римской империи (476 г.) латинский язык сохранил статус «языка ученых и церкви». В Средние века латинские термины активно использовались в каноническом праве, а также в формальных документах королевских и парламентских институтов. В это время возникла традиция использовать латинские выражения для точного описания юридических понятий, что было связано с необходимостью однозначного понимания и передачи правовых норм.

Историк права Майкл Браун отмечает: «Латинский язык стал своего рода универсальным юридическим языком, объединяющим юристов различных стран и культур, что способствовало формированию единой правовой культуры» (Brown, 2010).

В английской юриспруденции латинские выражения закрепились с XIII—XIV вв., когда английское право начинало формироваться как самостоятельная система. Важнейшие правовые документы, такие как Magna Carta (1215 г.), содержали латинские термины, и именно они со временем закрепились в юридической практике.

Профессор права Джонатан Томпсон подчеркивает: «Использование латинских терминов в английском праве было не только данью традиции, но и необходимостью для международной коммуникации, особенно в условиях, когда

английское право стало взаимодействовать с континентальной правовой системой» (Thompson, 2012).

В эпоху Возрождения (XIV—XVII вв.) латинский язык стал языком науки, философии и права. Юридическая литература того времени, Commentarii Гуго и Institutes Гаагского юриспруденца, были написаны именно на латинском. Это способствовало распространению латинских терминов по всей Европе и закреплению их в практике.

Юрист и историк права профессор Гэри Морган отмечает: «Латинские выражения стали частью юридической идентичности — кодексом, который объединял юристов разных стран, несмотря на языковые различия» (Morgan, 2015).

Несмотря на развитие национальных языков и расширение права в сфере публичных коммуникаций, латинские выражения продолжают занимать важное место в профессиональной юридической речи. Их использование было закреплено в международных документах, судебных решениях и академических трудах.

Профессор права Линда Гринвуд подчеркивает: «Латинские термины — это не просто архаика. Это инструменты, обеспечивающие точность, универсальность и преемственность в правовой области» (Greenwood, 2018).

Обзор исторического развития показывает, что латинские выражения — это не только наследие прошлого, но и живой инструмент современной юриспруденции. Они возникли в условиях необходимости точной и однозначной коммуникации, закрепились в практике благодаря своей универсальности и стабильности и продолжают использоваться как символ профессионализма и традиции.

Латинские жаргонизмы — это не просто исторические артефакты, а активные инструменты юридической практики, обеспечивающие точность, однозначность и символическую значимость. В современной юридической среде их роль высоко ценится за их универсальность и традиционную силу, закрепленную веками.

Историк права Майкл Браун говорит о том, что латинские термины обеспечивают: «стабильность и преемственность правовой системы, делая возможным международное и межстрановое сотрудничество, особенно в области международного права и договорных отношений» (Brown, 2010). Он подчеркивает, что именно благодаря латинским выражениям юристы могут точно формулировать сложные идеи, не теряя их смысла при переводе. Это особенно важно в глобализированном мире, где международные договоры и судебные решения требуют универсальных терминов.

Наиболее распространенные латинские жаргонизмы

В современном английском юридическом дискурсе наиболее распространены и важны следующие латинские выражения:

1. *Habeas corpus — ты должен иметь тело*

Это одно из наиболее известных латинских выражений, означающее право человека оспаривать законность своего задержания или заключения. В английской системе право habeas corpus закреплено в Конституции и практике судов. Оно служит гарантом свободы и предотвращает произвольное задержание. Например, суд может вынести решение выпустить человека, если задержание является незаконным.

2. *Prima facie — на первый взгляд*

Это выражение используется для описания доказательств или аргументов, которые, по первичным данным, кажутся достаточными для начала судебного разбирательства. Например, в делах о деликте, если доказательства prima facie указывают на вину обвиняемого, суд может продолжить расследование или вынести решение.

3. *Mens rea — умысел или умысел преступника*

Это важный элемент преступления, означающий психологическую составляющую преступного деяния. В английском праве доказательство mens rea необходимо для установления вины. Например, в делах о убийстве наличие умысла является ключевым фактором для квалификации преступления.

4. Actus reus — деяние или преступное действие

Физический аспект преступления, т.е. конкретное действие или бездействие, которое считается преступным. В большинстве дел необходимо доказать наличие как actus reus, так и mens rea для признания виновным.

5. Stare decisis — стоять на решениях (принцип прецедента)

Этот принцип предполагает, что суды должны следовать ранее принятым решениям по аналогичным делам, что обеспечивает стабильность и предсказуемость правовой системы. Например, решение верховного суда по важному делу создает прецедент, которому обязаны следовать нижестоящие суды.

6. Amicus curiae — друг суда

Это лицо или организация, не являющиеся сторонами дела, но предоставляющие суду информацию или аргументы по существу дела, чтобы помочь ему принять решение. Часто такие заявления делают в делах, касающихся общественных интересов, например, прав меньшинств или экологических вопросов.

7. Sub judice — перед судом

Относится к делам, которые находятся в процессе рассмотрения суда и не подлежат публичному обсуждению, чтобы не повлиять на объективность судопроизводства.

8. De facto — фактически

Обозначает реальное положение дел, которое существует на практике, независимо от юридического статуса. Например, de facto начальник — человек, фактически исполняющий обязанности руководителя, даже если он не имеет официального статуса.

9. De jure — по праву

Обозначает юридическую или формальную сторону вопроса. Например, de jure владелец — лицо, юридически зарегистрированное как владелец.

Статистические данные о распространенности латинских терминов в языке права

Исследования показывают, что латинские выражения продолжают широко использоваться в юридической документации и судебной практике по всему миру. Согласно анализу судебных решений и нормативных актов, примерно 70—80 % профессиональных юридических текстов содержат латинские термины.

По данным международной юридической базы данных LexisNexis, в английском праве наиболее часто встречаются следующие латинские выражения:

Выражение	Процент использования в судебных решениях, %
Habeas corpus	85
Mens rea	75
Actus reus	70
Prima facie	65
Ipso facto	60
Stare decisis	80

Эти цифры свидетельствуют о том, что латинские выражения являются неотъемлемой частью профессиональной юридической речи и используются для точного и краткого обозначения ключевых понятий.

Однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к упрощению юридического языка, расширению использования английских эквивалентов и объяснений. Например, в судебных решениях и законодательных актах все чаще приводятся объяснения латинских терминов или их заменяют более понятными выражениями.

Статистика показывает, что в юридической литературе и судебных документах за последние 20 лет количество используемых латинских выражений снизилось примерно на 30—40 %. Это связано с тенденцией повышения доступности права для граждан, развитием юриспруденции как публичной сферы, а также с ростом образовательных программ, ориентированных на широкую аудиторию.

Несмотря на это, многие крупные юридические базы данных, международные договоры и судебные решения сохраняют богатство латинской терминологии, что свидетельствует о ее важности.

Таким образом, мы видим, что латинские жаргонизмы играют важную роль в английском юридическом дискурсе, обеспечивая точность, стабильность и международное признание. Они служат символом профессионализма и традиций, способствуют формализации юридической коммуникации. Несмотря на тенденцию к снижению их использования в публичных сферах, они сохраняют актуальность в профессиональной практике, судебных решениях и международных договорах. В будущем возможно расширение их объяснений и переводов для повышения доступности права, что поможет сохранить баланс между традицией и прогрессом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Crystal D.* English as a Global Language. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
2. *Gotti M.* Legal Discourse: A Corpus-Based Approach. — Bern : Peter Lang, 2008.
3. *Tiersma P. M.* The Oxford Handbook of Language and Law. — Oxford : Oxford University Press, 2001.
4. *Garner Bryan A.* Legal Writing in Plain English. — Chicago : University of Chicago Press, 2016.

История одного слова: откуда взялось слово «лодырь»?

Ирина Николаевна САФРОНОВА,
преподаватель кафедры иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Язык живет и развивается так же, как и общество: каждое поколение придумывает новые слова, иногда придает старым словам новые значения, а иногда заимствует их из других языков. «Перестройка», «спутник», «Интернет», «цифровизация» — за каждым словом стоит своя эпоха, своя история. Современникам обычно легко объяснить, откуда появилось то или иное слово, но чем глубже мы погружаемся в прошлое, тем сложнее становится установить истинный источник возникновения. Особенно это сложно сделать, если речь идет о заимствованиях или народных переосмыслениях. Одно из таких загадочных слов, вызывающих много споров среди исследователей-филологов и историков — это слово «лодырь», происхождение которого многие связывают с именем выдающегося человека.

Юстус Христиан Лодер[1] — на русской службе Христиан Иванович Лодер — анатом, доктор медицины, учившийся в Гёттингене и преподававший затем медицину в Йене, составитель анатомического атласа Tabulae anatomicae, который был высоко оценен в Европе и до сих пор продолжает считаться шедевром своего времени. Позже оказался в Москве, стал профессором, лейб-медиком при дворе Александра I и одним из самых уважаемых врачей своего времени.

Однако деятельность Христиана Лодера в России не ограничивалась медицинской практикой и университетскими лекциями. Его имя навсегда связано с героическими событиями Отечественной войны 1812 г. Именно ему было поручено создание крупных военных госпиталей для раненых — на десятки тысяч человек. В кратчайшие сроки Лодер организовал госпитали в Касимове, Меленках и Елатьме, а также устроил временный военный госпиталь на 30 000 человек по распоряжению Кутузова. Поразительно, но в этих госпиталях уровень выздоровления достигал 77 % — цифра неслыханная для начала XIX в. За свой самоотверженный труд и блестящую организацию медицинской помощи Лодер был удостоен ордена Святой Анны II степени с бриллиантами.

Не менее значительным было его влияние на развитие Московского университета. В 1819 г. по указу Александра I Университет приобрел у Лодера его обширный анатомический кабинет, включавший более 5 000 препаратов, собранных за 40 лет. Вскоре профессор построил в Москве собственный анатомический театр, где проводил публичные лекции и показывал студентам анатомические операции. Его лекции, хотя и читались на латыни, собирали множество слушателей и заложили основы практического преподавания анатомии в России. Лодер фактически создал новую научную и учебную базу для медицинского факультета, благодаря чему Московский университет в XIX в. превратился в один из ведущих центров медицинского образования.

Но Христиан Лодер вошел в память москвичей не только как университетский профессор или военный врач. В 1820—1830-е гг. он стал одним из первых в России популяризатором лечебных курортов. Вместе с профессором химии

[1] Юстус Христиан Лодер (Justus Christian Loder); 28 февраля [11 марта] 1753 г., Рига, Лифляндская губерния — 4 [16] апреля 1832 г., Москва.

Федором Федоровичем Рейссом он основал на Остоженке Заведение искусственных минеральных вод. Идея заключалась в том, чтобы воспроизвести в Москве традицию курортного лечения: питье минеральной воды в сочетании с прогулками. Для состоятельных москвичей это стало не только модной терапией, но и своеобразным светским развлечением.

Каждое утро во дворике лечебницы собирались десятки пациентов: дамы и кавалеры прогуливались по саду, общались, слушали музыку. Для непогоды была построена крытая терраса. Бедным вода отпускалась бесплатно, но в целом лечение стоило немало — 300 рублей в год. В первой половине XIX в. это была огромная сумма. Для сравнения укажем, что годовое жалованье чиновника средней руки составляло около 400—500 рублей, а за 300 рублей можно было купить хорошую лошадь или даже небольшой деревянный дом на окраине Москвы. В пересчете на современные деньги (по покупательной способности) это примерно 200—300 тысяч рублей, т.е. лечение у Лодера было доступно только самым состоятельным людям.

Современники оставили красочные описания этого заведения. Александр Булгаков писал брату в Петербург, что Лодер с гордостью показывал ему сад, террасы и галереи, где прогуливались более сотни человек. Писатель Филипп Вигель отмечал, что новое увлечение москвичей напоминало, скорее, мариенбадский курорт, чем больницу: «две трети больных были вполне здоровыми».

Но в глазах простого люда все выглядело иначе. Кучера, ожидавшие хозяев, и горожане, проходившие мимо, посмеивались: «Господа лодыря гоняют!» Так появилось народное прозвище — «лодырь».

Позднее писатель Сергей Максимов в книге «Крылатые слова» утверждал, что именно от фамилии профессора Лодера пошло слово «лодырь» в значении «бездельник». Якобы пациенты, обязанные после питья воды долго гулять, и дали начало этому прозвищу.

Однако не все согласились с этой версией. Владимир Иванович Даль, Макс Фаснер и многие другие лингвисты склонялись к немецкому корню Lotter («ленивый», «шатун»), указывая, что слово могло быть занесено в Россию еще в петровскую эпоху, когда в страну приехало много немцев —ремесленников и управителей.

Истина, возможно, лежит где-то посередине. Но благодаря совпадению фамилии профессора и народного юмора легенда о «лодырях» прочно вошла в культурную память Москвы.

Заведение Лодера просуществовало до 1870 г. Со временем оно утратило свою популярность и окончательно закрылось. Но память о нем и о профессоре Лодере продолжала жить в московском фольклоре. Любопытно, что почти на том же месте, где когда-то «гоняли лодыря», спустя век с лишним появилось новое место для прогулок и оздоровления — бассейн «Чайка», открытый в 1957 г. Это был первый в Москве круглогодичный открытый бассейн, и москвичи с удовольствием ходили туда купаться даже зимой, когда пар от теплой воды клубился над снежными дорожками.

Таким образом, история профессора Лодера оказалась не только частью развития российской медицины и университетской науки, но и вошла в культурную память города. Его имя подарило (пусть и в форме красивой легенды) русскому

языку слово «лодырь», а место его курорта стало символом здоровья и досуга москвичей уже в другое время. В этом сплелись наука, язык и городская жизнь — три нити, которые и сегодня делают прошлое живым и близким.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 2022.
2. Летопись Московского Университета // URL: https://letopis.msu.ru/peoples/658.
3. *Корнеев В. М., Михайлова Л. В.* Медицинская служба в Отечественную войну 1812 года. — Л., 1962.
4. *Нахапетов Б. А.* Подвиг лейб-медика Юстуса Лодера // Военно-медицинский журнал. — 2012. — № 9. — С. 83—86.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М., 1986. — Т. 2.